ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4(6)
2017
ISSN 2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические
и экономические науки

ISSN 2500-3372 (print) ISSN 2542-1190 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Политические, социологические и экономические науки

2017 № 4(6)

Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.
Редакционная коллегия:
Морозова Е. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
Series: Political, Sociological and Economic Sciences

2017 no 4(6)

Founded in 2016

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair;
O. O. Babich, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.
Editorial board:
E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017
© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017
© The authors of scientific articles, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Роль некоммерческих организаций в повышении качества жизни населения
Татьяна А. Минаева *4*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Социальные факторы развития моногородов
Антон Д. Мурзин *11*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Влияние энергетического фактора на качество жизни домохозяйств
Ирина С. Белик, Людмила В. Камдина *18*

Моногорода: за и против
Владимир А. Бердников, Маргарита А. Вахтина *23*

Кластерный подход как одна из современных технологий управления региональным развитием
Ольга П. Бурматова, Евгений Ю. Куриляк *29*

Социально-экономические аспекты потенциала устойчивого развития сельского хозяйства в ресурсных регионах
Елена Г. Колесникова, Татьяна Д. Чекменева, Ольга Н. Котова *35*

К оценке опыта ТОСЭР (парадоксы развития и(или) опережения)
Анатолий Н. Макаров *42*

Комплексная характеристика факторов, лимитирующих транспортную доступность отдаленных и труднодоступных территорий Томской области
Мария А. Мельник, Елена С. Волкова *48*

Прикладные исследования для улучшения качества жизни на примере моногорода Юрга Кемеровской области
Григорий О. Тащиян, Владимир А. Трифонов *54*

Регионально-отраслевой подход к формированию рациональной формы корпоративного управления
Жусуп Т. Тургунбаев, Мелисбек Ж. Тургунбаев *61*

Роль инвестиции в формировании новых форм управления в условиях глобализации
Жусуп Т. Тургунбаев, Мелисбек Ж. Тургунбаев *67*

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

The Role of Nonprofit Organizations in Improving the Quality of Life of the Population
Tatyana A. Minaeva *8*

SOCIOLOGY SCIENCE

Social Factors of Monotown Development
Anton D. Murzin *16*

ECONOMICS SCIENCE

Influence of the Energy Factor on the Quality of Household Life
Irina S. Belik, Lyudmila V. Camdina *21*

Monotowns: Pros and Cons
Vladimir A. Berdnikov, Margarita A. Vakhtina *27*

Cluster Approach as One of Modern Technologies of Regional Development Management
Ol'ga P. Burmatova, Evgenii Iu. Kuriliak *33*

Socio-Economic Aspects of the Capacity for Sustainable Agricultural Development in the Resource Regions
Elena G. Kolesnikova, Tatyana D. Chekmeneva, Olga N. Kotova *40*

Experience Evaluation of Advanced Social and Economic Development Areas (Paradox of Development and / or Advance)
Anatolii N. Makarov *46*

Complex Characteristic of Factors Limiting Transport Accessibility of Distant and Remote Areas of the Tomsk Region
Mariya A. Mel'nik, Elena S. Volkova *52*

Applied Research to Improve the Quality of Life: case study of the Monotown of Yurga (Kemerovo Region)
Grigory O. Tashchiyan, Vladimir A. Trifonov *59*

Regional Branch Approach to the Formation of a Rational Form of Corporate Governance
Zhusup T. Turgunbaev, Melisbek Zh. Turgunbaev *65*

The Role of Investment in the Formation of New Forms of Governance in the Context of Globalization
Zhusup T. Turgunbaev, Melisbek Zh. Turgunbaev *71*

УДК 329.1/.6+330.59

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ*

Татьяна А. Минаева [1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *min77@list.ru*

Поступила в редакцию 11.12.2017. Принята к печати 22.01.2018.

Ключевые слова: качество жизни, некоммерческие организации, социально ориентированные НКО, социальная политика, общественно полезные услуги.

Аннотация: Во втором десятилетии XXI века произошли масштабные изменения, касающиеся деятельности некоммерческих организаций. Во-первых, существенно укрепился статус некоммерческих организаций (НКО) как субъекта социальной политики, чему способствовали некоторые перемены в социально-экономическом устройстве государств, продиктованные условиями глобального кризиса. Данная тенденция характерна для большинства развитых стран мира. Во-вторых, деятельность НКО стала более популярной среди широких масс населения, отчего возросло количество членов НКО и их профессионализм. В-третьих, отвечая на современные вызовы, государственные структуры активно взялись за разработку и внедрение механизмов, поддерживающих и стимулирующих социально ориентированные некоммерческие организации. Все эти факторы говорят о том, что деятельность некоммерческих организаций становится неотъемлемой частью социально-экономических процессов, способствующих повышению качества жизни населения. Перечень общественно полезных услуг, к оказанию которых сегодня согласно нормативно-правовым актам в приоритетном порядке привлекаются НКО, охватывает основной спектр показателей качества жизни населения. Уже порядка 60 % из более 223 тысяч зарегистрированных в стране НКО получили статус социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), что позволяет им рассчитывать на государственную поддержку своей деятельности. Для повышения результативности социально ориентированных некоммерческих организаций необходимо: дальнейшее совершенствование законодательной базы, включающее льготное кредитование и банковское обслуживание СОНКО; развитие инфраструктуры поддержки СОНКО; активизация обмена опытом, в том числе через создание консультационных центров и внедрение института наставничества в сфере СОНКО; обязательное включение СОНКО в проведение оценки эффективности работы органов власти в сфере социальной политики; более широкое информирование граждан о возможностях получения услуг со стороны СОНКО и их деятельности в целом.

Для цитирования: Минаева Т. А. Роль некоммерческих организаций в повышении качества жизни населения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 4–10.

«Качество жизни» является одним из ключевых понятий при характеристике социально-экономического состояния государства, оценке происходящих в стране реформ и процессов развития. Данный показатель неизменно фигурирует в рейтингах эффективности органов власти различного уровня, в программных документах политических партий, в социологических исследованиях. Безусловно, качество жизни населения характеризует успешность реализации социальной политики в регионах и стране в целом.

Существуют различные подходы к определению понятия «качество жизни». В некоторых исследованиях оно фактически уравнивается с понятием «индекс развития человеческого капитала» (ИЧРП), разработанным в 1990 г. пакистанским ученым Махмудом уль-Хаком (Mahbub ul-Haq) и с 1993 г. применяемым ООН, включающим три вида показателей: ожидаемую продолжительность жизни при рождении, уровень грамотности и уровень жизни, рассчитываемый через ВВП на душу населения [1]. Более широкое толкование включает обеспеченность населения комфортным жильем, социальной инфраструктурой, качеством образования, демографическими тенденциями, уровнем безопасности [2, с. 85].

Еще более широкая точка зрения предполагает включение в понятие «качество жизни населения» также ряда важнейших жизненных ценностей: возможность самореализации человека, гуманность общества, мир и стабиль-

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

ность человеческого существования, экологическое благополучие и др. [3, с. 144]. Можно констатировать, что с течением времени понятие «качество жизни населения» претерпело серьезные изменения и от узкого понимания, сводящегося в основном к материальному благосостоянию граждан, трансформировалось в многофакторную оценку «совокупности характеристик условий жизни населения» [3, с. 144], причем ориентированную на степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей населения, адекватных современному уровню социально-экономического развития общества. Близким по смыслу является понимание качества жизни как степени удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека (группы, общества), определяемой объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни [4, с. 17].

Формирование показателей качества жизни населения обеспечивается, в первую очередь, субъектами социальной политики: государством, социально ответственным бизнесом, институтами гражданского общества и неформальными общественными объединениями. В этих условиях существует и обратная зависимость: качество жизни становится главным критерием оценки эффективности работы институтов гражданского общества. Развитие участия некоммерческих организаций (НКО) включает два этапа: экономический – как результат последствий экономических преобразований в период становления капитализма, необходимости выравнивания материального неравенства граждан; политико-правовой – как ответ на запрос в обеспечении социальных гарантий, социального представительства интересов различных общественных групп [5, с. 664; 6, с. 119].

Роль некоммерческих организаций в реализации социальной политики, вопросах обеспечения роста показателей качества жизни населения в настоящее время существенно возрастает. Этому способствует несколько факторов. Во-первых, увеличившаяся потребность в альтернативных поставщиках социальных услуг в связи с последствиями глобального экономического кризиса, негативно повлиявшими на способность государства полностью обеспечивать весь спектр социальных задач. Во-вторых, профессиональный и качественный рост внутри самих некоммерческих организаций и усиление гражданского запроса на включение НКО в процесс решения социально-экономических и общественно-политических проблем современности. В-третьих, обусловленный предыдущими факторами новый тренд государственной политики, ориентированной на активную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) через создание широкого поля механизмов стимулирования их развития и включения в процессы реализации социальной политики. Эти тенденции в различных исследованиях называются по-разному. Так, некоммерческие организации именуются «ресурсом обеспечения социальной безопасности» ввиду их уникальной способности гибко и оперативно реагировать на запросы населения и острые социальные проблемы, представлять интересы самых разных социальных слоев и работать по государственному заказу, одновременно обеспечивая и общественный контроль деятельности органов государственной власти и местного самоуправления [7, с. 50–51]. Также некоммерческие организации, являясь субъектами формирования устойчивого позитивного уровня качества жизни населения, называются важным фактором влияния на «социальное здоровье населения», под которым понимается обеспечение достойных условий жизни различных социальных категорий, защита прав малоимущих и инвалидов, снятие социальной напряженности, обеспечение конструктивного диалога власти и общества и др. [8, с. 27–129]. Таким образом, выступая в качестве полноправного субъекта социальной политики с тенденцией усиления своего участия, обусловленной современными социально-экономическими и общественно-политическими условиями, некоммерческие организации оказывают влияние на эффективное решение актуальных социальных проблем, обеспечивают профессиональное выполнение социальных услуг для широкого круга граждан и, как следствие, должны способствовать повышению качества жизни населения.

Важнейшим фактором развития НКО является создание государственных механизмов поддержки. В 2016 г. принят федеральный закон, согласно которому «некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг имеют право на приоритетное получение мер поддержки» [9]. При этом созданы благоприятные механизмы для включения социально ориентированных НКО в данную категорию. Следующим федеральным законом еще более детально были проработаны указанные меры поддержки СОНКО в части информирования, подготовки и дополнительного профессионального образования работников таких организаций. Причем было установлено, что такая поддержка при принятии соответствующего решения оказывается не менее чем два года [10].

Далее было принято и вступило в силу с 1 января 2017 г. постановление Правительства Российской Федерации, устанавливающее перечень указанных услуг [11]. Его объективно можно использовать для построения показателей комплексной оценки качества жизни населения (таблица).

Таблица. **Качество жизни через общественно полезные услуги**
Table. **Quality of life via socially useful services**

Показатель качества жизни населения	Общественно полезные услуги
Доступность социального обслуживания	Предоставление социального обслуживания в форме «на дому»; предоставление социального обслуживания в стационарной форме; предоставление социального обслуживания в полустационарной форме.

Обеспечение трудоустройства различных категорий граждан	Социально-трудовые услуги, направленные на оказание содействия в вопросах трудоустройства и в решении вопросов, связанных с трудовой адаптацией молодежи, матерей с детьми, инвалидов, граждан пожилого возраста, лиц, освободившихся из мест лишения свободы.
Поддержка незащищенных слоев населения	Услуги, предусматривающие реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов, социальное сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; услуги по оказанию социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.
Защита прав детей, поддержка института семьи	Участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; услуги по профилактике социального сиротства; услуги, направленные на социальную адаптацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей; оказание помощи семье в воспитании детей; услуги по организации отдыха и оздоровления детей, в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.
Качество и доступность образования	Услуги в сфере дошкольного и общего образования, дополнительного образования детей; услуги по психолого-педагогическому консультированию, медицинской и социальной помощи обучающимся; услуги в сфере дополнительного образования граждан пожилого возраста и инвалидов; услуги в сфере дополнительного образования сотрудников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций.
Здоровье населения, качество и доступность здравоохранения	Услуги, предусматривающие медико-социальное сопровождение лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, и лиц, нуждающихся в медицинской паллиативной помощи; услуги по профилактике социально значимых заболеваний, курения, алкоголизма, наркомании; услуги, направленные на медико-социальную реабилитацию лиц с алкогольной, наркотической или иной токсической зависимостью.
Доступность массового спорта	Услуги в области физической культуры и массового спорта.
Эффективность механизмов общественного контроля	Услуги по сбору, обобщению и анализу информации о качестве оказания услуг организациями культуры, социального обслуживания, медицинскими организациями и организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

В 2016–2017 гг. реализовался комплекс из 44 мероприятий, утвержденных распоряжением Правительства РФ. Это план мероприятий («дорожная карта») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». Отмечается, что «участие негосударственных организаций в оказании услуг в социальной сфере направлено на повышение эффективности использования общественных ресурсов, выделяемых на эти цели, активное внедрение в практику инновационных социальных технологий, привлечение внебюджетных инвестиций для развития объектов социальной инфраструктуры» [12].

«Дорожная карта» предусматривает:

– рост негосударственных организаций в числе поставщиков социальных услуг,

– создание дополнительных условий для повышения качества услуг в социальной сфере,

– сокращение дефицита данных услуг для населения,

– развитие механизмов государственно-частного партнерства в социальной сфере,

– развитие системы поддержки социально ориентированных НКО.

Комплекс мер, которые призваны обеспечить доступ социально ориентированных некоммерческих организаций к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, утвержден заместителем Председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец. Он включает такие аспекты, как совершенствование нормативно-правовой базы, повышение потенциала СОНКО, координацию деятельности органов власти всех уровней в вопросах поддержки СОНКО, мониторинг и разработку методических материалов [13].

На основании данной «дорожной карты» и комплекса мер были подготовлены нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации. Так, в Кемеровской области принято распоряжение Коллегии администрации Кемеровской области «Об утверждении комплексного плана мероприятий Кемеровской области по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым

на предоставление социальных услуг населению, использованию различных форм поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на 2017–2020 годы». Запланировано в том числе определение наиболее востребованных у населения социальных услуг, к выполнению которых будут привлечены социально ориентированные некоммерческие организации; включение в госпрограммы поэтапного доступа СОНКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление услуг населению в социальной сфере по направлениям: социального обслуживания и социальной защиты, развития образования, развития культуры и туризма, развития физической культуры и спорта и др. [14]. Кроме того, в Кемеровской области действует областной закон «О взаимодействии органов государственной власти Кемеровской области с некоммерческими организациями», который предусматривает финансирование на конкурсной основе социально значимых программ (проектов) социально ориентированных некоммерческих организаций, устанавливает виды деятельности, по которым оказывается поддержка социально ориентированным НКО:

«1) защита семьи, детства, материнства и отцовства;

2) развитие детского и молодежного общественного движения, поддержка детских, молодежных общественных объединений и общественных объединений, работающих с детьми и молодежью;

3) развитие институтов гражданского общества;

4) укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактика экстремизма и ксенофобии;

5) содействие развитию предпринимательства и туризма на территории Кемеровской области;

6) деятельность в области средств массовой информации, а также издательского дела;

7) содействие охране правопорядка» [15].

То есть можно заключить, что для социально ориентированных некоммерческих организаций в нашей стране на сегодняшний день со стороны государства созданы условия, благоприятствующие их участию в вопросах обеспечения роста качества жизни населения. Более того, органы власти напрямую заинтересованы в активизации работы СОНКО как планируемого эффективного партнера в решении острых социальных задач.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации в нашей стране действует более 223 тысяч НКО (в Кемеровской области – свыше 2 тысяч). При этом более 60 % (около 134 тысяч) от зарегистрированных НКО в России уже получили статус социально ориентированных. Численность занятых в сфере НКО варьируется в пределах 670–980 тысяч человек. В 2016 г. объем всех средств, выделенных на поддержку СОНКО, составил 93 млрд рублей. Из них 28 млрд – федеральный бюджет, 49 млрд – бюджеты субъектов Федерации, 10 млрд – муниципальные (местные) бюджеты, 6 млрд – государственные внебюджетные фонды. По данным Росстата общий объем доходов СОНКО в 2015 г. составил 686 млрд рублей, в 2016 г. – уже 831 млрд рублей (в частности, доходы от реализации товаров и услуг составили 254 млрд рублей) [16].

Эксперты отмечают ряд проблем, существующих в оценке показателей развития НКО, например, недостаточную достоверность статистических данных. Это связано, в первую очередь, с тем, что по экспертным оценкам активно работают из всех НКО только 15–20 % [16], а на региональном уровне этот показатель еще ниже. Наибольшую устойчивость проявляют благотворительные объединения, объединения инвалидов, молодежные и детские организации, спортивные объединения, ветеранские и патриотические организации, национальные диаспоры, творческие союзы, природоохранные и экологические организации. Для повышения эффективности деятельности некоммерческих организаций в оказании социальных услуг и повышении качества жизни населения необходимы дальнейшие меры:

– дальнейшее совершенствование законодательной базы в части поддержки СОНКО, в частности распространение на них мер поддержки, оказываемой субъектам малого и среднего предпринимательства, а также льготное кредитование и обслуживание банковских счетов таких организаций;

– разработка типовой модели инфраструктуры поддержки СОНКО, предоставляющих услуги в социальной сфере, включая создание центров социальных инноваций и ресурсных центров [17];

– активизация процессов обмена опытом для СОНКО, в том числе через создание сети консультационных центров и внедрение института наставничества;

– обязательное включение уровня участия СОНКО в реализации социальной политики при проведении оценки эффективности органов власти и формировании показателей качества жизни населения;

– широкое информирование граждан о возможности получения качественных социальных услуг со стороны СОНКО и в целом деятельности некоммерческого сектора.

Литература

1. Индекс развития человеческого капитала. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/939756 (дата обращения: 10.01.2018).

2. Гармаева Э. Ц., Иванова Э. Б. Уровень и качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития региона // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. Т. 1. С. 85–87.

3. Абдукаримов В. И., Герасимов Б. И., Сизикин А. Ю. Экономический анализ региональных аспектов управления качеством жизни населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 143–147.

4. Мухачева А. В., Морозова Е. А. Качество жизни в условиях кризиса: региональный аспект. Кемерово: КемГУ, 2016. 232 с.

5. Целютина Т. В., Подвигайло А. А., Куликова О. В., Зырянова Я. В. От эффективности институтов гражданского общества к устойчивости регионального развития и повышению качества жизни // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 664.

6. Морозова Е. А., Бельчик Т. А., Головина О. В., Кочнева О. П., Лузгарева О. И., Мухачева А. В., Пастухова Е. Я., Сухачева А. В. Социологическая оценка результативности социальной политики на региональном и муниципальном уровне // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-3. С. 119–124.

7. Максимова С. Г. Функционирование некоммерческих организаций как ресурс обеспечения социальной безопасности в регионах России // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2014. № 4. С. 50–58.

8. Голосов О. В., Смагина В. В. Влияние института некоммерческих общественных объединений на формирование социального здоровья населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12(140). С. 127–131.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг. Федеральный закон от 03.07.2016 № 287-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200638/ (дата обращения: 12.01.2018).

10. О внесении изменений в статью 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях». Федеральный закон от 19.12.2016 № 449-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209006/ (дата обращения: 12.01.2018).

11. Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания. Постановление Правительства РФ от 27.10.2016 № 1096. Режим доступа: http://government.ru/docs/25126/ (дата обращения: 13.01.2018).

12. Об утверждении плана мероприятий «дорожной карты» «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». Распоряжение Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р. Режим доступа: http://government.ru/docs/23445/ (дата обращения: 13.01.2018).

13. Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы от 23.05.2016 № 3468п-П44. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/456050188 (дата обращения: 13.01.2018).

14. Об утверждении комплексного плана мероприятий Кемеровской области по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, использованию различных форм поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на 2017–2020 годы. Распоряжение Коллегии администрации Кемеровской области от 27.03.2017 № 127-р. Режим доступа: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_398455 (дата обращения: 13.01.2018).

15. О взаимодействии органов государственной власти Кемеровской области с некоммерческими организациями. Закон Кемеровской области от 05.04.2011 № 30-ОЗ. Режим доступа: http://zakon.sndko.ru/?p=41 (дата обращения: 13.01.2018).

16. Третий сектор. Динамика развития, экономический потенциал, общественное восприятие // Общественная палата Российской Федерации. Режим доступа: https://report2017.oprf.ru/2.html (дата обращения: 12.01.2018).

17. Итоговые рекомендации второго Форума социальных инноваций регионов // Форум социальных инноваций регионов. 18.07.2017. Режим доступа: http://socio-forum.com/conf2017/about/news/Itogovye_rekomendatsii_vtorogo_Foruma_sotsialnykh_innovatsiy_regionov/ (дата обращения: 13.01.2018).

THE ROLE OF NONPROFIT ORGANIZATIONS IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION*

***Tatyana A. Minaeva*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *min77@list.ru*

Received 11.12.2017. Accepted 22.01.2018.

Keywords: the quality of life of the population, nonprofit organizations, socially oriented NPOs, social policy, public utility services.

Abstract: The second decade of the XXI century has seen major changes concerning the activities of non-profit organizations. First, the status of non-profit organizations (NPOs) as a subject of social policy has significantly improved, aided by some changes in the socio-economic structure of various states after the global crisis. This trend is characteristic of most developed countries in the world. Secondly, the NPOs have become more popular among the population: as a result, both the number of NPO members and their professionalism have increased. Thirdly, government agencies are responding to modern challenges and become actively engaged in the development and implementation of mechanisms supporting

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

and enabling socially oriented NPOs. All these factors show that the activity of non-profit organizations is becoming an integral part of socio-economic processes that improve the quality of life of the population. A list of public utility services provided by NPOs covers the main range of indicators of quality of life of the population. About 60 percent of the more than 223 thousand NPOs registered in the country have received the status of socially oriented nonprofit organizations (SONPOs), which allows them to rely on state support. To further enhance the effectiveness of socially oriented non-profit organizations one should: improve the regulatory framework, including preferential loans and banking services for socially oriented NGOs; develop the supportive infrastructure for socially oriented NPOs; share experience, e.g. through the establishment of advisory centers and implementation of mentoring in the field SONPOs; include SONPOs in assessing the effectiveness of the authorities in the field of social policy; inform citizens about the possibilities to receive services from the SONPOs and their activities in general.

For citation: Minaeva T. A. Rol' nekommercheskikh organizatsii v povyshenii kachestva zhizni naseleniia [The Role of Nonprofit Organizations in Improving the Quality of Life of the Population]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2017): 4–10.

References

1. *Indeks razvitiia cheloveceskogo kapitala* [The index of development of human capital]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/939756 (accessed 10.01.2018).

2. Garmaeva E. Ts., Ivanova E. B. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniia kak indicator sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia naseleniia [The level and quality of life of the population as an indicator of socio-economic development of the region]. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiie Rossii i Mongolii: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Socio-economic development of Russia and Mongolia: Proc. IV Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU, vol. 1 (2015): 85–87.

3. Abdukarimov V. I., Gerasimov B. I., Sizikin A. Iu. Ekonomicheskii analiz regionalnykh aspektov upravleniia kachestvom zhizni naseleniia [Economic analysis of regional aspects of quality of life of the population]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*, no. 2 (2008): 143–147.

4. Muhacheva A. V., Morozova E. A. *Kachestvo zhizni v usloviiakh krizisa: regionalnyi aspect* [The quality of life in crisis: a regional aspect]. Kemerovo: KemGU, 2016, 232.

5. Tseliutina T. V., Podvigailo A. A., Kulikova O. V., Zyrianova Ia. V. Ot effektivnosti institutov grazhdanskogo obshchestva k ustoichivosti regionalnogo razvitiia i povysheniiu kachestva zhizni [The effectiveness of the institutions of civil society to sustainable regional development and improving the quality of life]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education,* no. 2-2 (2015): 664.

6. Morozova E. A., Belchik T. A., Golovina O. V., Kochneva O. P., Luzgareva O. I., Muhacheva A. V., Pastukhova E. Y., Sukhacheva A. V. Sotsiologicheskaia otsenka rezul'tativnosti sotsialnoi politiki na regional'nom i munitsipal'nom urovne [The sociological evaluation of social policy effectiveness at the regional and municipal level]. *Vestnik Кемеомылщго gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo state University*, no. 3-3 (2013): 119–124.

7. Maksimova S. G. Funktsionirovanie nekommercheskikh organizatsii kak resurs obespecheniia sotsialnoi bezopasnosti v regionakh Rossii [The functioning of non-profit organizations as a resource to ensure social security in the regions of Russia]. *Uchenye zapiski Zabaikal'kogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filosofiia. Kulturologiia. Sotsiologiia. Sotsialnaia rabota = Uchenye Zapiski of Transbaikal state University. Series: Philosophy. Cultural studies. Sociology. Social work*, no. 4 (2014): 50–58.

8. Golosov O. V., Smagina V. V. Vliianie instituta nekommercheskikh obshchestvennykh ob»edinenii na formirovanie sotsialnogo zdorov'ia naseleniia [The influence of non-commercial public associations on the formation of social health of the population]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*, no. 12(140) (2014): 127–131.

9. *O vnesenii izmenenii v Federalnyi zakon «O nekommercheskikh organizatsiiakh» v chasti ustanovleniia statusa nekommercheskoi organizatsii – ispolnitelia obshchestvenno poleznykh uslug* [On amendments to the Federal law «On noncommercial organizations» to determine nonprofit status of the organization by the public utility services]. Federal law of 03.07.2016 No. 287-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200638/ (accessed 12.01.2018).

10. *O vnesenii izmenenii v stat'iu 31.1 Federalnogo zakona «O nekommercheskikh organizatsiiakh»* [On amendments to article 31.1 of the Federal law «On noncommercial organizations»]. Federal law of 19.12.2016 No. 449-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209006/ (accessed 12.01.2018).

11. *Ob utverzhdenii perechnia obshchestvenno poleznykh uslug i kriteriev otsenki kachestva ikh okazaniia* [On approval of the list of public utility services and criteria for evaluating the quality of their provision]. Resolution of the Government of the Russian Federation from 27.10.2016 No. 1096. Available at: http://government.ru/docs/25126/ (accessed 13.01.2018).

12. *Ob utverzhdenii plana meropriiatii «dorozhnoi karty» «Podderzhka dostupa negosudarstvennykh organizatsii k predostavleniiu uslug v sotsialnoi sfere»* [Approval of the plan of measures of the road map «Support for access of non-

governmental organizations to provide social services»]. The decree of the RF Government from 08.06.2016 No. 1144-R. Available at: http://government.ru/docs/23445/ (accessed 13.01.2018).

13. *Kompleks mer, napravlennykh na obespechenie poetapnogo dostupa sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii, osushchestvliaiushchikh deiatel'nost' v sotsial'noi sfere, k biudzhetnym sredstvam, vydeliaemym na predostavlenie sotsial'nykh uslug naseleniiu, na 2016–2020 gody ot 23.05.2016 № 3468p-P44* [A complex of measures aimed at ensuring gradual access to socially oriented nonprofit organizations operating in the social sphere, budget funds allocated for the provision of social services to the population, 2016–2020 from 23.05.2016 No. 3468p-P44]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/456050188 (accessed 13.01.2018).

14. *Ob utverzhdenii kompleksnogo plana meropriiatii Kemerovskoi oblasti po obespecheniiu poetapnogo dostupa sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii, osushchestvliaiushchikh deiatel'nost' v sotsial'noi sfere, k biudzhetnym sredstvam, vydeliaemym na predostavlenie sotsial'nykh uslug naseleniiu, ispol'zovaniiu razlichnykh form podderzhki deiatel'nosti sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii na 2017–2020 gody* [On approval of the comprehensive plan of the Kemerovo region to support progressive access to socially oriented nonprofit organizations operating in the social sphere, budget funds allocated for the provision of social services to the population, the use of different forms of support of socially oriented non-profit organizations for 2017–2020 years]. The order of the Board of administration of the Kemerovo region from 27.03.2017 No. 127-R. Available at: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_398455 (accessed 13.01.2017).

15. *O vzaimodeistvii organov gosudarstvennoi vlasti Kemerovskoi oblasti s nekommercheskimi organizatsiiami* [About interaction of bodies of state power of the Kemerovo region with non-profit organizations]. The law of Kemerovo region of 05.04.2011 No. 30-OZ. Available at: http://zakon.sndko.ru/?p=41 (accessed 13.01.2018).

16. *Tretii sektor. Dinamika razvitiia, ekonomicheskii potentsial, obshchestvennoe vospriiatie* [In the third sector. The dynamics of development, economic potential, public perception]. Available at: https://report2017.oprf.ru/2.html (accessed 13.01.2018).

17. Itogovye rekomendatsii vtorogo Foruma sotsialnykh innovatsii regionov [The final recommendations of the second Forum for social innovation regions]. 18.07.2017. Available at: http://socio-forum.com/conf2017/about/news/Itogovye_rekomendatsii_vtorogo_Foruma_sotsialnykh_innovatsiy_regionov/ (accessed 13.01.2018).

УДК 316.4+332.146.2

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ*

Антон Д. Мурзин [1, @]

[1] *Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42*
[@] *admurzin@sfedu.ru*

Поступила в редакцию 11.12.2017. Принята к печати 22.01.2018.

Ключевые слова: социальная сфера, качество жизни, моногорода, векторы развития, прогнозирование, социально-экономическая эффективность, муниципальный менеджмент.

Аннотация: Моногород как социально-экономическая система в качестве векторов развития имеет специфические цели и функции. В этой связи наряду с традиционными эволюционными факторами появляются относительно новые социальные требования. К ним можно отнести условия формирования человеческого капитала, уровень социально-культурной инфраструктуры, качество городских сообществ, степень развития коммуникаций. Поэтому в перечень стратегических критериев развития моногородов необходимо включать показатели качества социальной сферы и качества жизни населения. В процессе исследования на базе идентификации понятия и определения структурных составляющих социальной сферы города разрабатываются подходы к оценке и предлагаются способы прогнозирования уровня социальной инфраструктуры моногорода на примере крупного шахтерского поселения Ростовской области – г. Шахты. В результате исследования обосновывается необходимость мониторинга динамики развития социальной сферы моногородов, формулируются группы критериев эффективности управления, обобщаются принципы их шкалирования, даются рекомендации к оценке уровня социально-экономического развития. Анализ динамики развития социальной сферы моногорода должен стать адекватным неидеологизированным интегральным социально-экономическим критерием эффективности и результативности муниципального менеджмента.

Для цитирования: Мурзин А. Д. Социальные факторы развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 11–17.

В современной научной литературе вместо термина «непроизводственная сфера» все чаще используется понятие «социальная сфера», а активно применявшийся еще несколько десятков лет назад термин устаревает [1–3].

Но при этом само понятие «социальная сфера» может интерпретироваться различным образом. Так, в одних источниках оно выражается качественной совокупностью отраслей социально-культурного комплекса [1]. Некоторые ученые интерпретируют «социальную сферу» как определенную систему услуг, предоставляемых субъектами общественной инфраструктуры, либо как территориально-отраслевую систему, вбирающую общественную инфраструктуру и сферу обслуживания [2].

Если принять во внимание, что базовая цель стабильного развития городской среды – в возрастании качественных параметров жизни населения, то тогда основными задачами развития социальной сферы выступают следующие [3]: повышение качественных характеристик человеческого ресурса; гарантия социальной стабильности, являющаяся залогом эффективного развития экономики. Иными словами, без социальной сферы невозможно представить себе и общественную инфраструктуру в качестве системы различных отраслей, и социальное пространство, в котором осуществляется реальное взаимодействие населения.

Вот почему социальную сферу отличают, прежде всего, конкретные обстоятельства и виды жизнедеятельности, анализируемые с позиций таких параметров, как протяженность, структура и взаимодействие [4].

В последние годы параллельно с устоявшимися факторами эволюционного развития возникают относительно новые обстоятельства [5]. К их числу относят совокупный человеческий капитал, культуру сообществ города, уровень развитости коммуникаций и их инновационной системы [6; 7]. Вот почему, разрабатывая стратегические планы, целесообразно делать акценты не только на проблемных аспектах эволюции экономической системы, но и выделять в качестве приоритетов пути и потенциал развития систем жизнеобеспечения и социальной сферы, в том числе здравоохранение, образование, спорт, культуру и т. п. (рис. 1).

Основной целью развития социальной сферы следует считать улучшение качества жизни граждан. Сам этот термин – «качество жизни» – многоуровневое понятие, охватывающее состояние множества актуальных для населения факторов: уровень и степень свободы, обеспеченность, духовное и личностное развитие. Ученые часто применяют и иное смежное понятие – «уровень жизни населения».

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

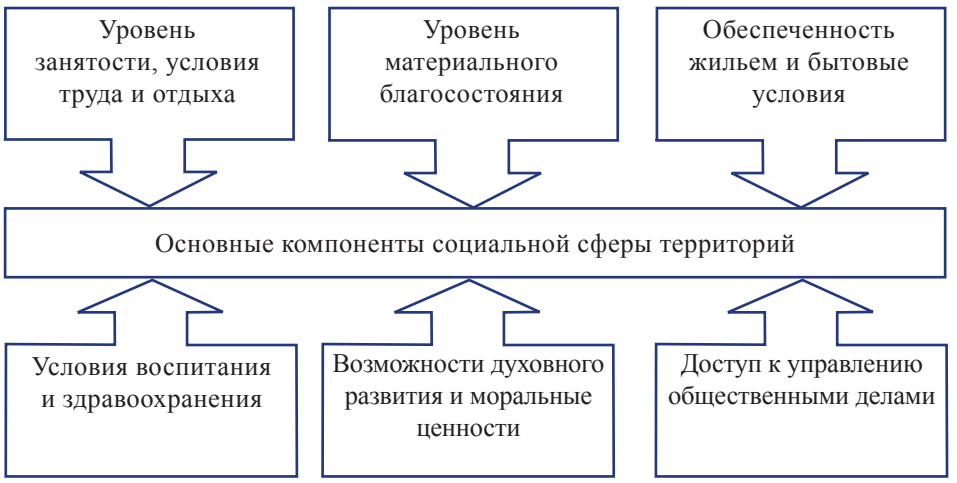

Рис. 1. ***Основные компоненты социальной сферы***
Fig. 1. ***The main components of the social sphere***

Мы полагаем, что наиболее целесообразно выбрать именно термин «качество жизни населения»: он наиболее часто встречается в зарубежных исследованиях, и это открывает возможности для сопоставления ряда процессов с учетом международной терминологии. К базовым структурным составляющим данного термина относятся следующие: продолжительность жизни и сведения о здоровье населения, уровень жизни, образ жизни людей (рис. 2).

Рис. 2. ***Структурные элементы качества жизни территории***
Fig. 2. ***Structural elements of life quality on the territory***

Изучение уровня жизни как важнейшего показателя качества жизни населения проводится как в масштабах страны, так и в конкретных территориально-административных единицах с учетом наиболее крупных социальных групп в сопоставлении с традиционными для данного общества правилами и стандартами жизни, оценкой порога прибыли, потребления и траты финансов, наличия имущества, объектов торговли, культуры, транспортной сети и т. д.

В процессе аналитической работы допустимо применять различные индикаторы. Обобщенную оценку уровня жизни дает возможность получить индекс потребительских цен, отражающий колебания стоимости типичного набора продуктов и услуг при учете реальной структуры потребительских издержек за текущий период относительно базового.

В целях формирования массива исходных параметров для анализа состояния качества жизни населения, социальной сферы районного промышленного центра Ростовской области сформирован статистический срез данных на 1 января 2017 г. [8] (табл.).

Таблица. **Количественные показатели состояния социальной сферы г. Шахты на 1 января 2017 г.**
Table. **Quantitative indicators of the social sphere condition in Shakhty, January 1, 2017**

Показатели	Значение
Общие характеристики	
Общая площадь муниципального образования, кв. км	159,08
Численность населения (чел.)	238486
Численность избирателей (чел.)	177272
Количество крестьянско-фермерских хозяйств	23
Степень газификации, %	74,6
Количество объектов недвижимости в муниципальной собственности	13990
Медицинские учреждения:	15
– больницы, (кол-во / кол-во коек)	7/1571
– поликлиники, (кол-во)	8
Образовательные учреждения (кол-во):	100
– дошкольные образовательные учреждения / кол-во	39
– общеобразовательные учреждения	42
– учреждения профессионального образования	14
– учреждения высшего профессионального образования	5
– Учреждения культуры:	44
– дома культуры	7
– клубы	5
– детские школы искусств	8
– библиотеки	19
– ПКиО	1
– памятники истории и культуры	23
– другие объекты	5
Спортивные объекты (кол-во):	328
– стадионы	2
– спортивные залы	68
– спортивные площадки и поля	141
– плавательные бассейны	5
– другие спортивные сооружения	112
Экономические показатели	
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	236,7
Количество хозяйствующих субъектов, ед.	10075
Численность зарегистрированных безработных, чел.	853
Уровень регистрируемой безработицы, %	0,7
Индекс промышленного производства по полному кругу предприятий, %	70,4
Инвестиции в основной капитал по полному кругу, млн руб.	5670,8
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. кв. м	38,9
Оборот розничной торговли по всем каналам реализации, млн руб.	26374,1
Оборот общественного питания, млн руб.	647,3
Финансовые результаты крупных и средних организаций, млн руб.	–1870,4
Среднесписочная численность работников, чел.	42353
Количество занятых на крупных и средних предприятиях города, чел.	33822,0
Количество семей, получивших жилищные субсидии, семей	17614,0
Задолженность по заработной плате (млн руб.)	0,0
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения (руб.)	7725,0

Основные виды экономической деятельности	
Обрабатывающие производства, кол-во предприятий	22
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, кол-во предприятий	5
Среднемесячная заработная плата одного работника, рублей	
обрабатывающие производства:	29483,3
– текстильное и швейное производство	27935,4
– производство резиновых и пластмассовых изделий	31659,9
– производство прочих неметаллических минеральных продуктов	32392,0
– металлургическое производство и производство металлических изделий	35983,6
– прочие производства	29520,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	24725,9
Строительство	25601,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования:	24622,5
– оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	25867,5
– розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	24046,4
Транспорт и связь:	28870,4
– связь	38583,7
Финансовая деятельность	25695,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	22478,4
Государственное управление; социальное страхование	29729,7
Образование	19618,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	19644,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	16373,1

Для всесторонней характеристики качества жизни населения целесообразно изучение уровня социального благополучия, которое подразумевает проведение исследования по адаптированной методике, базирующейся на разработках научной школы Кембриджского университета [9], которые изначально были нацелены на изучение самоопределения граждан в отношении категории политической свободы. Разработчики этой методики относят к политическим свободам множество индикаторов, не менее важных, с их точки зрения, чем уровень дохода.

Оценка степени политических свобод проводится по шкале из 7 баллов. Исходя из этой системы, присваиваются определенные значения, выстраиваются такие принципы:

1 балл присваивают политической системе, где большинство граждан вправе и в состоянии участвовать в выборах, создавать любые политические сообщества и беспрепятственно проводить борьбу за власть;

2 балла присваивают обществу, где население вследствие поголовной бедности, феодальных тенденций, слабо развитой общественной структуры, периодически возникающих волнений и иных ограничивающих факторов не всегда способно реализовать свои гражданские права;

3 балла присваивают системам, где только формально есть право свободы выбора главы государства либо органов власти, есть высокая вероятность государственного переворота, серьезного искажения результатов выборов и выявлены иные действия, грубо противоречащие демократическим принципам;

4 балла присваивают системам, где конституция препятствует проведению массовых демократических выборов либо они имеют формальный характер;

5 баллов присваивают системам, где целиком контролируются или регулируются в желательную сторону выборы, и эта процедура лишена всякой реальной политической силы;

6 баллов присваивают системам, где выборы вообще не проводят или проводят в отношении одного кандидата, параллельно выражается массовая поддержка действующей системы;

7 баллов – диктатура либо контролируемая внешними субъектами система.

Современные условия внешнеполитической жизни России и многих западных стран не дают возможности точно оценить политические свободы и гражданские права населения. Но внутри государства противоречивость внешней критики уравновешивается уверенным декларированием высших баллов по всем анализируемым критериям.

Очень значимой составляющей образа качества жизни населения выступает социальная напряженность, анализу этого критерия отдается приоритет в условиях политических и экономических преобразований. Чтобы описать этот критерий, чаще всего применяют категории недоверия к власти, социальных конфликтов, политических противоречий и т. д. Сегодня еще не выработан единый подход в характеристике факторов, стратегий и форм понятия «социальная напряженность». Но важно опираться для

его оценки на ряд значимых показателей: уровень осознания обществом базовых потребностей, уровень приемлемости методов удовлетворения своих нужд и распределения благ, степень потребностей индивидуумов в отношении прочих благ, оценку функционирования социальных и государственных институтов, объем требований к институциональным структурам в отношении методов осуществления потребностей и квотирования благ.

Данные индикаторы дают возможность отразить отношение всех социальных групп к своим потребностям и социальным институтам [10]. Все это сопровождается эмоциональным накалом, субъективным содержанием, что тоже нельзя не учитывать при исследовании качества жизни вопроса. Среди критериев различают разные ожидания, обусловленные:

– удовлетворением значимых потребностей и реализацией интересов;

– способами удовлетворения приоритетных нужд и распределения материальных благ;

– специализированными институциональными структурами, призванными реализовать функции социальной сферы.

Помимо этого, кроме указанных критериев, определяющих уровень социальной напряженности, рекомендовано учитывать ряд индикаторов, позволяющих характеризовать готовность самих социальных групп к защите и отстаиванию собственных интересов и потребностей. Прежде всего, с этой точки зрения нужно выделить формирование определенного поведенческого механизма адаптации к потенциальным действиям для достижения своих интересов. Но подобная форма готовности в максимальной степени несет опасность социальной стабильности.

Важной частью аналитической работы в области качества жизни, функционирования социальной сферы является оценка результативности социальной политики, внедряемой реализуемой органами местного самоуправления. В федеральном законодательстве четко выделены вопросы, относящиеся к компетенции местных органов власти, которые следует решать на уровне городского самоуправления. Таким образом была создана база для количественной оценки результативности проводимой социально-экономической политики.

Анализ социальной безопасности, устойчивого развития муниципальных территорий подразумевает выявление предельных критериев, характеризующих состояние социальной сферы города [11]. Мы считаем, что данные критерии допустимо определять различным образом.

Есть ситуации, когда на первый план выходят требования, предъявляемые именно к существованию человека как биологического вида. То есть учитываются минимальные требования к питанию, состоянию здоровья и т. д. Другой подход основан на социальном развитии личности. И тогда учитываются минимальные требования к уровню образования, социальной защите и т. д. На эти критерии оказывают влияние органы местного самоуправления и государственные органы. Эти пороговые значения имеют тенденцию к возрастанию.

Еще одним аспектом анализа выступает оценка уровня взаимовлияния экономики, экологии и социальных факторов. Очевидно, что мера воздействия социальной сферы на экономику выражена в базовых параметрах, характеризующих актуальную ситуацию. При этом экономические перемены (снижение цен, освоение внешнего рынка и т. д.) становятся основой для совершенно новых социальных явлений и взаимоотношений. Так, некоторые города вследствие утраты значимых источников дохода вынуждены сокращать социальные издержки.

Практически такое же положение дел и в смысле взаимовлияния экологии и социальной сферы города (говоря конкретнее, качества жизни людей). Несмотря на различие трактовок понятия качества жизни, доказано, что очень важную роль играет конкретный перечень актуальных проблемных аспектов и факторов. Это, в первую очередь, экология и демография. При этом из-за того, что экологические составляющие характеризуются многоаспектностью, их рассмотрение возможно только в комплексе с экономикой и социальной сферой.

Таким образом, мы считаем, что динамика развития социальной сферы может выступать адекватным, лишенным идеологической подоплеки интегральным социально-экономическим критерием эффективности и результативности муниципальной власти. В современном мире как раз условия и качество жизни населения формируют специфические черты городской среды обитания. При этом возрастает значимость социально-экономических факторов, формируемых под влиянием прогресса и эволюции.

Литература

1. Анопченко Т. Ю., Мурзин А. Д., Рогова Т. М., Мурзина С. М. Глобальные риски в аспекте социально-экологической безопасности национального устойчивого развития // Крымский научный вестник. 2015. № 6. С. 10–35.

2. Карпова Т. В. Роль муниципального управления в развитии социальной сферы города // Казанская наука. 2011. № 2. С. 90–92.

3. Мурзин А. Д. Мониторинг социальной сферы города в целях планирования устойчивого социально-экономического развития урбанизированных территорий // Государственный советник. 2014. № 1. С. 99–109.

4. Харитонов В. С. Социально-экономические условия формирования моногородов России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-1. С. 126–129.

5. Сёмин А. Н. Стратегические подходы в развитии моногородов // Теория и практика мировой науки. 2017. № 10. С. 36–39.

6. Сабанчева М. В., Мосина Л. А. Условия решения проблемы моногородов в России // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-2. С. 421–423.

7. Цветкова И. В. Факторы социального самочувствия горожан // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 1. С. 114–117.

8. Оперативная информация Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. Режим доступа: http://rostov.gks.ru (дата обращения: 29.12.2017).

9. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. III: Hobbes and Civil Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 404 p.

10. Kryukova E. M., Vetrova E. A., Maloletko A. N., Kaurova O. V. Dusenko S. V. Social-economic problems of Russian mono-towns //Asian Social Science. 2015. T. 11. №. 1. C. 258–267.
11. Aron L. Russia's «Monotowns» Time Bomb. American Enterprise Institute. October 19, 2009. Режим доступа: http://www.aei.org/publication/russias-monotowns-time-bomb/ (дата обращения: 21.01.2018).

SOCIAL FACTORS OF MONOTOWN DEVELOPMENT*

Anton D. Murzin [1, @]

[1] *Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-na-Donu, Russia, 344006*
[@] *admurzin@sfedu.ru*

Received 11.12.2017. Accepted 22.01.2018.

Keywords: social sphere, quality of life, monotowns, development vectors, prognostication, social and economic efficiency, municipal management

Abstract: A single-industry town, or monotown, is a socio-economic system that possesses specific goals and functions as vectors of its development. In this connection, relatively new social requirements appear along with the traditional evolutionary factors. These new requirements involve conditions for the formation of human capital assets, the level of socio-cultural infrastructure, the quality of urban communities, and the degree of development of communications. Therefore, the list of strategic criteria for the development of single-industry towns should include indicators of the quality of the social sphere and the quality of life of the population. The research develops evaluation approaches based on identification of the concept and definition of the structural components of the urban social sphere. The paper proposes methods for forecasting the level of the social infrastructure of a single-industry city. The study features the case of Shakhty, a large mining community in the Rostov region. The research defines the necessity for monitoring the dynamics of the development of the social sphere in single-industry towns, formulates groups of criteria for effectiveness management, summarizes the principles of their scaling, and provides recommendations for evaluation of the socio-economic development level. An analysis of the dynamics of the social sphere development in a single-industry town should become an adequate non-ideological integral social and economic criterion for the effectiveness and efficiency of municipal management.

For citation: Murzin A. D. Sotsial'nye faktory razvitiia monogorodov [Social Factors of Monotown Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 4 (2017): 11–17.

References

1. Anopchenko T. Iu., Murzin A. D., Rogova T. M., Murzina S. M. Global'nye riski v aspekte sotsial'no-ekologicheskoi bezopasnosti natsional'nogo ustoichivogo razvitiia [Global risks in the aspect of socio-ecological safety of national sustainable development]. *Krymskii nauchnyi vestnik = Crimean Scientific Bulletin,* no. 6 (2015): 10–35.
2. Karpova T. V. Rol' munitsipal'nogo upravleniia v razvitii sotsial'noi sfery goroda [The role of municipal management in the development of the social sphere of the city]. *Kazanskaia nauka = Kazan Science*, no. 2 (2011): 90–92.
3. Murzin A. D. Monitoring sotsial'noi sfery goroda v tseliakh planirovaniia ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia urbanizirovannykh territorii [Monitoring of the social sphere of the city for planning sustainable socio-economic development of urbanized territories]. *Gosudarstvennyi sovetnik = State Adviser*, no. 1 (2014): 99–109.
4. Kharitonov V. S. Sotsial'no-ekonomicheskie usloviia formirovaniia monogorodov Rossii [Socio-economic conditions for the formation of single-industry cities of Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 7-1 (2016): 126–129.
5. Semin A. N. Strategicheskie podkhody v razvitii monogorodov [Strategic approaches to the development of single-industry towns]. *Teoriia i praktika mirovoi nauki = Theory and practice of world science*, no. 10 (2017): 36–39.
6. Sabancheva M. V., Mosina L. A. Usloviia resheniia problemy monogorodov v Rossii [Conditions for solving the problem of monocities in Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, no. 8-2 (2015): 421–423.
7. Tsvetkova I. V. Faktory sotsial'nogo samochuvstviia gorozhan [Factors of social well-being of townspeople]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian scientific journal*, 6, no. 1 (2017): 114–117.

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special theme: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

8. *Operativnaia informatsiia Territorial'nogo organa Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Rostovskoi oblasti* [Operational information of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Rostov Region]. Available at: http://rostov.gks.ru (accessed 29.12.2017).

9. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. III: Hobbes and Civil Science.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 404.

10. Kryukova E. M., Vetrova E. A., Maloletko A. N., Kaurova O. V. Dusenko S. V. Social-economic problems of Russian mono-towns. *Asian Social Science*, 11, no. 1 (2015): 258–267.

11. Aron L. Russia's «Monotowns» Time Bomb. *American Enterprise Institute.* October 19, 2009. Available at: http://www.aei.org/publication/russias-monotowns-time-bomb/ (accessed 21.01.2018).

УДК 332

ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Ирина С. Белик[1, @1], Людмила В. Камдина[2, @2]

[1] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
[2] Троицкий филиал Челябинского государственного университета, 457100, Россия, г. Троицк, ул. Разина, 9
[@1] irinabelik2010@mail.ru
[@2] kamdina_prof@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 18.01.2018.

Ключевые слова: качество жизни населения, энергопотребление, энергоэффективность жилых зданий, ресурсопотребление, благосостояние населения, энергетический фактор.

Аннотация: В статье приводится обоснование учета энергетического фактора при оценке качества жизни домохозяйств. Результатом проведенного исследования является вывод о том, что обеспечение социально-экономического развития, которое можно оценить при помощи такого комплексного показателя, как качество жизни населения (домохозяйств), должен включать такие параметры, как сокращение уровня ресурсопотребления и снижение антропогенной нагрузки на природную среду. Для оценки качества жизни населения (домохозяйств) важно учитывать такой энергетический фактор, как уровень энергосбережения, влияющий на экологические и климатические изменения. Увеличение потребления энергии способствует загрязнению атмосферного воздуха CO^2 и, как следствие, изменению климата и возникновению природных аномалий и экологических катастроф.

В ходе исследования проведен анализ динамики доходов и потребительских расходов (в т. ч. расходы на ЖКУ) домохозяйств. На основании проведенного анализа авторы пришли к выводу, что качество жизни домохозяйств снижается по причине опережения роста потребительских расходов над их доходами, что можно объяснить снижением эффективности энергообеспечения. Кроме этого, подобное происходит вследствие увеличения энергоемкости ЖКУ по причине потерь данной энергии из-за низкого качества жилых помещений.

Учитывая роль энергетического фактора при оценке качества жизни, авторами на основе использования эколого-энергетического подхода предлагается расширить существующие методики включением показателей, оценивающих его влияние. Результатом проведенного исследования является предложенная усовершенствованная методика оценки качества жизни населения, учитывающая энергетический фактор (рассмотрены показатели и порядок их расчета). По мнению авторов, использование эколого-энергетического подхода к оценке качества жизни и применение его для территориальных сравнений (страны, регионы, города) будет способствовать обоснованию рассогласованности темпов роста благосостояния людей и потребления ресурсов (энергетических, биологических и проч.).

Для цитирования: Белик И. С., Камдина Л. В. Влияние энергетического фактора на качество жизни домохозяйств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 18–22.

С обострением социально-экономических противоречий в обществе, связанных с сокращением реальных доходов населения, углублением имущественной дифференциации слоев населения, ростом заболеваемости и постепенным сокращением средней продолжительности жизни, зарубежные и отечественные ученые стали более активно исследовать проблемы качества жизни.

Несмотря на то, что качество жизни – достаточно распространенная категория, которая считается предметом изучения множества наук, нет единственного общепризнанного его определения.

Под качеством жизни понимается комплексная характеристика политических, социально-экономических, культурно-идеологических, экологических факторов и условий существования личности, положения человека в обществе.

Современные исследователи включают в понятие качества жизни как социальные, так и экономические факторы. Так, по определению Е. Е. Румянцевой, качество жизни – это совокупность характеристик, отражающих условия жизни человека. Они могут быть классифицированы следующим образом:

– стоимостные показатели;
– натуральные показатели;
– показатели, характеризующие развитие отраслей непроизводственной сферы;
– показатели, выражаемые во временной форме;

– социально-демографические показатели;

– показатели, характеризующие состояние окружающей среды;

– показатели и нормативы социального обслуживания и социального обеспечения населения [1].

В современном обществе работа по определению и реализации заданного качества жизни проводится через введение стандартов (индексов). Стандарты качества жизни – это количественное выражение качественных категорий. Как правило, состав и характеристика данных стандартов разбивается на группы, сферы, категории и дифференцируется по государствам.

К числу базовых компонентов качества жизни относят следующие: уровень доходов населения; уровень развития потребительского рынка; обеспеченность населения жильем и качество жилищных условий; состояние окружающей природной среды; обеспеченность населения основными материальными благами; уровень развития здравоохранения и образования; состояние рынка труда и миграционная привлекательность.

В настоящее время существует множество методов для оценки качества жизни населения (КЖН), ключевое их отличие в составе факторов, определяющих качество жизни, и применяемых для расчета индикаторов. Данные методы имеют свои достоинства и недостатки, однако ни один из них не считается общепринятым, что говорит о необходимости дальнейшего поиска и разработки методов оценки качества жизни.

Несмотря на отсутствие единого унифицированного подхода, можно отметить, что почти все подходы частично учитывают экологическую и энергетическую составляющие.

В современном мире увеличивается количество стран, стремящихся к экологически устойчивому экономическому развитию, поэтому актуальным становится применение индикаторов, которые бы позволяли наиболее полно и точно отражать качество жизни населения с учетом влияния энергетических и экологических факторов [2]. В этой связи, на наш взгляд, при оценке качества жизни важно принимать во внимание уровень энергосбережения и производные от него экологическую и климатическую составляющие.

Наша страна расположена в географической зоне с суровым климатом, и, как следствие, имеет продолжительный отопительный сезон, суровые зимы и высокие сезонные колебания температур, что приводит к большому расходу энергии.

Увеличение потребления энергии способствует загрязнению атмосферного воздуха CO^2. Так, выработка 150 кВт/ч (1 $м^2$/год) требует сжигания 15 $м^3$ природного газа или 15 л нефти, что способствует выбросу в атмосферу до 30 кг углекислого газа. При подобном энергопотреблении на каждый квадратный метр площади здания в атмосферу выбрасывается до 30 кг углекислого газа в год. Следовательно, понижение энергопотребления здания в 10 раз приводит к соответствующему уменьшению выбросов CO^2 в атмосферу [3].

Обеспечение социально-экономического развития, которое можно оценить при помощи такого показателя, как качество жизни, должно основываться на сокращении уровня ресурсопотребления и, как следствие, снижении антропогенной нагрузки на природную среду. В связи с этим возникает проблема оценки влияния на качество жизни домохозяйств энергетического фактора, поэтому в системе оценок КЖН важно учитывать такой фактор, как уровень энергосбережения [4].

Как уже было отмечено выше, одним из ключевых компонентов качества жизни является уровень доходов населения. В связи с этим для более полной характеристики благосостояния населения, по нашему мнению, важное значение имеет сопоставление уровня доходов с обязательными расходами. Постановлением Правительства России от 29.08.2005 N 541 регламентирован стандарт доли коммунальных расходов домохозяйств в совокупном доходе семьи в размере 22 процентов [5]. Статистические данные свидетельствуют о том, что среднедушевое электропотребление больше, что, соответственно, сразу же отражается на уровне расходов на ЖКУ.

В таблице 1 показана динамика доходов и потребительских расходов домохозяйств в РФ за 2011–2015 гг.

Таблица 1. **Динамика доходов и потребительских расходов домохозяйств в РФ, руб. / месяц [6; 7]**
Table 1. **Dynamics of household income and consumer spending in the Russian Federation, rubles / month [6; 7]**

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Среднедушевые доходы населения	20780,0	23221,1	25928,2	27766,6	30473,6
Темпы роста среднедушевых доходов населения, %	–	111,7	111,7	107,1	109,7
Потребительские расходы – всего	11285,5	12623,9	13706,7	15189,9	16969,7
В том числе: на жилищно-коммунальные услуги, топливо	1281,8	1372,1	1435,1	1591,8	1776,5
Темпы роста потребительских расходов, %	–	111,9	108,6	110,8	111,7
Темпы роста расходов на жилищно-коммунальные услуги, топливо, %	–	107,0	104,6	110,9	111,6
Доля расходов на жилищно-коммунальные услуги в структуре расходов, %	11,4	10,9	10,5	10,5	10,6
Доля расходов на жилищно-коммунальные услуги в структуре доходов, %	6,2	5,9	5,5	5,7	5,9

Проведенный анализ динамики доходов и потребительских расходов (в т. ч. расходы на ЖКУ) домохозяйств показывает превышение темпов роста потребительских расходов по сравнению с доходами домохозяйств.

Кроме того, за анализируемый период наблюдается рост расходов домохозяйств на жилищно-коммунальные услуги, топливо. За период 2013–2015 гг. возросла доля данных расходов в общей структуре доходов домохозяйств.

Таким образом, табличные данные свидетельствуют о том, что качество жизни домохозяйств снижается по причине опережения роста потребительских расходов над их доходами, что можно объяснить снижением эффективности выработки и подачи энергии. Кроме этого, подобное также происходит вследствие увеличения энергоемкости ЖКУ, по причине потерь данной энергии из-за низкого качества жилых помещений.

Международный опыт показывает важность строительства домов, в которых показатели энергопотребления ниже сложившихся на практике. Среди основных требований можно выделить ранжирование многоэтажных домов по степени потребления энергии (A, B++, B+, C, D, E) и обязательное информирование общественности о классе энергетической эффективности данных домов, поскольку это влияет на расходы ЖКУ [8].

Строительство энергоэффективных домов в России находится в начальной стадии по причине высокой стоимости, поэтому широкое распространение получило энергоэффективное строительство коммерческой недвижимости. Однако энергоэффективные дома возведены уже в 45 регионах России.

С экономической точки зрения для создания энергоэффективных домов необходимо повышение капитальных расходов на строительство на 6–9 %, хотя данные инвестиции окупятся значительной экономией энергии и, как следствие, снижением эксплуатационных затрат [9].

Учитывая роль энергетического фактора при оценке качества жизни, предлагается расширить существующие методики включением показателей, оценивающих влияние данного фактора. Это позволит усовершенствовать подходы к определению качества жизни населения с учетом энергетического фактора в соответствии с концепцией устойчивого развития.

В таблице 2 приведены показатели и порядок их расчета, введенные в соответствии с энергетическими характеристиками устойчивого развития [10].

Использование представленного подхода к оценке качества жизни и применение его для территориальных сравнений (страны, регионы, города) будет способствовать обоснованию рассогласования темпов роста благосостояния людей, с одной стороны, и потребления ресурсов (энергетических, биологических и проч.), с другой стороны. Отмеченное позволяет осуществлять контроль за процессом «дематериализации» роста благосостояния и экономики и ориентирует на переход к устойчивому развитию.

В практическом применении это означает, что те территории, благосостояние которых характеризуется высоким уровнем материального потребления, нерациональным использованием ресурсов и высоким уровнем воздействия на окружающую среду, не получат высокой оценки по показателям качества жизни, что может являться сигналом для органов государственной власти и управления о смене приоритетов в парадигме экономического развития с их смещением в сторону обеспечения качества роста и его устойчивости.

Таблица 2. **Усовершенствованная методика оценки качества жизни населения с учетом энергетического фактора [10]**
Table 2. **Improved methodology for assessing the quality of life of the population in terms of the energy factor [10]**

Сфера	Показатели	Порядок расчета
Уровень доходов населения	Доля затрат на энергоресурсы в структуре расходов, %	Отношение затрат на энергоресурсы ко всем затратам домохозяйств
Обеспеченность жильем и его качество	Доля площади жилых помещений с классом энергоэффективности A, B++, B+, B в общей площади жилых помещений, %	Отношение площади зданий с повышенным классом энергоэффективности к площади всех жилых зданий
	Доля потребления электроэнергии, расчеты за которые осуществляются с использованием индивидуальных приборов учета в общем объеме потребления домохозяйствами	Отношение электроэнергии, расчеты за которые осуществляются «по счетчикам» ко всему объему потребляемой домохозяйствами электроэнергии
	Доля потребления теплоэнергии, расчеты за которые осуществляются с использованием индивидуальных приборов учета в общем объеме, потребляемом домохозяйствами	Отношение тепловой энергии, расчеты за которые осуществляются «по счетчикам» ко всему объему потребляемой домохозяйствами тепловой энергии

Обеспеченность населения основными материальными благами	Число собственных легковых автомобилей, соответствующих экологическим стандартам (ЕВРО-4) на 1000 человек	Число соответствующих экологическим нормам личных автомобилей /население*1000
	Число электроприборов (предметов длительного пользования) классов А+++, А++, А+, А на 100 домохозяйств	Отношение числа соответствующих нужному классу энергосбережения электроприборов к числу домохозяйств*100

Таким образом, можно сделать вывод, что энергетический фактор играет важную роль в оценке качества жизни домохозяйств, поскольку он влияет не только на состояние окружающей среды (качество атмосферного воздуха, воды и др.), но и на доходы, потребительские расходы домохозяйств, являющиеся одними из основных критериев качества их жизни.

Литература

1. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 4-е изд. М.: ИНФРА-М, 2011. 882 с.
2. Fischer-Kowalski M., Swilling M., von Weizsäcker E.U., Ren Y., Moriguchi Y., Crane W., Krausmann F., Eisenmenger N., Giljum S., Hennicke P., Romero Lankao P., Siriban Manalang A., Sewerin S. Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel. UNEP, 2011. 174 p.
3. Шойхет Б. М. Концепция энергоэффективного здания. Европейский опыт. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=3787 (дата обращения: 20.10.2017).
4. Ануфриев В. П., Ануфриева Е. И., Петрунько Л. А. Повышение конкурентоспособности регионов и предприятий за счет зеленой экономики (на примере Свердловской области) // Вестник УрФУ. Серия: экономика и управление. 2014. № 3. С. 134–145.
5. Социальное положение и уровень жизни населения. Статистический сборник. 2013. С. 161–162.
6. Белик И. С., Стародубец Н. В. Влияние энергетического и экологического факторов на качество жизни населения // Социально-экономические и правовые основы развития экономики: коллективная монография / под ред. И. В. Тропченко. Уфа: МЦИИ Омега Сайнс, 2015. С. 3–73.
7. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. Каталог публикаций: Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru (дата обращения: 15.10.2017).
8. Директива 2009/125/ЕС Европейского парламента и совета от 21 октября 2009 г. Режим доступа: http://www.icqc.eu/userfiles/File/directive%202009%20125%20ec%20ecodesign.pdf (дата обращения: 12.10.2017).
9. Кузнецова В. Ю., Мисюкевич К. М., Хакимова В. А. Концепции энергетически эффективных и экологически чистых зданий и их применение в России и за рубежом // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12-1. С.118–121.
10. Белик И. С., Стародубец Н. В., Ярошук К. Е. Энергетические и экологические аспекты качества жизни населения // Научное обозрение. 2014. № 9-1. С. 212–214.

INFLUENCE OF THE ENERGY FACTOR ON THE QUALITY OF HOUSEHOLD LIFE

Irina S. Belik[1, @1], Lyudmila V. Camdina[2, @2]

[1] Ural Federal University, 51, Lenina Ave., Ekaterinburg, Russia, 620000
[2] Chelyabinsk State University (Troitsk branch), 9, Razina St., Troitsk, Russia, 457100
[@1]irinabelik2010@mail.ru
[@2] kamdina_prof@mail.ru

Received 30.11.2017. Accepted 18.01.2018.

Keywords: quality of life of the population, energy consumption, energy efficiency of residential buildings, resource consumption, population welfare, energy factor.

Abstract: The article provides a justification for taking into account the energy factor in assessing the quality of life of households. The result of the study is the conclusion that the provision of social and economic development, which can be estimated by using such a composite indicator as the quality of life of the population (households), should include such parameters as reducing the level of resource consumption and reducing the anthropogenic load on the natural environment. To assess the quality of life of the population (households), it is important to take into account such energy factor as the level of energy saving, which affects environmental and climate change. Increased energy consumption contributes to the pollution

of atmospheric air with CO2 and, as a result, to climate change and the occurrence of natural anomalies and environmental disasters.
The research involves an analysis of the dynamics of incomes and consumer spending of households (including expenditures on housing and utility services). The analysis allows the authors to conclude that the quality of life of households is reduced due to the outstripping growth of consumer spending over their incomes, which can be explained by a decrease in the efficiency of energy supply. Another reason is an increase in the energy intensity of the housing and communal services due to energy loss caused by poor quality of living quarters.
Given the role of the energy factor in assessing the quality of life, the authors use the ecological and energy approach to expand the current methods by including indicators that would assess its impact. The result of the study is an improved methodology for life quality assessment in terms of the energy factor. The article provides an accurate description of the indicators and the calculating procedure. In the opinion of the authors, the use of the ecological and energy approach to life quality assessment and its application for territorial comparisons (countries, regions, cities) will help to justify the mismatch between the growth rates of people's well-being and the resource consumption (energy, biological, etc.).

For citation: Belik I. S., Camdina L. V. Vliianie energeticheskogo faktora na kachestvo zhizni domokhoziaistv [Influence of the Energy Factor on the Quality of Household Life]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 18–22.

References

1. Rumiantseva E. E. *Novaia ekonomicheskaia entsiklopediia* [New economic encyclopedia]. Moscow: INFRA-M, 2011, 882.
2. Fischer-Kowalski M., Swilling M., von Weizsäcker E.U., Ren Y., Moriguchi Y., Crane W., Krausmann F., Eisenmenger N., Giljum S., Hennicke P., Romero Lankao P., Siriban Manalang A., Sewerin S. *Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth.* A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel. UNEP, 2011, 174.
3. Shoikhet B. M. *Kontseptsiia energoeffektivnogo zdaniia. Evropeiskii opyt* [The concept of an energy efficient building. European experience]. Available at: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=3787 (accessed 20.10.2017).
4. Anufriev V. P., Anufrieva E. I., Petrun'ko L. A. Povyshenie konkurentosposobnosti regionov i predpriiatii za schet zelenoi ekonomiki (na primere Sverdlovskoi oblasti) [Increase of competitiveness of regions and enterprises at the expense of the green economy (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Vestnik UrFU. Seriia: ekonomika i upravlenie = Bulletin of the UrFU. Series of Economics and Management*, no. 3 (2014): 134–145.
5. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniia. Statisticheskii sbornik* [Social situation and living standards of the population. Statistical collection]. 2013, 161–162.
6. Belik I. S., Starodubets N. V. Vliianie energeticheskogo i ekologicheskogo faktorov na kachestvo zhizni naseleniia [Influence of energy and environmental factors on the quality of life of the population]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye osnovy razvitiia ekonomiki* [Socio-economic and legal bases of economic development]. Ed. Tropchenko I. V. Ufa: MTsII Omega Sains, 2015, 3–73.
7. *Dokhody, raskhody i potreblenie domashnikh khoziaistv. Katalog publikatsii: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Income, expenditure and consumption of households. Catalog of publications: Federal Service of State Statistics]. Available at: www.gks.ru (accessed 15.10.2017).
8. *Direktiva 2009/125/EC Evropeiskogo parlamenta i soveta ot 21 oktiabria 2009 g.* [Directive 2009/125/EC of the European Parliament and of the Council of October 21, 2009]. Available at: http://www.icqc.eu/userfiles/File/directive%202009%20125%20ec%20ecodesign.pdf (accessed 12.10.2017).
9. Kuznetsova V. Iu., Misiukevich K. M., Khakimova V. A. Kontseptsii energeticheski effektivnykh i ekologicheski chistykh zdanii i ikh primenenie v Rossii i za rubezhom [Concepts of energy efficient and environmentally friendly buildings and their application in Russia and abroad]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 12-1 (2016): 118–121.
10. Belik I. S., Starodubets N. V., Iaroshuk K. E. Energeticheskie i ekologicheskie aspekty kachestva zhizni naseleniia [Energy and environmental aspects of the quality of life of the population]. *Nauchnoe obozrenie = Scientific review*, no. 9-1 (2014): 212–214.

УДК 332.145

МОНОГОРОДА: ЗА И ПРОТИВ*

Владимир А. Бердников[1, @1], Маргарита А. Вахтина[1, @2]

[1] *Поволжский государственный университет сервиса, Россия, 445017, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4*
[@1] *berdanka@list.ru*
[@2] *vahtina@tolgas.ru*

Поступила в редакцию 20.12.2017. Принята к печати 24.01.2018.

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, потребительский спрос, региональное неравенство, справедливые институты.

Аннотация: В статье анализируются факторы, влияющие на социально-экономическое положение монопрофильных муниципальных образований в современной России. Макроэкономические факторы, нарушающие социально-экономический баланс моногорода, могут иметь технико-технологическую, экономическую и / (или) институциональную природу. Технико-технологические факторы связаны с объективной сменой технологических укладов и предполагают опережающие действия субъектов рынка по инновационному развитию. Экономические факторы определяются государственной политикой в области формирования совокупного спроса и регулирования инфляции. Институциональные факторы зависят от установленного в обществе институционального порядка.

На основании показателей статистики и результатов социологических исследований доказывается, что из-за инфляции предложения, падения реальных доходов и бедности в современной России снижается потребительский спрос и спрос на инвестиции. Сформированный при непосредственном участии государства действующий институциональный порядок не позволяют должным образом соотносить социальный вклад субъектов рынка с вознаграждением, чтобы направить экономику на выполнение ее главных целей, совместимых с высокими стандартами жизни большинства людей, что приводит к росту социально-экономического и регионального неравенства.

Делается вывод, что макроэкономическая природа причин, вызывающих ухудшение социально-экономического положения монопрофильных муниципальных образований в современной России, предопределяет ведущую роль федерального центра в их устранении, а объем финансовых средств, выделяемых на эти цели, должен быть увеличен и сбалансирован. При разработке конкретных мер государственной поддержки моногородов, оказавшихся в сложной социально-экономической ситуации, следует исходить из характера причин, их обусловивших, и анализа системы показателей. Комплекс формально установленных российским правительством показателей социально-экономического положения моногородов в настоящее время несбалансирован и включает только запаздывающие индикаторы.

Для цитирования: Бердников В. А., Вахтина М. А. Моногорода: за и против // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 23–28.

Понятие моногорода, используемое в настоящее время в российских правительственных документах, а вслед за ними в научной литературе, связывается с понятием градообразующего предприятия. В Постановлении Правительства Российской Федерации № 1001, принятом в 1994 г., к градообразующим предприятиям относят те, где занято не менее 30 % от общего числа работающих на предприятиях города или имеющих на балансе объекты социальной и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30 % жителей поселения [1].

В Постановлении Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» содержится комплекс формальных признаков монопрофильных муниципальных образований (моногородов), соответствующих сегодняшним представлениям. К ним отнесены следующие: наличие статуса городского округа или городского поселения с численностью жителей более 3 тыс. человек; доля экономически активного населения, занятого в одной из организаций (или нескольких взаимосвязанных организациях), должна составлять не менее 20 %; профиль указанных организаций должен быть связан с добычей полезных ископаемых

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

(кроме нефти и газа), производством или переработкой промышленной продукции. В соответствии с вышеуказанными признаками количество моногородов в России в 2014 г. было формально уменьшено и сейчас составляет 319, где проживает 14 млн человек, почти десятая часть населения страны. Кроме того, список моногородов был заморожен до 2018 г. [2].

В соответствии с Постановлением Правительства № 709 монопрофильные города во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих предприятий были разделены на три категории: города с наиболее сложным социально-экономическим положением; те, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения; и моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией. В 2016 г. к первой категории монопрофильных муниципальных образований было отнесено порядка 100 городов, ко второй (более многочисленной) – 148, а к третьей – 71 город. Таким образом, сама принадлежность к моногороду автоматически не влечет за собой плохое социально-экономическое положение его жителей. Успешно работающее монопрофильное предприятие, принадлежащее перспективной отрасли промышленности, может долгое время обеспечить высокий уровень доходов горожан. Однако даже прибыльное градообразующее предприятие может приводить к деградации квалификационной структуры экономически активного населения города, оказывать негативное влияние на окружающую среду, создавая угрозу здоровью и жизни проживающих вокруг него людей.

Обратимся к перечню признаков, содержащихся в постановлении Правительства РФ от 29 июля № 709. Для отнесения моногорода к первой категории обязательными считаются два из пяти признаков. Три из них связаны с наличием безработицы, один – с неблагоприятной конъюнктурой рынка ведущей для города отрасли, последний – с оценкой социально-экономической ситуации в муниципальном образовании самим населением (по результатам социологических опросов, проводимых Федеральной службой охраны Российской Федерации). Отнесение моногородов ко второй категории связывается с высвобождением работников и угрозой безработицы. О стабильной социально-экономической ситуации (третья категория моногородов), согласно правительственному Постановлению, судят по планируемому высвобождению работников на градообразующих предприятиях и результатам опросов жителей [3].

Как видно, в качестве формальных, официально установленных признаков в вышеназванном Постановлении использованы индикаторы, относящиеся к категории «запаздывающих». Тот факт, что они определяются объективно (на основании статических данных) и / (или) субъективно (по результатам социологических опросов) существа дела не меняет. Запаздывающие показатели отражают последствия ранее осуществленных действий и ориентированы на результат в конце периода. В то же время сбалансированная система показателей должна содержать, наряду с запаздывающими, также опережающие индикаторы, которые указывают на конкретные процессы и действия, а в дальнейшем могут стать факторами успеха. Опережающие показатели способны повлиять на результат, если правильно отражают факторы, влияющие на состояние экономики и социальной сферы моногорода. Определить их сложнее, так как применительно к каждому отдельному монопрофильному муниципальному образованию они имеют специфику.

О субъективной оценке жителями моногородов социально-экономического положения в муниципальных образованиях можно судить по результатам опроса, проводимого службой специальной связи и информации ФСО России каждые полгода. В открытом доступе – данные, представленне РБК за 2015 г. (опрос считается закрытым). Согласно информации, только 3,9 % респондентов оценили социально-экономическую ситуацию в своем городе как благоприятную, как «нормальную, терпимую» – 31,3 %, «терпимой с трудом» ее назвали 42,4 %, «нетерпимой» – 17,4 %. Этот результат оказался хуже, чем был ранее. Оценка населением проводилась по двум показателям – материальному положению и уровню безработицы. При этом о бедности заявили 42,7 % жителей, 52,1 % отметили среднюю обеспеченность. В качестве ключевых проблем своего города жители выделили безработицу: 47,5 % из них оценили ее уровень как высокий, а 18,3 % – как очень высокий. Как видно, выбор оценочных критериев для современной российской ситуации оказался символичен: чтобы удовлетворить необходимый минимальный уровень потребностей, нужен постоянный доход, а он, в свою очередь, зависит от занятости.

Таким образом, формальный перечень показателей, на основании которых дается характеристика социально-экономического положения моногородов, не отличается разнообразием: таким показателям, как уровень образования жителей, состояние здоровья и уровень смертности, демографическая структура населения, состояние окружающей среды, а также экономическим – уровень инвестиций, износ основных фондов на градообразующем предприятии – не придается должного значения. При этом по большинству из них судят о качестве жизни людей. Если при каких-то неблагоприятных обстоятельствах из-за деятельности градообразующего предприятия, например вследствие деградации социальной, жилищно-коммунальной и инженерной инфраструктуры или ухудшения окружающей среды, качество жизни населения моногорода по ряду параметров ухудшится, то формально это не будет рассматриваться как сигнал к принятию мер по изменению ситуации к лучшему. Кризисные явления в социальной и экономической сфере могут накапливаться, пока со временем не возникнет полноценный кризис, парализующий деятельность градообразующего предприятия. Утвердившийся принцип поддержки моногородов в стране таков (и это отражается в перечне формальных признаков), что проблему начинают решать по мере наступления кризиса, в то время как необходимы долгосрочные проекты и постоянное финансирование [4, с. 19–24]. При этом правительству следует помогать не только самым проблемным моногородам, но и тем, которые по формальным признакам находятся в «зеленой» зоне.

Из этого можно сделать вывод, что необходим комплекс индикаторов, включающих как запаздывающие, так и опережающие показатели, которые способны комплексно отразить социально-экономическое положение моногородов и качество жизни горожан. Состав показателей имеет принципиальное значение, так как позволяет судить о степени возрастания рисков ухудшения ситуации, видах и

субъектах поддержки, кроме того, их качественный состав зависит от причин, которые привели к ухудшению социально-экономической ситуации в моногороде. В этой связи единообразный подход к формам и видам поддержки монопрофильных муниципальных образований оказывается неэффективным, общественные ресурсы могут быть растрачены впустую.

Макроэкономические проблемы, влияющие на ухудшения социально-экономического положения в монопрофильных муниципальных образованиях современной России, имеют различную природу: технико-технологическую, экономическую или институциональную. Технологические факторы приводят к деградации целых отраслей в связи со сменой технико-технологических укладов. В этом случае только регулирующие действия государства, государственные институты (при участии бизнеса) могут обеспечить выход из кризисной ситуации. Меры поддержки могут различаться в зависимости от специфики того или иного монопрофильного поселения: состояния транспортной инфраструктуры, окружающей среды, наличия высококвалифицированной рабочей силы. Если вышеперечисленные факторы окажутся благоприятными, то можно вести речь о строительстве нового или перепрофилированию старого предприятия, если нет, то могут быть приняты принципиально иные решения, вплоть до переселения жителей. Такие предложения и проекты есть и касаются в основном региона Сибири и Дальнего Востока.

Экономические факторы определяются прежде всего состоянием совокупного спроса со стороны населения, бизнеса или государства на продукцию, перерабатываемую или производимую градообразующими предприятиями. Снижение уровня доходов россиян, рост бедности приводят к падению потребительского спроса на широкий ассортимент непродовольственных товаров и услуг, вследствие чего даже перспективные отрасли и предприятия приходят в упадок. Меры по оживлению совокупного спроса на производимую продукцию, снижению инфляции издержек (этот вид инфляции является наиболее характерным для современной России) должны проводиться в рамках мероприятий по реализации государственной социально-экономической и промышленной политики. Сырьевой крен российской экономики в последние годы достиг апогея, что подтверждается долей нефтегазовых доходов в структуре федерального бюджета: еще в 2012 г. она превысила 50 %-ную отметку и более не опускалась. Уровень бедности продолжает расти: на начало 2017 г. число россиян с доходами ниже прожиточного минимума составляло 19,8 млн человек или 13,5 %. Это оказалось на 300 тысяч больше, чем в 2016 г. Для сравнения: в 2014 г. – 16,1 млн, в 2013 г. – 15,5 млн, 2012 г. – 15,4 млн человек. Согласно официальным прогнозам, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2018 г. возрастет до 14,1 %. Вместе с тем реальные доходы россиян непрерывно сокращаются. В 2014 г. они сократились по официальным данным на 0,7 %, в 2015 г. – на 3,2 %, в 2016 г. – на 5,9 %, за первую половину 2017 г. – еще на 1,4 %. Не менее 70 % наемных работников предприятий и организаций в нашей стране находятся у черты бедности. Заработную плату ниже прожиточного минимума по официальным данным получает около 2 млн россиян (7,3 % работающих на апрель 2017 г.). Число работающих бедных составляет почти 17 % трудоспособного населения.

О том, что в стране много бедных, считают 82 % россиян (в 1990 г. таких было 69 %) [5]. Отмечается отрицательная динамика вклада частного потребления в ВВП страны, такая же тенденция, но выраженная в меньшей мере, характерна для государственного потребления и инвестиций [6, с. 24]. По данным Фонда общественного мнения, на продовольственных товарах не экономит только 9 % россиян, 51 % стали экономить на непродовольственных товарах и услугах (не экономит только 6 %) [7]. Стойкая тенденция к снижению уровня доходов и росту бедности свидетельствует об институционализации этого явления в России. Сокращение реальных доходов тормозит уровень потребительского спроса, препятствует развитию предприятий и отраслей, производящих товары для населения. В свою очередь, сужается инвестиционный спрос, сокращаются государственные инвестиционные программы.

Установившийся в стране институциональный порядок определяющим образом влияет на социально-экономическое положение в моногородах. Нарушение принципа конкурентности и равенства возможностей приводит к высокому уровню дифференциации доходов населения и региональному неравенству, неэффективной растрате общественных ресурсов. Россия в последние годы отличается высоким уровнем неравенства доходов: индекс Джини находится на уровне 0,40–0,42, величина децильного коэффициента (коэффициента фондов) – выше 16 (и в первом, и во втором случае теневые и коррупционные доходы не принимаются в расчет). Согласно данным ВЦИОМ, сложившееся в стране распределение доходов считают несправедливым 77 % россиян (даже среди лиц с высокими доходами таких 69 %) [5]. Современный институциональный порядок обусловливает чрезвычайно высокое неравенство российских регионов [8, с. 4]. В 2000-е гг. федеральный центр забрал у регионов значительную часть полномочий и финансовых источников, после чего правила неоднократно менялись, но вектор сохранялся. Росстат дает соотношение между самым богатым и самым бедным российским регионом порядка 15 раз, в то же время согласно международным исследованиям разрыв доходит до 25 раз (в среднем по странам мира самый богатый регион состоятельнее бедного в 5,2 раза). Подробнее об этом говорится в другой работе [9, с. 11–13].

Ответственным за установление базовых правил, обеспечение регулятивной деятельности и устройство социальных институтов является государство. Институциональное устройство решающим образом влияет на экономику и определяет дистрибутивные последствия. Такие действия, как передача отдельным корпорациям (в особенности ориентированным на добычу природных ресурсов) преимущественных прав в виде открытых и скрытых субсидий; принятие законов, обеспечивающих монопольные права отдельным игрокам рынка; выделение государственной поддержки компаниям, находящимся в оффшорной юрисдикции; сохранение плоской шкалы налогообложения на доходы физических лиц и имущество обеспечивают особые условия отдельным физическим и юридическим лицам, сокращает общественные ресурсы, приводит к их несправедливому распределению [10, с. 27]. Устойчивое сохранение социально-экономических неравенств, рост

бедности на фоне высоких показателей рентных доходов отдельных игроков рынка свидетельствует о нарушении базовых принципов социальной справедливости в российской экономике. Институциональные преобразования, направленные на установление низких налогов на производство и высоких – на потребление и природную ренту; переход на прогрессивную шкалу налогообложения НДФЛ, недвижимость, имущество и землю; налоговые и неналоговые ограничения в отношении «оффшорных» компаний согласуется с требованиями социальной справедливости и обеспечивают больший экономический эффект [11, с. 6–10]. В настоящее время существует острая необходимость создания таких общественных институтов, которые способны связать социальный вклад каждого субъекта рынка с частным вознаграждением и направить экономику на выполнение ее главных целей, связанных с ростом совокупного национального дохода, обеспечением полной занятости и стабильных цен, совместимых с высокими стандартами жизни большинства людей. В справедливой экономике базовые институты должны поддерживать конкуренцию и корректировать наиболее очевидные отклонения, вызванные «провалами рынка», поддерживая социальный минимум для тех, кто уже или еще не может работать. В противном случае следует вести речь о «провалах государства» [12, с. 12–14].

Макроэкономические факторы, лежащие в основе кризисных явлений в моногородах, предполагают приоритет федеральных видов и мер поддержки по отношению к региональным и муниципальным. В этой ситуации субъектам Федерации, а в особенности муниципальным образованиям, объективно отводится меньшая роль. В условиях высокого уровня централизации управления, характерного для современной России, эффективное проведение и финансирование мероприятий по поддержке моногородов можно обеспечивать только на федеральном уровне, что предполагает и больший объем ресурсов, выделяемых на эти цели. Меры, связанные с поддержкой моногородов, требуют значительно больших средств, чем это имеет место сейчас. По данным Минэкономразвития, средств, забюджетированных на поддержку моногородов, хватает только 20–30 городов и 20–30 проектов.

Среди федеральных институтов, обеспечивающих в настоящее время меры поддержки – Минэкономразвития и Минпромторг России, Минтруд и Минсельхоз России, Минсвязь, Минкультуры и Минспорта России, ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ, Фонд развития промышленности, Некоммерческая организация «Фонд развития моногородов», АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Направления помощи различны и практически все предполагают соучастие (и софинансирование) субъектов Федерации. Однако высокий уровень регионального неравенства, зависимость региональных и местных бюджетов от помощи федеральных властей, неравномерное распределение моногородов по территории не позволяет субъектам федерации в одинаковой мере использовать имеющиеся ресурсы.

Таким образом, монопрофильные муниципальные образования – это неотъемлемый элемент современного территориально-экономического уклада России. Риски ухудшения социально-экономического положения в моногороде всегда выше, чем в многопрофильных муниципальных образованиях, поэтому необходимо вырабатывать соответствующие меры поддержки в случае наступления кризисных ситуаций. Характер этих мер будет зависеть, с одной стороны, от того, какие индикаторы кладутся в основу оценки социально-экономического положения в моногороде, а с другой – от того, какие факторы привели к ухудшению ситуации.

При проведении оценки социально-экономического положения в моногороде следует руководствоваться показателями, учитывающими не только уровень доходов и безработицы, но и качество образования, здравоохранения, структуру занятости жителей, состояние окружающей среды. Система индикаторов должна включать не только запаздывающие, но и опережающие показатели. При определении мер поддержки и выборе институтов, их осуществляющих, необходимо исходить из макроэкономических факторов, которые привели к развитию кризисной ситуации в том или ином моногороде. Причины могут иметь различную природу, поэтому необходима эффективная политика государственного регулирования и институционального строительства. С учетом сложившейся в стране системы центростремительного управления основную роль в нормализации социально-экономического положения в монопрофильных муниципальных образованиях обязаны брать на себя институты федерального уровня. Деятельное участие субъектов Федерации и муниципалитетов необходимо, однако его результативность сдерживается высоким уровнем регионального неравенства и действующей системой бюджетирования. Роль муниципалитетов оказывается минимальной в силу низкой финансовой обеспеченности местных бюджетов.

Литература

1. О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностям продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 1994 г. № 1001. Режим доступа: http://base.garant.ru/102149/ (дата обращения: 20.12.2017).

2. О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р. Распоряжение Правительства РФ от 13.05.2016 № 891-р. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-13052016-n-891-r/ (дата обращения: 20.12.2017).

3. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709. Российская газета. 01.08.2014. Режим доступа: https://rg.ru/2014/08/01/kriterii-site-dok.html (дата обращения: 20.12.2017).

4. Бердников В. А. Инновационно-инвестиционный потенциал регионов постперестроечной России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 2. С. 19–24

5. Богатые и бедные – вчера и сегодня: пресс-выпуск. 14.07.2015. № 2878. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317 (дата обращения: 20.12.2017).

6. Вахтина М. А. Социальная справедливость как фактор экономического развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 22–30.

7. Уровень жизни: изменения в кризис // Фонд общественного мнения. Режим доступа: http://fom.ru/posts/12345- (дата обращения: 20.12.2017).

8. Бердников В. А. Тренды развития конкурентных отношений в пространстве регионов России // Региональное развитие. 2015. № 4. С. 4.

9. Вахтина М. А. Социально-экономические основания российского неравенства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 3. С. 11–13.

10. Вахтина М. А. Социальная справедливость как фактор экономического развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 22–30.

11. Бедников В. А., Вахтина М. А. Институты социальной справедливости в рыночной экономике России: состояние и направления развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 11. С. 6–10.

12. Белокрылова О. С., Вахтина М. А. От «провалов рынка» к «провалам государства»: еще раз к вопросу о социальной справедливости в экономике // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 2. С. 6–20.

MONOTOWNS: PROS AND CONS*

Vladimir A. Berdnikov[1, @1], Margarita A. Vakhtina[1, @2]

[1] Volga Region State University of Service, 4, Gagarina St., Togliatti, Russia, 445017
[@1] berdanka@list.ru
[@2] vahtina@tolgas.ru

Received 20.12.2017. Accepted 24.01.2018.

Keywords: monotown, city-forming enterprise, consumer demand, regional inequality, fair institutes.

Abstract: The paper features some factors that influence economic and social situation of monoprofile municipal units in modern Russia. The macroeconomic factors breaking social and economic balance of the monotown can be of technical and process design, economic and (or) institutional nature. Technical and process design factors are connected with objective change of technological ways and assume the advancing actions of subjects of the market for innovative development. Economic factors are defined by state policy in the field of formation of cumulative demand and regulation of inflation. Institutional factors depend on the institutional order established in the society.

Based on statistical indicators and results of sociological researches, the current study proves that because of inflation of the offer, the high level of differentiation of income of the population and poverty in modern Russia the consumer demand and demand for investments decreases. The operating institutional order, created with direct participation of the state, prevent a properly correlation between the social contribution of market subjects and remuneration, which, in its turn, prevents economy from performing its main goals compatible to high standards of life of most of people and leads to socio-economic and regional inequality.

The authors conclude that the macroeconomic nature of deterioration factors in economic and social situation of modern Russian monoprofile municipal units predetermines the leading role of the federal center in their elimination, and the volume of the financial means allocated for these purposes has to be increased and balanced. When developing concrete measures of the state support of the monotowns in the current complicated socio-economic situation, one should analyze the character of the causes and the system of indicators. The complex of the indicators of economic and social situation of monotowns, which are formally established by the Russian government, is unbalanced now and includes only outdated indicators.

For citation: Berdnikov V. A., Vakhtina M. A. Monogoroda: za i protiv [Monotowns: Pros and Cons]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 23–28.

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

References

1. *O poriadke otneseniia predpriiatii k gradoobrazuiushchim i osobennostiam prodazhi predpriiatii-dolzhnikov, iavliaiushchikhsia gradoobrazuiushchimi* [About an order of reference of the enterprises to city-forming and to features of sale of the enterprises debtors which are city-forming]. Decree of the Government of the Russian Federation of August 29, 1994 No. 1001. Available at: http://base.garant.ru/102149/ (accessed 20.12.2017).

2. *O vnesenii izmenenii v perechen' monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov), utv. Rasporiazheniem Pravitel'stva RF ot 29.07.2014 g. No. 1398-r.* [About modification of the list of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns), approve Order of the Government of the Russian Federation 29.07.2014 No. 1398-r.]. Order of the Government of the Russian Federation 5.13.2016 No. 891-r.]. Available at: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-13052016-n-891-r/ (accessed 20.12.2017).

3. O kriteriiakh otneseniia munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii k monoprofil'nym (monogorodam) i kategoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov) v zavisimosti ot riskov ukhudsheniia ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia [About criteria of reference of municipal units of the Russian Federation to monoprofile (monotowns) and categories of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns) depending on risks of deterioration in their economic and social situation]. Decree of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 709]. *Rossiiskaia gazeta = Rossiiskaya gazeta*, 01.08.2014. Available at: https://rg.ru/2014/08/01/kriterii-site-dok.html (accessed 20.12.2017).

4. Berdnikov V. A. Innovatsionno-investitsionnyi potentsial regionov postperestroechnoi Rossii [Innovative investment potential of regions of post-Perestroika Russia]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, no. 2 (2012): 19–24

5. *Bogatye i bednye – vchera i segodnia* [The rich and the poor – yesterday and today]. Available at: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317 (accessed 20.12.2017).

6. Vakhtina M. A. Sotsial'naia spravedlivost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiia [Social justice as a factor of economic development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Perm University Herald. Series: Economy*, no. 4 (2016): 22–30.

7. Uroven' zhizni: izmeneniia v krizis [Standard of living: changes in crisis]. Available at: http://fom.ru/Ekonomika/12345 (accessed 20.12.2017).

8. Berdnikov V. A. Trendy razvitiia konkurentnykh otnoshenii v prostranstve regionov Rossii [Trends of development of the competitive relations in space of regions of Russia]. *Regional'noe razvitie = Regional development*, no. 4 (2015): 4.

9. Vakhtina M. A. Sotsial'no-ekonomicheskie osnovaniia rossiiskogo neravenstva [Social and economic bases of the Russian inequality]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika i upravlenie = Science Vector of Togliatte State University. Series: Economics and Management*, no. 3 (2015): 11–13.

10. Vakhtina M. A. Sotsial'naia spravedlivost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiia [Social justice as factor of economic development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Perm University Herald. Series: Economy*, no. 4 (2016): 22–30.

11. Bednikov V. A., Vakhtina M. A. Instituty sotsial'noi spravedlivosti v rynochnoi ekonomike Rossii: sostoianie i napravleniia razvitiia [Institutes of social justice in market economy of Russia: state and directions of development]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 11 (2014): 6–10.

12. Belokrylova O. S., Vakhtina M. A. Ot «provalov rynka» k «provalam gosudarstva»: eshche raz k voprosu o sotsial'noi spravedlivosti v ekonomike [From «market failures» to «failures of the state»: once again to a question of social justice in economy]. *Journal of Economic Regulation*, 7, no. 2 (2016): 6–20.

УДК 332.1

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ*

Ольга П. Бурматова[1, @1], Евгений Ю. Куриляк[2, @2]

[1] Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
[2] Тернопольский национальный экономический университет, Украина, 46027, г. Тернополь, ул. Львовская, 11
[@1] burmatova@ngs.ru
[@2] ternopil2000@yahoo.com

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 10.01.2018.

Ключевые слова: локальные производственные системы, территориально-производственный кластер, инновации, конкурентоспособность региона, кластерная политика.

Аннотация: Кластеры рассматриваются как один из видов локальных производственных систем, обязательными признаками которых являются наличие экономических возможностей для саморазвития, управляемость и обеспеченность различными государственными и частными институтами. К числу основных преимуществ кластеров как формы организации производства на территории отнесены территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов-участников кластера; инновационная ориентированность; возможности для усиления конкурентных преимуществ региона размещения кластера; учет положительных синергетических эффектов территориальной агломерации. Дана краткая характеристика мирового опыта формирования современных кластеров, включая подходы, принятые в качестве исходного ориентира стратегического развития за рубежом; страны ЕС, а также концепции кластеризации как способа эффективного использования региональных ресурсов и научно-технического потенциала. Отмечены основные трудности реализации кластерной политики в условиях России, включая слабые позиции прикладной науки; отсутствие эффективного механизма стимулирования развития малых и средних предприятий; недостатки в системе управления; проблемы финансирования и др.

Для цитирования: Бурматова О. П., Куриляк Е. Ю. Кластерный подход как одна из современных технологий управления региональным развитием // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 29–34.

Пространственная экономика располагает различными формами организации производства на территории. Особенно большой интерес в последние годы проявляется к таким формам территориальной организации производства, которые позволяют рассматривать хозяйственный комплекс региона в единстве с окружающей природной средой и обладают возможностями для саморазвития, управляемостью и обеспеченностью различными государственными и частными институтами. Подобные территориально-производственные образования принято называть локальными производственными системами [1–4]. Локальные производственные системы понимаются довольно широко. Это могут быть регионы разного типа и ранга, включая муниципальные образования, промышленные центры и промышленные узлы, территориально-производственные кластеры, свободные экономические зоны, различные инновационные образования типа технопарков и технополисов, регионы нового хозяйственного освоения, программные регионы и др. Несмотря на такую довольно широкую трактовку локальных производственных систем, они должны обладать рядом обязательных признаков, среди которых главными являются:

1) экономическая состоятельность территории (наличие прежде всего экономического потенциала, необходимого и достаточного для ее саморазвития);

2) управляемость (наличие субъекта управления данной территорией);

3) институциональность (наличие институциональных механизмов, лежащих в основе принимаемых решений на данной территории и обеспечивающих, в частности, подготовку квалифицированных кадров; проведение научных исследований и внедрение инноваций; а также налоговую, финансовую, организационную и прочую поддержку социально-экономического развития в регионе).

В последние годы как за рубежом [1; 3; 5], так и в России [6–10], локальные производственные системы являются предметом растущего интереса в экономических исследованиях, поскольку они отвечают на вызовы, связанные с необходимостью роста конкурентоспособности в условиях динамичных технологических изменений и нововведений. Кроме возможности обеспечения луч-

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

ших позиций на рынке для предприятий, входящих в их состав, большое значение при формировании локальных производственных систем имеет учет способности соответствующих производственных структур в создании новых рабочих мест на территории их размещения и в целом рассмотрение их как катализатора для экономического развития региона. Формирование локальных производственных систем требует концентрации внимания на учете взаимодействия разнообразных факторов, определяющих развитие региональной экономики, включая организационные факторы и факторы окружающей среды, которые могут создавать ограничения для сотрудничества и партнерства между различными группами заинтересованных лиц в структуре региона, особенно для малых и средних предприятий.

Среди многообразных форм локальных производственных систем первостепенное значение отводится таким, которые позволяют преимущественно укреплять инновационно-инвестиционный сектор региональной экономики, способствуя повышению конкурентоспособности ее отраслей в целом и отдельных производств и предприятий, в частности. К числу подобных локальных производственных систем относятся в первую очередь производственные (или территориально-производственные) кластеры. Они предназначены быть преимущественно таким инструментом управления региональным развитием, с помощью которого становится возможной мобилизация разного рода внутренних ресурсов в регионах для динамичного экономического роста, повышения конкурентоспособности и диверсификации региональной экономики.

Несмотря на довольно большую распространенность кластеров, кластерный подход считается относительно новой технологией управления пространственным развитием. Привлекательность данного подхода заключается прежде всего в том, что он создает возможности для региона и бизнеса не только выжить, но и развиваться в условиях перехода на постиндустриальную и инновационную модели развития. Так, среди экономистов-регионалистов Европейского союза кластерные структуры рассматриваются в качестве основного стратегического инструмента региональной экономической политики, который способен обеспечить интеграцию экономик стран-членов ЕС в европейском пространстве [1; 9]. В 2006 г. Совет ЕС объявил кластеризацию стратегическим приоритетом на пути повышения инновационности европейской и региональной экономики. В реализации этого приоритета важная роль отводится институтам, которые не только отвечают за разработку и проведение кластерной политики, но и создают наилучшие рамочные условия для обеспечения единой среды, которая стимулирует инновации и сотрудничество в рамках ЕС.

Представляется исключительно важным отметить, что в процессе формирования кластеров региональные и местные органы власти в странах ЕС стремятся ориентировать свою экономическую политику не столько на потребности крупного бизнеса, сколько на учет сложного клубка экономических, политических, социальных и других факторов территории и их взаимодействий в конкретном регионе, создавая наилучшие предпосылки для привлечения инвестиций и роста занятости населения. Большой интерес к использованию кластерного подхода со стороны органов власти заключается в возможности его применения для целей стимулирования инновационной и инвестиционной деятельности, особенно актуальных и жизненно значимых для малого и среднего бизнеса, а также для более эффективной реализации государственных региональных программ социально-экономического развития в пределах отдельных территорий.

В последние годы многие страны (к примеру, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Швеция, Финляндия, Ирландия, Польша, Словакия, Болгария и др.) активно и повсеместно внедряют кластерный подход для осуществления и регулирования своих национальных инновационных программ социально-экономического развития. При этом используются разнообразные формы стимулирования и финансирования, особенно важные для малых инновационных предприятий – это в большинстве случаев прямое финансирование деятельности; предоставление ссуд без выплаты процентов; целевые дотации на научно-исследовательские разработки; создание фондов внедрения инноваций с учетом возможного коммерческого риска, бесплатное ведение делопроизводства по заявкам индивидуальных изобретателей, бесплатные услуги патентных поверенных, снижение государственных пошлин для индивидуальных изобретателей и другие [1; 11].

Региональное развитие опирается главным образом на использование собственных ресурсов региона. В этом контексте большое значение имеет изучение кластерных форм промышленной организации, которые распространились именно по всей Европе. Кластерная политика в первую очередь ориентирована на развитие малых и средних предприятий, поскольку они дают возможность решать проблемы с занятостью и привлекать широкие массы работников к инновационной деятельности, активируя развитие всего региона. В развитых странах доля сотрудников, работающих на таких предприятиях, достигает от 50 до 70 %, а вклад таких предприятий в ВВП составляет от 50 до 60 % [1]. Эти предприятия составляют основу для создания кластерных производственных систем, которые могут использовать традиционные преимущества малого бизнеса, такие как способность быстро реагировать на изменения условий бизнес-среды, расширенные пределы экономической свободы, создание дополнительных рабочих мест, инновационную деятельность и формирование среднего класса. Интеграция малых и средних предприятий в кластеры позволяет получать выгоды, которые традиционно характерны для крупномасштабного производства. Среди них следует особо упомянуть о таких преимуществах, как увеличение финансовых возможностей для использования достижений науки и техники и экономии за счет масштаба.

Зарубежный опыт показывает, что успешная реализация кластерного подхода требует разработки специальной национальной программы, которая определяла бы стимулы и поддержку кластеров в различных сферах экономики. В то же время можно рассматривать как традиционные подходы к созданию локальных производственных систем, широко интерпретируемых как агломерации, так и конкретные способы создания кластеров инноваций мирового класса. Кластеризация – это новый экономический феномен, который стал механизмом, позволяющим противостоять давлению глобальной конкуренции и формировать конкурентные

преимущества внутри страны и предприятия. Разработка государственной программы кластеризации должна четко определять уровень, на который она нацелена.

Поскольку кластерный подход является в основном управленческим методом интеграции малых и средних предприятий, то он должен ориентироваться на повышение конкурентоспособности региона, в котором расположены участники кластера. Именно через призму регионов следует учитывать влияние кластеризации на развитие промышленности и всей страны. Как правило, национальные министерства формулируют общие стратегические цели. Они также определяют бюджетные цели и принимают решение о создании новых органов власти. Другие государственные учреждения и региональные власти играют ведущую роль в разработке программ и их управлении. Эти программы включают конкретные инициативы, которые реализуются путем применения инструментов по усмотрению отдельных регионов или секторов. Важную роль в этом процессе играют институты, которые разрабатывают инициативы. Поэтому многие субъекты принимают участие в разработке и реализации кластерной политики, что требует разработки эффективных механизмов координации их взаимодействия.

Представляется интересным использовать так называемую звездную методологию для дифференциации кластерной политики. Эта методология была разработана экспертами Европейской кластерной обсерватории. Подобно классификации гостиниц, кластеры назначаются звездами как меры их работы от нуля до одной, двух и трех звезд в зависимости от размера кластера, специализации и индикаторов фокусировки. Размер кластера рассматривается как мера его влияния на занятость населения. Его самый высокий уровень должен быть выше 10 % стандартизованного показателя для верхних регионов ЕС и рассчитывается как отношение количества людей, работающих в кластере, к общим сотрудникам, работающим в ЕС. Специализация в отношении звездной методологии определяется, если регион в рамках европейского разделения труда выделяется в определенной кластерной категории среди 10 % наиболее популярных регионов ЕС с наибольшей занятостью в соответствующей отрасли. Еще один показатель – «фокус» – используется для присвоения звезды кластеру, если на него приходится основная доля занятости на региональном уровне, в частности, если кластер попадает в 10 % из похожих кластеров с наибольшей долей занятости в этой области.

В целом в мировой практике государственного регулирования экономического развития кластерная стратегия стала одним из инструментов государственной политики повышения конкурентоспособности на уровне отдельных предприятий, регионов и стран [1–5]. При этом кластерную политику приняли на вооружение многие как развитые, так и развивающиеся страны [5; 11]. Европейская комиссия рассматривает кластеры главным образом как рыночный феномен, хотя кластеризация экономики признана Советом ЕС стратегическим приоритетом в деле повышения ее инновационности.

В любой стране кластерная политика зависит прежде всего от специфики государственной экономической политики. В то же время можно выделить ряд характерных особенностей кластеров, среди которых представляются наиболее важными, во-первых, территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов – участников кластерной системы (поставщиков, производителей, потребителей, элементов производственной инфраструктуры, исследовательских институтов и др.), взаимосвязанных в процессе создания добавочной стоимости. При этом отношения всех участников кластера должны строиться на долговременной координации их взаимодействий в рамках производственных программ, инновационных процессов и т. д. Немаловажное значение имеет также наличие крупного предприятия – лидера, определяющего долговременную экономическую, инновационную и иную стратегию всей формирующейся на его базе территориально-производственной системы в регионе.

Во-вторых, характерной чертой кластеров является их инновационная ориентированность, что определяет приоритеты при выборе территорий и объектов для формирования кластера. Вклад кластеров в создание и усиление конкурентных преимуществ регионов их локализации заключается прежде всего в возможности обеспечения эффектов, обусловленных территориальной концентрацией, специализацией и кооперацией производства. При этом кластерный подход предполагает, что конкурентоспособность каждого отдельного участника кластера в значительной степени связана с конкурентоспособностью других участников, входящих в ту же цепочку создания стоимости или обеспечивающих более благоприятную внешнюю среду самого процесса создания стоимости. Усиление конкурентоспособности в кластере достигается по преимуществу за счет способности объектов-участников кластера к инновациям, что, в свою очередь, сопровождается повышением производительности труда за счет усиления специализации и аутсорсинга непрофильных производственных и других функций; ростом занятости населения благодаря привлечению в регион новых хозяйствующих субъектов; расширением границ кластера посредством вовлечения новых видов деятельности, поддерживающих инновации (причем акцент делается на развитии малого и среднего бизнеса). Все вышеперечисленное в условиях рынка придает кластерам как форме организации производства большую гибкость и эффективность.

В-третьих, еще одной важной особенностью кластерного подхода является акцент на учете положительных синергетических эффектов территориальной агломерации, т. е. близости потребителя и производителя, сетевых эффектах и диффузий знаний и умений за счет миграции персонала и выделения бизнеса. Другими словами, общность территории и взаимосвязи по линии выпуска конечной продукции способствуют накоплению «критической массы» капитала региона, включая человеческий, научный, инновационный и производственный потенциалы. В результате данного процесса взаимосвязи между участниками кластера сильнее влияют на уровень производительности, чем масштабы работы каждого из участников. Поэтому при организации кластеров чаще всего не требуется дополнительных государственных инвестиций, что, в свою очередь, является положительной стороной для государства в развитии приоритетных видов экономической деятельности через кластеризацию, объединяя малые, крупные и средние предприятия в единые комплексы.

В России, как и в мире, к формированию и использованию кластеров проявляется огромный интерес. В настоящее время кластерная политика выступает в качестве одного из ключевых рычагов регионального развития, ориентированных прежде всего на повышение конкурентоспособности регионов. В соответствии с этим разработан и принят ряд документов [3; 7; 8], рассматривающих кластеры как инструмент регулирования на федеральном и региональном уровнях, позволяющий создавать условия для модернизации производства, внедрения инновационных технологий и усиления конкурентоспособности производства на отечественных и мировых рынках. Проблемам и возможностям кластеризации экономики страны посвящено и множество научных публикаций в отечественной литературе [2; 6–13].

В условиях России существует целый ряд серьезных проблем для создания кластеров, которые обусловлены как ограниченными возможностями реализации кластерной политики, так и особенностями социально-экономической обстановки в тех или иных регионах. В частности, к числу таких наиболее важных барьеров, стоящих на пути реализации кластеров и требующих преодоления, следует отнести в первую очередь слабые позиции прикладной науки, затрудняющие внедрение инноваций в производство и их коммерциализацию; отсутствие эффективного механизма стимулирования развития малых и средних предприятий, которые должны составлять опорный каркас кластера; многочисленные дефекты в системе управления, включая трудности формирования эффективных взаимосвязей между всеми участниками кластера и слабое действенное участие местных органов власти в процессе создания кластеров; слабые стимулирующие возможности бюджетной и налоговой политики, проблемы финансирования и др.

Логика осуществления кластерной политики предусматривает по большей части учет определенных предпосылок каждого конкретного региона, на территории которого формируется кластер. К ним следует отнести наличие собственников и предприятий, потенциально заинтересованных в сотрудничестве в рамках кластера; высокий технологический уровень предприятий и склонность к инновациям; конкурентоспособность продукции предприятий – потенциальных участников кластера на мировом рынке; заинтересованность органов власти в кластерном варианте развития экономики региона и расширении кооперации и сотрудничества; наличие высококвалифицированной системы профессионального образования и др.

Кластеры как форма пространственной организации производства могут в процессе своего создания и развития проходить ряд стадий. Обычно выделяют следующие стадии жизненного цикла кластера [6; 12; 13]:

1) агломерация (в регионе существует некоторое количество компаний и других действующих лиц, объединенных профилем деятельности или технологической цепочкой);

2) возникающий кластер (ряд участников, локализованных на ограниченной территории, начинают кооперироваться вокруг основной деятельности и реализовывать общие возможности через установление партнерских связей);

3) развивающийся кластер (возникновение или вовлечение новых участников той же смежной деятельности в регионе, возникновение новых связей между новыми участниками);

4) зрелый кластер (формирование некой критической массы действующих лиц, развитых связей как в пределах, так и за пределами кластера);

5) трансформация (под влиянием технологического прогресса, изменения рынков и т. д. могут меняться и кластеры; их жизнеспособность во многом зависит от способности генерировать нововведения и адаптироваться к изменяющимся условиям. При этом кластер может трансформироваться в один или несколько новых кластеров, которые концентрируются вокруг других видов деятельности).

В заключение отметим, что формирование кластеров способно оказывать положительное влияние на усиление конкурентоспособности регионов и страны в целом, создавать условия для саморазвития регионов. Кластерный подход становится в России одним из важных инструментов государственной региональной политики, обеспечивающим диверсификацию экономики регионов, рост конкурентоспособности, усиление инновационной ориентации производства, стимулирование социально-экономического развития регионов. Для этого представляется необходимым создание благоприятной среды для формирования кластеров, включая интеграцию науки, техники и производства; реальную возможность превращения инноваций в конкурентоспособные товары и услуги; создание эффективного механизма стимулирования развития малых и средних предприятий; формирование системы управления инновационными процессами, обеспечивающей эффективные взаимосвязи между всеми участниками кластера.

Литература

1. Тонкова С., Бурматова О. П. Опыт Болгарии в формировании кластерной политики // Регион: экономика и социология. 2016. № 2. С. 237–252.

2. Швецов А. Н. Интеграционные механизмы ускорения территориального развития // Теория и практика системных преобразований. М.: КомКнига, 2006. Т. 22. С. 160–180.

3. Aage T., Belussi F. From fashion to design: creative network in industrial district // Innovation and Industry. 2008. Vol. 15. P. 475–492.

4. Bellandi M. A perspective on clusters, localities, and specific public goods // European Planning Studies. 2006. Vol. 13.

5. Lombardi M. The evolution of local production systems: the emergence of the «invisible mind» and the evolutionary pressures towards more visible «minds» // Research Policy. 2003. Vol. 32. № 8. P. 1443–1462.

6. Инновационное развитие промышленности: кластерный подход / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. 484 с.

7. Концепция Кластерной политики в Российской Федерации. Режим доступа: http://pandia.ru/text/77/216/4808.php (дата обращения: 25.11.2017).

8. Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 392 с.

9. Марков Л. С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода / под ред. Н. И. Суслова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 300 с.

10. Печаткин В. В. Формирование и развитие кластеров в регионах России: ключевые проблемы и пути их решения (на примере республики Башкортостан) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1. С. 68–76.

11. Ксенофонтова О. Л. Опыт зарубежных стран по созданию и функционированию кластеров: модельный подход // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2015. № 2. С. 36–42.

12. Бурматова О. П. Кластерный подход к управлению экономикой региона // Основы экономики, управления и права. 2014. № 2. С. 30–34.

13. Семенова Е. А. Формирование эффективной кластерной политики как основа стратегии инновационного развития. Доклад на конференции в Институте научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН) «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Режим доступа: https://riss.ru/analitycs/3037/ (дата обращения: 25.11.2017).

CLUSTER APPROACH AS ONE OF MODERN TECHNOLOGIES OF REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT*

Ol'ga P. Burmatova[1, @1], Evgenii Iu. Kuriliak[2, @2]

[1] Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences , 17, Ac. Lavrentiev Av., Novosibirsk, Russia, 630090
[2] Ternopil National Economic University, 11, Lviv St., Ternopil, Ukraine, 46027
[@1] burmatova@ngs.ru
[@2] ternopil2000@yahoo.com

Received 08.12.2017. Accepted 10.01.2018.

Keywords: local production systems, territorial-production cluster, innovation, regional competitiveness, cluster policy.

Abstract: Clusters are considered as one of the types of local production systems, the mandatory features of which are the availability of economic opportunities for self-development, manageability and security of various public and private institutions. Among the main advantages of clusters as a form of organization of production in the territory are the territorial localization of the main mass of economic entities participating in the cluster; innovative orientation; opportunities to enhance the competitive advantages of the cluster location region; taking into account the positive synergies of the territorial agglomeration. The paper gives a brief description of the world experience in the formation of modern clusters, including the approaches taken as the initial reference point for strategic development abroad, including the EU countries, as well as the concept of clustering as a way to use regional resources and scientific and technical potential effectively. The authors enumerate the main difficulties in the implementation of cluster policy in the conditions of Russia, including the weak positions of applied science; lack of an effective mechanism to stimulate the development of small and medium-sized enterprises; shortcomings in the management system; problems of financing, etc.

For citation: Burmatova O. P., Kuriliak E. Iu. Klasternyi podkhod kak odna iz sovremennykh tekhnologii upravleniia regional'nym razvitiem [Cluster Approach as One of Modern Technologies of Regional Development Management]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 29–34.

References

1. Tonkova S., Burmatova O. P. Opyt Bolgarii v formirovanii klasternoi politiki [Bulgarian experience in the formation of the cluster policy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, no. 2 (2016): 237–252.

2. Shvetsov A. N. Integratsionnye mekhanizmy uskoreniia territorial'nogo razvitiia [Integration acceleration mechanisms of territorial development]. *Teoriia i praktika sistemnykh preobrazovanii* [Theory and practice of systemic change]. Moscow: KomKniga, vol. 22 (2006): 160–180.

3. Aage T., Belussi F. From fashion to design: creative network in industrial district. *Innovation and Industry*, no. 15 (2008): 475–492.

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

4. Bellandi M. A perspective on clusters, localities, and specific public goods. *European Planning Studies*, no. 13 (2006).

5. Lombardi M. The evolution of local production systems: the emergence of the «invisible mind» and the evolutionary pressures towards more visible «minds». *Research Policy*, 32. no. 8 (2003):1443–1462.

6. I*nnovatsionnoe rasvitie promyshlennosti: klasternyi podkhod* [The innovative development of the industry: the cluster approach]. Ed. Babkin A. V. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta, 2011, 484.

7. *Kontseptsiia Klasternoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Concept of Cluster Policy in the Russian Federation]. Available at: http://pandia.ru/text/77/216/4808.php (accessed 25.11.2017).

8. Kuznetsova O. V. *Regionalnaia politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Regional Policy of Russia: 20 years of reform and new opportunities]. Moscow: LIBROKOM, 2013, 392.

9. Markov L. S. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy klasternogo podkhoda* [Theoretic-methodological fundamentals of the clusters approach]. Ed. Suslov N. I. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2015, 300.

10. Pechatkin V. V. Formirovanie i razvitie klasterov v regionakh Rossii: kliuchevye problemy i puti ikh resheniia (na primere respubliki Bashkortostan) [The formation and development of clusters in the regions of Russia: key problems and their solutions (as in the case of the Republic of Bashkortostan)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1 (2012): 68–76.

11. Ksenofontova O. L. Opyt zarubezhnykh stran po sozdaniiu i funktsionirovaniiu klasterov: model'nyi podkhod [The experience of foreign countries in the creation and functioning of clusters: a model approach]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie = Modern high technology. Regional annex*, no. 2 (2015): 36–42.

12. Burmatova O. P. Klasternyi podkhod k upravleniiu ekonomikoi regiona [Cluster approach to the management of the economy of the region]. *Osnovy ekonomiki, upravleniia i prava = Fundamentals of Economics, Management and Law*, no. 2 (2016): 30–34.

13. Semenova E. A. *Formirovanie effektivnoi klasternoi politiki kak osnova strategii innovatsionnogo razvitiia. Doklad na konferentsii v Institute nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Rossiiskoi Akademii nauk (INION RAN) «Modernizatsiia Rossii: kliuchevye problemy i resheniia»* [Formation of an effective cluster policy as a basis for a strategy of innovative development. Presentation at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (ISISS RAS) «Modernization of Russia: key challenges and solutions»]. Available at: http://www.riss.ru/index.php/analitika/1563-formirovanie-effektivnoj-klasternoj-politiki-kak-osnova-strategii-innovatsionnogo-razvitiya#.UjgcUCsa2Hs (accessed 25.11.2017).

УДК 332.1:631(571.17)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОТЕНЦИАЛА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСУРСНЫХ РЕГИОНАХ

Елена Г. Колесникова[1, @1], Татьяна Д. Чекменева[1, @2], Ольга Н. Котова[1, @3]

[1] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@1] elenakolesnikova39@gmail.com
[@2] chtd42@yandex.ru
[@3] onkotova@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 22.01.2018.

Ключевые слова: сельское хозяйство, потенциал устойчивого развития сельского хозяйства, индикаторы, рейтинговая оценка

Аннотация: Устойчивое развитие сельских территорий и сельскохозяйственной отрасли очень важно для ресурсных регионов, валовый региональный продукт которых на 50 % формируется за счёт добычи и переработки полезных ископаемых. Чтобы иметь возможность проводить грамотную политику развития сельского хозяйства в муниципальных районах, необходимо, в первую очередь, оценить имеющийся потенциал сельских территорий в составе муниципальных районов. В статье описано применение авторского подхода к оценке ресурсного потенциала для развития сельского хозяйства в регионе на примере Кемеровской области. Предложены индикаторы ресурсного потенциала сельских территорий, определяющие разные аспекты развития территории: экономические, социальные и инфраструктурные. В качестве базы анализа и оценки использованы данные муниципальной статистики официальных сайтов Росстата (Кемеровостата). По результатам анализа проведено ранжирование муниципальных районов методом рейтинговой оценки на основе предложенных индикаторов. Сделаны выводы о приоритетах развития сельского хозяйства в отдельных муниципальных районах региона.

Для цитирования: Колесникова Е. Г., Чекменева Т. Д., Котова О. Н. Социально-экономические аспекты потенциала устойчивого развития сельского хозяйства в ресурсных регионах // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 35–41.

Сельское хозяйство является одним из важнейших видов деятельности в экономике любого государства. Оно дает жизненно необходимую человеку продукцию: основные продукты питания и сырье для выработки предметов потребления. Сохранить данный вид деятельности в регионах – значит обеспечить продовольственную, экономическую безопасность территории и способствовать её устойчивому развитию. Эта задача в первую очередь возлагается на сельских товаропроизводителей, проживающих на сельских территориях.

Сельская территория – это сложная природно-хозяйственная территориальная система, подсистемами которой являются природная, экономическая, социальная среда и управление.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. сказано, что устойчивое развитие сельских территорий – это стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель [1].

Другими словами, под устойчивым развитием сельских территорий понимается стабильное развитие сельского сообщества, обеспечивающее:

1. производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья, других (несельскохозяйственных) товаров и услуг, а также общественных благ;

2. сохранение сельского образа жизни и сельской культуры, предоставление рекреационных услуг, социальный контроль над территорией, сохранение исторически освоенных ландшафтов;

3. расширенное воспроизводство населения, рост уровня и улучшение качества его жизни;

4. поддержание экологического равновесия в биосфере [2].

Таким образом, ключевыми остаются вопросы развития сельских территорий. Развитие и поддержка сельских территорий должны оставаться приоритетными направлениями в современной экономике России, это отражено в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации [3], а также в Государственной программе Кемеровской области [4].

Аспекты, касающиеся устойчивости развития сельского хозяйства в регионах, могут варьироваться в зависимости от конкретной территории или муниципального района и их специализации. Так, в Кемеровской области, являющейся ресурсным регионом, часть муниципальных районов связана в основном с добывающими и сопутствующими им отраслями, а часть являются сельскохозяйственными районами. Очевидно, что социально-экономические аспекты устойчивого развития сельского хозяйства в районах разного типа должны различаться.

Чтобы иметь возможность проводить грамотную политику развития сельского хозяйства в регионах, необходимо, в первую очередь, оценить имеющийся потенциал различных территорий.

Для оценки ресурсного потенциала предлагается подход, основанный на расчете и сравнении индикаторов устойчивого развития сельского хозяйства в регионе. Индикаторы определяются на основе базовых показателей социально-экономического развития [5].

Предложенный подход реализуется в два этапа.

На первом этапе производится расчет индикаторов для оценки различных видов потенциала территории. В работе оценены три вида потенциала: социальный, экономический, инфраструктурный [6–8]. Затем производится ранжирование муниципальных районов, что дает возможность проведения сравнительного анализа и отбора приоритетов развития районов с помощью таких методов, как рейтинговая оценка или типизация.

На втором этапе проводится характеристика ресурсов сельских территорий по всем видам потенциала с целью выявления территориальной структуры ресурсного потенциала.

Рассмотрим применение данного подхода для муниципальных районов Кемеровской области.

Первый этап. На основе выбранных базовых показателей социально-экономического развития муниципальных районов рассчитываются индикаторы, характеризующие экономический, социальный и инфраструктурный потенциал сельского хозяйства (таблица 1). Для характеристики экономического потенциала предложено 3 индикатора, для характеристики социального и инфраструктурного потенциала – по 2 индикатора.

Таблица 1. **Базовые показатели и индикаторы ресурсного потенциала сельских территорий**
Table 1. **Basic indicators of the resource potential of rural areas**

Потенциал	Базовые показатели	Индикаторы
Экономический потенциал	численность трудоспособного населения (муниципального района)	Инвестиции на душу населения
	объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека, рубль	
	доходы от собственного производства	Удельный вес обрабатывающего производства
	доходы обрабатывающих производств	
	площадь земель с/х назначения	Удельный вес земель с/х назначения от общей площади муниципального района
	общая площадь территории муниципального района	
Социальный потенциал	численность детей в возрасте от 0 до 15 лет	Удельный вес детей на территории муниципальных районов (0–15лет)
	общая площадь территории муниципальных районов	
	численность трудоспособного населения в возрасте от 16 до 59 лет	Удельный вес трудоспособного населения на территории муниципального района
	общая площадь территории муниципальных районов	
Инфраструктурный потенциал	одиночное протяжение уличной водопроводной сети	Удельный вес по обеспеченности водопроводом
	общая площадь территории муниципальных районов	
	протяженность автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципального района, всего	Наличие автодорог с твердым покрытием, км на один квадрат площади территории
	доля автомобильных дорог местного значения с твердым покрытием	

Далее проводится ранжирование муниципальных районов по критериям наилучшей обеспеченности ресурсами, определенной на основе сравнительного анализа муниципальных районов по индикаторам [9].

Результаты ранжирования муниципальных районов Кемеровской области и рассчитанные индикаторы представлены в таблицах 2, 3 и 4 (в таблицах представлены пять лучших по рейтингу районов).

Этап 2. Ранжирование позволило определить муниципальные районы-лидеры по экономическому, социальному и инфраструктурному потенциалу.

Так, лидером по потенциальным возможностям в социальном аспекте является Таштагольский район. Он занимает первое место по удельному весу детей на территории муниципального района, а также по удельному весу трудоспособного населения.

Наилучшие потенциальные возможности в экономическом развитии проявляют следующие муниципальные районы: Прокопьевский (по инвестициям на душу населения), Яйский (по удельному весу доходов обрабатывающих производств), по удельному весу земель сельскохозяйственного назначения лидерами являются два района – Промышленновский и Ленинск-Кузнецкий.

Таблица 2. **Ранжирование муниципальных районов по индикаторам социального потенциала**
Table 2. **Ranking of municipal districts by indicators of social potential**

Ранг	Муниципальный район	Удельный вес детей на территории муниципальных районов (0–15лет)	Ранг	Муниципальный район	Удельный вес трудоспособного населения на территории муниципального района
1	Таштагольский	5,33	1	Таштагольский	11,62
2	Промышленновский	2,26	2	Кемеровский	6,67
3	Кемеровский	2,19	3	Промышленновский	5,95
4	Ленинск-Кузнецкий	2,14	4	Прокопьевский	5,44
5	Беловский	2,03	5	Ленинск-Кузнецкий	5,38

Таблица 3. **Ранжирование муниципальных районов по индикаторам экономического потенциала**
Table 3. **Ranking of municipal districts by indicators of economic potential**

Ранг	Муниципальный район	Инвестиции на душу населения	Ранг	Муниципальный район	Удельный вес доходов обрабатывающего производства от общих доходов муниципальных районов	Ранг	Муниципальный район	Удельный вес земель с/х назначения от общей территории муниципального района
1	Прокопьевский	27,65	1	Яйский	0,98	1	Ленинск-Кузнецкий	0,50
2	Яйский	22,73	2	Тяжинский	0,93	2	Промышленновский	0,45
3	Беловский	13,41	3	Топкинский	0,87	3	Топкинский	0,28
4	Новокузнецкий	10,62	4	Мариинский	0,67	4	Юргинский	0,22
5	Ленинск-Кузнецкий	9,76	5	Гурьевский	0,46	5	Гурьевский	0,18

Таблица 4. **Ранжирование муниципальных районов по индикаторам инфраструктурного потенциала**
Table 4. **Ranking of municipal districts by indicators of infrastructure potential**

Ранг	Муниципальный район	Удельный вес дорог с твердым покрытием от общей протяженности дорог	Ранг	Муниципальный район	Удельный вес водопроводов на общей территории	Ранг	Муниципальный район	Удельный вес отремонтированных линий электропередач от общей протяженности
1	Тисульский	1,000	1	Таштагольский	0,026	1	Тяжинский	0,21
2	Прокопьевский	0,997	2	Промышленновский Топкинский	0,006	2	Крапивинский	0,17
3	Новокузнецкий	0,954	3	Ленинск-Кузнецкий Гурьевский	0,005	3	Таштагольский	0,14
4	Чебулинский	0,945	4	Прокопьевский Юргинский Яйский	0,004	4	Яшкинский	0,12
5	Ленинск-Кузнецкий	0,935	5	Мариинский Яшкинский	0,003	5	Новокузнецкий	0,09

По потенциальным возможностям в вопросах обеспеченности инфраструктурой лидерами являются Таштагольский район (по обеспеченности водопроводами), Тисульский район (по удельному весу дорог с твердым покрытием), Тяжинский район (по удельному весу отремонтированных линий электропередач).

Чтобы определить среди муниципальных районов-лидеров по группам индикаторов (соответственно, по социальным, экономическим и инфраструктурным), а также определить муниципальные районы, имеющие потенциальные возможности одновременно по всем рассчитываемым индикаторам (в пересечении), был проведен анализ графическим методом (рис. 1–3).

Анализ графического представления потенциала территорий показал следующее:

• социальным потенциалом одновременно по двум индикаторам обладают Промышленновский и Кемеровский районы;

• экономическим потенциалом одновременно по трем индикаторам обладают Яйский, Промышленновский и Гурьевский районы;

• инфраструктурный потенциал одновременно по трем индикаторам имеют Таштагольский, Промышленновский и Топкинский районы.

Как видно, наибольшим потенциалом в развитии сельского хозяйства в Кемеровской области обладает Промышленновский район, который имеет сельскохозяйственную специализацию. Следовательно, данной территории необходимо уделять наибольшее внимание с целью получения наивысшей отдачи от развития сельского хозяйства.

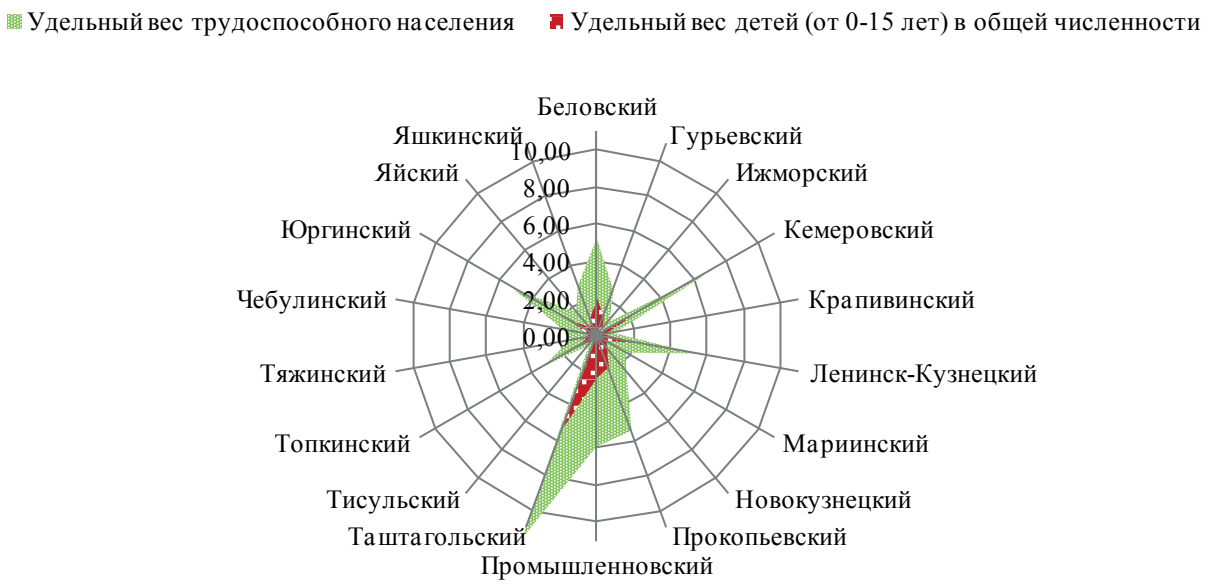

Рис. 1. ***Индикаторы социального потенциала***
Fig. 1. ***Indicators of social potential***

Рис. 2. ***Индикаторы экономического потенциала***
Fig. 2. ***Indicators of economic potential***

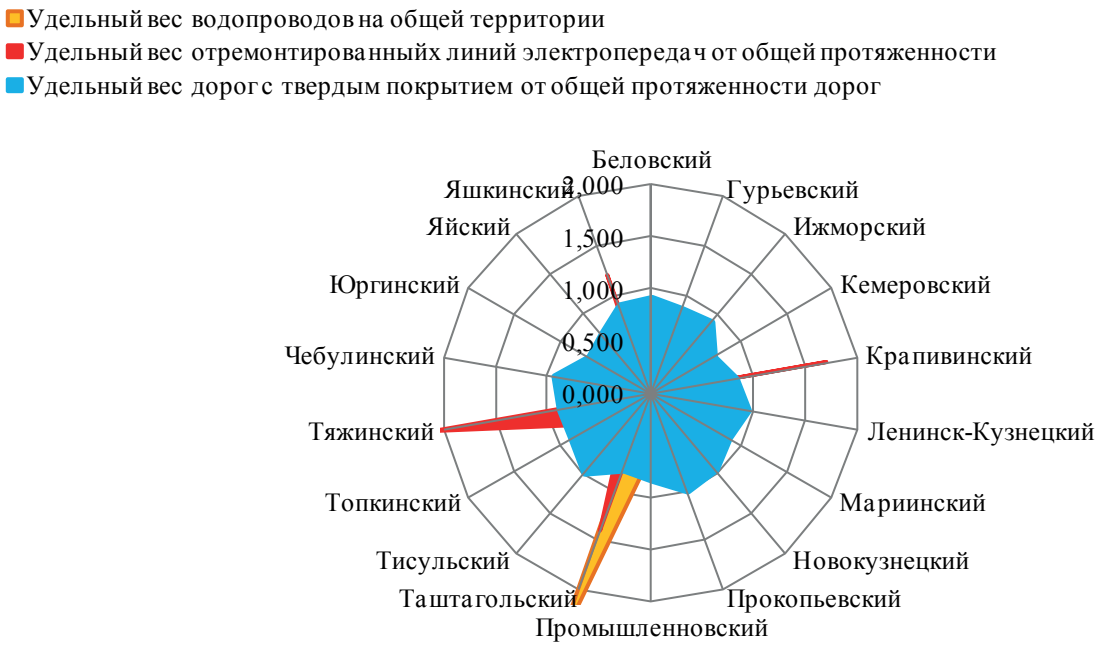

Рис. 3. ***Индикаторы инфраструктурного потенциала***
Fig. 3. ***Indicators of infrastructure potential***

Таким образом, анализ социально-экономических аспектов и оценка потенциала устойчивого развития сельского хозяйства в ресурсных регионах (на примере Кемеровской области) указывают на необходимость уделять особое внимание тем районам, которые специализируются на производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимо внедрять новые технологии, активизировать исследовательские работы, принимать меры по улучшению условий жизни на селе, обеспечению возможностей образования, здравоохранения, транспорта и связи, культуры и отдыха [10].

Литература

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136–р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107793/ (дата обращения: 20.11.2017).

2. Колесникова Е. Г., Стефаненко Е. А. Народнохозяйственные функции сельских территорий и условия их выполнения // Молодежь и наука: реальность и будущее: сборник трудов VIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных (21 апреля 2016). Кемерово, 2016. С. 237–241.

3. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение № 151-р от 2.02.2015.

4. Государственная программа Кемеровской области «Государственная поддержка агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий в Кемеровской области» на 2014–2020 годы. Постановление Коллегии АКО № 464 от 25.10.2013 (с изменениями на 18.08.2017).

5. Колесникова Е. Г. Использование методики оценки качества среды проживания для выявления конкурентных преимуществ муниципальных районов (на примере Кемеровской области) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-1. С. 465–469.

6. Колесникова Е. Г., Чекменева Т. Д. Моделирование устойчивого развития сельских территорий для обеспечения продовольственной безопасности страны и регионов (на примере Кемеровской области) // Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды: сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики (РОЭЭ-2015) (Казань, 7–11 июля 2015): Москва, 2015. С. 161–166.

7. Краснова Т. Г., Балабанова Е. А. Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 1. С. 56–58.

8. Адарина Р. Т., Борисова О. В., Галкин Д. Н., Глотко А. В., Дронова М. В., Куттубаева Т. А., Матин А. А., Сарбашев Э. Б., Туймешева Д. В., Тю Л. В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий на основе совершенствования социально-экономической системы. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. 200 с.

9. Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: kemerovostat.gks.ru (дата обращения: 20.11.2017).

10. Меренкова И. Н. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика. Воронеж: ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР России Россельхозакадемии, 2011. 260 с.

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE CAPACITY FOR SUSTAINABLE AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE RESOURCE REGIONS

Elena G. Kolesnikova[1, @1], Tatyana D. Chekmeneva[1, @2], Olga N. Kotova[1, @3]

[1] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@1] elenakolesnikova39@gmail.com
[@2] chtd42@yandex.ru
[@3] onkotova@yandex.ru

Received 30.11.2017. Accepted 22.01.2018.

Keywords: agriculture, potential of sustainable agriculture, indicators of rating.

Abstract: Sustainable development of rural areas and the agricultural sector is very important for resource regions, the gross regional product of which is formed by 50% due to extraction and processing of minerals. In order to be able to conduct a competent policy for the development of agriculture in municipal areas, it is necessary to assess the existing potential of rural areas in the municipal districts. The article describes the application of the author's approach to the assessment of the resource potential for the development of agriculture in the region by the example of the Kemerovo region. It features indicators of the resource potential of rural territories, which determine various aspects of the development of the territory: economic, social and infrastructural. The data of the municipal statistics of the official websites of Russian Federal State Statistics Service (Kemerovo Statistics Agency) are used as a basis for analysis and evaluation. The results of the analysis allow the authors to rank the municipal districts according to the method of rating evaluation based on the proposed indicators. The paper involves some conclusions about the priorities for the development of agriculture in certain municipal areas of the region.

For citation: Kolesnikova E. G., Chekmeneva T. D., Kotova O. N. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty potentsiala ustoichivogo razvitiia sel'skogo khoziaistva v resursnykh regionakh [Socio-Economic Aspects of the Capacity for Sustainable Agricultural Development in the Resource Regions]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 35–41.

References

1. *Kontseptsiia ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda, utv. Rasporiazheniem Pravitel'stva RF ot 30.11.2010 № 2136–r [*The concept of sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period up to the year 2020, approved by order of the Russian Government dated 30.11.2010 No. 2136-r]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107793/ (accessed 20.11.2017).
2. Kolesnikova E. G., Stefanenko E. F. Narodnokhoziaistvennye funktsii sel'skikh territorii i usloviia ikh vypolneniia [Economical functions of rural territories and terms of their implementation]. *Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee: sbornik trudov VIII Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (21 aprelia 2016)* [Youth and Science: reality and future: Proc. VIII Intern. Conf. of students, postgraduates and young scientists (April 21 2016)]. Kemerovo, 2016, 237–241.
3. *Strategiia ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [Strategy for the sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period up to the year 2030]. No. 151-p of 02.02.2015.
4. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Gosudarstvennaia podderzhka agropromyshlennogo kompleksa i ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii v Kemerovskoi oblasti» na 2014–2020 gody* [The State program of the Kemerovo region «State support for agriculture and sustainable rural development in the Kemerovo region» for 2014–2020 years]. Decree No. 464 of AKO Collegium of 25.10.2013 (with the changes on 18.08.2017).
5. Kolesnikova E. G. Ispol'zovanie metodiki otsenki kachestva sredy prozhivaniia dlia vyiavleniia konkurentnykh preimushchestv munitsipal'nykh raionov (na primere Kemerovskoi oblasti) [Use of the methodology for assessing the quality of the living environment to identify the competitive advantages of municipal areas (by the example of the Kemerovo region)]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, no. 8-1 (2015): 465–469.
6. Kolesnikova E. G., Chekmeneva T. D. Modelirovanie ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii dlia obespecheniia prodovol'stvennoi bezopasnosti strany i regionov (na primere Kemerovskoi oblasti) [Modeling of sustainable development of rural areas to ensure food security of the country and regions (on the example of the Kemerovo region)]. *Teoriia i praktika ekonomicheskogo regulirovaniia prirodopol'zovaniia i okhrany okruzhaiushchei sredy: sbornik trudov XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossiiskogo obshchestva ekologicheskoi ekonomiki (ROEE-2015) (Kazan', 7–11 iiulia 2015)* [Theory and Practice of Economic Regulation of Nature Use and Environmental Protection: Proc. XIII Intern. Sc.-Prac. Conf. of the Russian Society for Ecological Economics RSEE-2015 (Kazan', 7–11 July 2015)]. Moscow, (2015): 161–166.
7. Krasnova T. G, Balabanova,E. A. Issledovanie sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala munitsipal'nykh obrazovanii [Research of social and economic potential of municipal formations]. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya Irkutsk State Economic Academy*, no. 1 (2010): 56–58.

8. Adarina R. T., Borisova O. V., Galkin D. N., Glotko A. V., Dronova M. V., Kuttubaeva T. A., Matin A. A., Sarbashev E. B., Tuimesheva D. V., Tiu L. V. *Obespechenie ustoichivogo razvitiia sel'skikh territorii na osnove sovershenstvovaniia sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy* [Ensuring sustainable development of rural areas on the basis of improving the socio-economic system]. Gorno-Altaisk: GAGU, 2013, 200.

9. *Dannye Territorial'nogo organa Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Kemerovskoi oblasti* [Data of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kemerovo Region]. Available at: kemerovostat.gks.ru (accessed 20.11.2017).

10. Merenkova I. N. *Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii: teoriia, metodologiia, praktika* [Sustainable development of rural areas: theory, methodology, practice]. Voronezh: GNU NIIEOAPK TsChR Rossii Rossel'khozakademii, 2011, 260.

УДК 334.021.1

К ОЦЕНКЕ ОПЫТА ТОСЭР (ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ И(ИЛИ) ОПЕРЕЖЕНИЯ)*

***Анатолий Н. Макаров*[1, @]**

[1] *Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, 423812, г. Набережные Челны, проспект Мира, 68/19 (1/18)*
[@] *makarovfksu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 16.01.2018.

Ключевые слова: институты развития, ТОРЭД, преференции, эффективность, федерализм.

Аннотация: Предметом работы являются вопросы возникновения и классификации многочисленных «рассредоточенных» институтов развития регионов России в качестве инструмента для диверсификации экономики в целях улучшения партнерства между государством и предпринимателями. Основываясь на функциональном подходе, выделены виды территорий с особым режимом экономической деятельности, различия ОЭЗ по видам деятельности и предоставляемым преференциям, наиболее и наименее привлекательные ТОРЭД для резидентов или участников. Показана актуальность проблемы отсутствия механизмов по экстраполяции опыта создания и функционирования различных территорий для увеличения эффективности использования государственных и муниципальных инвестиций. Проведен анализ используемых целевых показателей для сравнения эффективности деятельности различных ТОРЭД для каждой из территорий, низкой результативности ряда ОЭЗ и иных институтов развития, во многом обусловленной проблемами пространственного развития. Сделан вывод о необходимости обеспечения реального федерализма, формирования действенных стимулов для поддержки формирования и реализации потенциала малого и среднего бизнеса в российских регионах.

Для цитирования: Макаров А. Н. К оценке опыта ТОСЭР (парадоксы развития и(или) опережения) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 42–47.

Одной из наиболее прогрессивных тенденций в реализации современной государственной экономической политики, нацеленной на инновационную модернизацию, перестройку отраслевой и пространственной структуры экономики моногородов, а также на развитие и поддержку малого бизнеса, является формирование и усиление роли всех видов институтов развития [1, с. 46]. В России наряду с «центральными» институтами развития (Внешэкономбанк, Фонд прямых инвестиций, Инвестиционный фонд, Фонд развития промышленности, Фонд поддержки моногородов и др.), многочисленными государственными корпорациями сегодня действуют многочисленные «рассредоточенные» институты развития, такие как наукограды, федеральные и региональные особые экономические зоны, зоны территориального развития, территории (зоны) опережающего социально-экономического развития, свободный порт, промышленные округа и индустриальные парки. Следует отметить, что первые попытки создания различных форм территорий с особым режимом экономической деятельности рассматривались в России со времен СССР в конце 80-х гг. XX в., а в 90-х гг. большое количество многообразных существовавших «свободных» и «особых» зон суммарно покрывало около трети территории страны. Особые экономические зоны создавались в качестве инструмента для диверсификации экономики и улучшения партнерства между государством и предпринимателями [2, с. 28], а также с учетом существующей потребности в более эффективном использовании преимуществ регионов страны.

Новым этапом создания таких территорий, связанным с созданием предпосылок для унифицированного подхода к различным формам территориальной поддержки экономической деятельности, стало принятие в 2005 г. Федерального закона № 116 «Об особых экономических зонах», понимая при этом под особой экономической зоной ограниченную территорию, на которой устанавливаются особый режим и льготные условия хозяйственной деятельности иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями, отечественных предприятий и граждан [3, с. 338] сроком на 49 лет, по истечении которого дальнейшая работа на территории не предусматривается. При этом в мировой практике понятие «особая экономическая зона» однозначного определения не имеет и используется для обозначения определенных территориальных границ в контексте особых механизмов поддержки в них экономической активности. Так, по определению Всемирного Банка: «Особая экономическая зона – ограниченная территория, находящаяся в пределах национальных границ той или иной страны, где правила ведения бизнеса отличаются от тех, которые преобладают на остальной территории страны» [4]). В этой связи в

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

России к территориям с особым режимом экономической деятельности (ТОРЭД) можно отнести следующее многообразие территориальных образований:

– особые экономические зоны (ОЭЗ);

– ТОСЭР (предпосылки создания ТОСЭР были сформулированы в Федеральном законе «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации») [5];

– свободная экономическая зона на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

– свободный порт Владивосток;

–инновационный центр «Сколково»;

– индустриальные (промышленные) парки;

– технопарки в сфере высоких технологий;

– зоны территориального развития;

– региональные особые экономические зоны;

– туристические кластеры (в рамках ФЦП «Развитие внутреннего и выездного туризма»). Наиболее распространенными видами ТОРЭД в России являются особые экономические зоны. Согласно данным Министерства экономического развития РФ, насчитывается 34 работающих особых экономических зон [6].

Основываясь на функциональном подходе [7], можно выделить следующие виды ТОРЭД:

– сервисные (в первую очередь туристические территории);

– технико-внедренческие (направлены на развитие инновационной деятельности);

– торгово-портовые;

– промышленно-производственные (направлены на развитие промышленных отраслей экономики);

– комплексные (направлены на развитие отдельных административно-территориальных образований) (см. табл.).

Таблица. **Функциональная классификация ТОРЭД [8]**
Table. **Functional classification of advanced social and economic development areas [8]**

Виды ТОРЭД	Группы
Промышленно-производственные	Промышленно-производственные ОЭЗ; Территории опережающего социально-экономического развития; Индустриальные (промышленные) парки
Технико-внедренческие	Технико-внедренческие ОЭЗ; Инновационный центр «Сколково»; Технопарки в сфере высоких технологий
Сервисные	Туристско-рекреационные ОЭЗ; Туристические кластеры
Комплексные	Особая экономическая зона в Калининградской области; Особая экономическая зона в Магаданской области; Свободная экономическая зона на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь
Торгово-портовые	Портовые ОЭЗ; Свободный порт Владивосток

Так, из 34 особых экономических зон, действующих в России, 10 – промышленно-производственные, 5 – технико-внедренческие, 6 – отдельные туристско-рекреационные и 9 – туристско-рекреационные, входящие в состав туристических кластеров в СКФО, Краснодарском крае и Республике Адыгея, 3 – портовые ОЭЗ [8]. Следует заметить, что в целом в настоящее время на территории ОЭЗ разрешена практически любая деятельность, к тому же индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, хотя и не являющиеся резидентами ОЭЗ, имеют право осуществлять предпринимательскую деятельность в особой экономической зоне (за исключением участков территории зон, предназначенных для осуществления портовой деятельности). Кроме различий ОЭЗ по видам деятельности резидентов, имеются различия некоторых предоставляемых им преференций, которые можно разделить на такие группы: налоговые, квазиналоговые (страховые взносы), административные, финансовые, таможенные. В целом же в ОЭЗ применяется свободная таможенная зона, предполагающая размещение и использование ввозимых иностранных товаров без уплаты соответствующих таможенных пошлин, а также без нетарифного регулирования, что создает возможность выгоднее размещать на территории ОЭЗ высокотехнологичные предприятия, в то же время основной спектр преференций для резидентов ОЭЗ совпадает вне зависимости от типа ОЭЗ. Отсюда ОЭЗ различных типов на первый взгляд не являются конкурентами между собой, учитывая и то, что они нацелены на различных резидентов в зависимости от видов их экономической деятельности [8]. Сравнительный анализ технико-внедренческих ТОРЭД показывает, что наиболее привлекательным для возможных резидентов или участников является инновационный центр «Сколково», предоставляющий полное освобождение от налога на прибыль, имущество, транспортного и земельного налогов, и, в свою очередь, возмещение НДС и таможенные пошлины на ввозимые товары; наименее привлекательными из всех представленных видов ТОРЭД являются технопарки и региональные особые экономические зоны, поскольку преференции для них устанавливаются лишь в отношении региональных налогов (ставки по которым регулируются на региональном уровне), в частности по налогу на прибыль региональная ставка не может быть ниже, чем 13,5 %.

Следует отметить, что различные территории с особым режимом экономической деятельности, созданные в России в большом количестве в течение последних лет, в особенности промышленно-производственные и технико-внедренческие, становятся в рамках сходных видов деятельности конкурентами между собой. Однако при этом отсутствуют механизмы по экстраполяции опыта создания и функционирования различных территорий, что лишает возможности передачи успешного опыта по созданию и функционированию различных территорий между собой, тем самым увеличения эффективности использования государственных и муниципальных инвестиций. В этой связи представляют интерес попытки сравнения эффективности деятельности различных ТОРЭД на основе использования как целевых для каждой из территорий следующих показателей:

– выручка компаний участников или резидентов;

– количество созданных рабочих мест;

– объем частных инвестиций с учетом времени их существования, а также государственных расходов на создание и функционирование территории [8]. Однако эти показатели не дают возможности сравнивать эффективность деятельности различных ТОРЭД в первую очередь в силу существенных различий размеров государственных инвестиций на развитие инфраструктуры (отсюда более точным показателем могло бы стать отношение частных инвестиций к государственным). Необходимость общепринятой системы показателей и целесообразность унификации нормативной базы для различных ТОРЭД связана с тем, что в последнее время итоги деятельности многих из них были негативно оценены (отсюда, к примеру, рекомендации заморозить создание новых федеральных ОЭЗ и даже закрыть некоторые действующие). О крайне неэффективных (расточительных) расходах свидетельствуют опубликованные оценки: начиная с 2006 г. на формирование и обустройство 33 федеральных ОЭЗ было израсходовано 186 млрд руб. (в итоге 24 млрд руб. из которых остались неиспользованными); за этот период налоговые и таможенные платежи резидентов составили только 40 млрд руб.; к 2016 г. вместо запланированных в этих зонах 25 тыс. рабочих мест было создано 18 тыс. (при этом расходы на создание одного рабочего места в ОЭЗ составили 10,2 млн руб.; парадоксально, но этих средств было бы достаточно для выплаты в течение 25 лет средней по стране заработной платы работникам, занимающим эти рабочие места) [1, с. 47].

Деятельность особых экономических зон, созданных для формирования мощных экономических центров в субъектах страны, в недостаточной степени достигла поставленных целей. По результатам контрольной проверки Счетной палаты в 2017 г. было признано также, что особые экономические зоны не стали действенным инструментом поддержки экономики [6], при этом расходы на управление зонами неуклонно увеличиваются, а динамика роста рабочих мест низка. Например, к 2016 г. было создано 18 177 рабочих мест при 1 557 633 численности трудоспособного населения муниципального образования, на территории которого расположена ОЭЗ [9]. Низкая результативность ряда ОЭЗ и иных институтов развития, в том числе и по показателям создания рабочих мест и налогово-бюджетного эффекта, во многом обусловлена проблемами пространственного развития, отсутствием либо слабостью импульса для оживления всех форм предпринимательской и инвестиционной деятельности в данном регионе, в том числе и для активизации малых форм хозяйствования – как прямых участников (субъектов) институтов, так и на кооперационной основе [10]. Известно, что наша страна отмечается высоким разнообразием региональных экономик, которые в силу специфики ресурсов и производства по-разному проходят фазы делового цикла. Так, динамика промышленного производства в региональном разрезе продолжает характеризоваться высоким уровнем неравномерности: прирост промышленного производства в 2016 г. (к 2015 г.) по регионам варьировался в диапазоне от +40,2 % до −13,7 %; на 20 крупнейших промышленных регионов России приходится 2/3 национального выпуска (в 2016 г. – 67,1 %), в том числе 70,4% продукции добывающего сектора; 66,9 % – обрабатывающего; 60,9 % – сектора «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» [11]. В силу значительной межрегиональной дифференциации рассуждения о тенденциях и проблемах малого бизнеса, о необходимых путях (мерах) его поддержки в общем по стране в целом ассоциируется с формулой «средней температуры в больнице», в то время как малый бизнес в России нуждается в территориально дифференцированных моделях и соответствующих им мерах поддержки, институтах развития, которые и смогут формировать соответствующее «поле» развития малого и среднего бизнеса, тем самым способствовать повышению эффективности экономического развития самих регионов [1, с. 47–48]. В этой связи возрастает актуальность обеспечения реального федерализма в российских регионах, формирования действенных стимулов для поддержки формирования и реализации потенциала малого и среднего бизнеса. При этом, по мнению аналитиков, федерализм в России фактически уничтожен, а без него невозможно развитие страны в целом. Каждый шестой регион России имеет задолженность выше своего годового дохода [12]. Россия, будучи по названию федерацией, в конструкции бюджетного процесса очень далеко отстоит от стран классической федерации – США, Германии, Канады, в частности, отсутствием у регионального уровня власти сферы полномочий, в которой он был бы автономен от центра, и гарантий этой автономности. Региональной политике в России присущи черты унитарности: доля федерации в бюджетных расходах составляет 60–65 % (в то время как в 1990-х гг. – в основном 45–50 %), права по сбору налогов и распределение расходных обязательств сосредоточены в центре, для региональной политики огромное значение имеют трансферты (унитарному принципу вполне соответствуют также процедура фактического назначения сверху глав регионов и слабое участие регионов в управлении государством в целом) [13, с. 24]. Отсюда у регионального сообщества не формируется восприятие автономии как ценности, которую необходимо отстаивать; при этом беспрекословное подчинение губернаторов центру стало платой за возможность продолжать получать ренту от управления регионом, в силу того, что центр стал перераспределять больше средств, в консолидированном бюджете растет доля трансфертов.

ТОСЭР, на которые правительство делает ставку вместо особых экономических зон (ОЭЗ), рискуют повторить судьбу особых экономических зон, которые, согласно отчету Счетной палаты, оказались неэффективным способом привлечения инвестиций из-за проблем с управлением [14]. Появившиеся в 2015 г. на Дальнем Востоке, а позже и в моногородах, ТОСЭР, в отличие от ОЭЗ, были созданы под конкретных инвесторов по заявке региона, для них был установлен более низкий порог необходимых инвестиций, а инвесторам разрешалось создавать ТОР для добычи полезных ископаемых. Однако, как следует из отчета Счетной палаты по проверке эффективности ТОСЭР, остались проблемы аналогичные ОЭЗ: бюджетные деньги используются неэффективно, строительство инфраструктуры отстает от плана; регионы не справляются со своими обязанностями, а именно не оформлены земли (так, из более чем 19 млн га земельных участков ТОР в аренду управляющей компании Корпорации развития Дальнего Востока передано менее 19 %), для большей

части земельных участков не разработаны документы по их планировке. В то же время есть проблемы, связанные и с самим федеральным центром, например, им не прописаны четкие критерии работы ТОР, отбора территорий для ее создания, оценки эффективности выделенных бюджетных денег (на развитие ТОР за 2016–2020 гг. выделены бюджетные средства в размере 56,1 млрд руб, а за 2021–2025 гг. – еще 111,2 млрд руб.), при этом сами инвесторы не отвечают за невыполнение своих обязательств, в частности, за срыв сроков подготовки документов, сдачи объектов никакие штрафные санкции не предусмотрены.

Подобные проблемы имели место в ОЭЗ, деятельность которых, несмотря на таможенные льготы, налоговые преференции и подготовленную инфраструктуру, оказалась неэффективной и, по мнению аналитиков InfraOne, «за годы своего существования они даже не вышли на ноль». По данным Счетной палаты, из запланированных и потраченных в 2006–2016 гг. только на строительство особых экономических зон инвестиций в размере 383,2 млрд руб. в ОЭЗ удалось привлечь лишь треть, резидентами за время работы выплачено государству 38,8 млрд руб. при предоставленных им льготах на 28 млрд руб., при этом главными причинами неудачи при запуске ОЭЗ аналитики InfraOne называют несогласованность действий между инвесторами и властями, проблемы с управлением, прозрачностью и определением источников финансирования, к тому же часто зоны создавались искусственно, без планов развития инфраструктуры и изучения потребности инвесторов и рентабельности возможных проектов. Серьезной проблемой является неразвитость инфраструктуры. Так, например, для развития хотя бы части инвестиционного потенциала Дальнего Востока к 2019 г. в инфраструктуру нужно вложить около 900 млрд руб., но пока таких совместных проектов мало. Отсюда важно не повторить тех же ошибок, тем более, что механизмы ТОСЭР и ОЭЗ очень похожи.

Литература

1. Бухвальд Е. М. Поедет ли телега впереди лошади? // Экономическое возрождение России. 2017. № 1. С. 39–50.
2. Суворова М. Е. Создание и управление особыми экономическими зонами в регионах России // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 13. С. 28–35.
3. Филатов Ю. Н., Горчакова Е. А. Роль особых экономических зон в социально-экономическом развитии регионов // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2012. № 3. С. 338–340.
4. The World Bank – Special Economik Zones Progress, Emerging Challenges, and Future Direction. Режим доступа: https://openknowledge.worldbankorg/bitstreum/handle/10986/2341/638440PUBOExtoOOBox0361527BOPUBLICO.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017): Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/70831204/paragraph/1:0 (дата обращения: 06.12.2017).
6. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка деятельности акционерного общества «Особые экономические зоны» и юридических лиц, созданных для управления особыми экономическими зонами в субъектах Российской Федерации, в части, касающейся эффективности использования средств федерального бюджета, государственного имущества и иных средств при создании и функционировании особых экономических зон в Российской Федерации в 2014–2015 годах». Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1dee9b62582497ff9862.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
7. Приходько С. В., Воловик Н. П. Особые экономические зоны // Консорциум по вопр. приклад. эконом. исслед., Канад. агентство по междунар. развитию [и др.]. М.: ИЭПП, 2007. 268 с. Режим доступа: http:// www.eip.ru/files/text/cepra/oez.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
8. Евграфов Д. А. Территории с особым режимом экономической деятельности как инструмент регулирования пространственного развития России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 3. С. 40.
9. За 10 лет ОЭЗ так и не стали действенным инструментом поддержки экономики. 04.04.2016. Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369/ (дата обращения: 06.12.2017).
10. Макаров А. Н. Квазирезультаты и парадоксы «поддержки» малого бизнеса (о «неоклассических» исследовательских традициях и эвристическом потенциале институционализма) // Экономист. 2017. № 11. С. 51–71.
11. Кудряшов Б. Промышленность регионов // Эксперт. Татарстан. 2017. № 32–36. С. 32–34.
12. Терентьев И. Залезли в долги. Рейтинг регионов России по долговой нагрузке. 07.12.2016, 09:00. Режим доступа: http://www.forbes.ru/reytingi/334563-zalezli-v-dolgi-reyting-regionov-rossii-po-dolgovoy-nagruzke (дата обращения: 06.12.2017).
13. Грозовский Б. Вернуть утраченное // Forbes. 2015. № 3. С. 24–25.
14. Базанова Е., Адамчук О., Чуракова О. Опережают, но не развивают // Ведомости. 2017. С. 4.

EXPERIENCE EVALUATION OF ADVANCED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT AREAS (PARADOX OF DEVELOPMENT AND / OR ADVANCE)*

***Anatolii N. Makarov*[1, @]**

[1] *Chelny Institute of Kazan (Volga) Federal University, 68/19 (1/18), Mira Ave., Naberezhnye Chelny, Republic Tatarstan, 423812*
[@] *makarovfksu@yandex.ru*

Received 08.12.2017. Accepted 16.01.2018.

Keywords: development institutions, Advanced Social and Economic Development Areas, preferences, efficiency, and federalism.

Abstract: The current paper explores the issues of the origin and classification of numerous «dispersed» institutes that deal with development of Russian regions and serve as a tool of economic diversification to improve the partnership between government and business owners. The research is based on the functional approach, which allows the author to select types of territories with special regime of economic activities, to define characteristics of special economic zones (SEZ) according to activity types and provided preferences, and to describe the most and least attractive Advanced Social and Economic Development Areas (ASED) for residents or participants. The study reveals the urgency of the problem, i.e. the lack of extrapolating mechanisms that would make it possible to share organizing and functioning experiences of different territories to increase the effectiveness of state and municipal investment. The study includes an analysis of performance targets to compare the performance of different ASED for each territory, for SEZ with poor performance (which is mostly caused by the problems of spatial development) and for other development institutions. In the conclusion the author states the following needs: a) to ensure real federalism, b) to form effective incentives to support the formation and realization of the potential of small and medium business in Russian regions.

For citation: Makarov A. N. K otsenke opyta TOSER (paradoksy razvitiia i(ili) operezheniia) [Experience Evaluation of Advanced Social and Economic Development Areas (Paradox of Development and / or Advance)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 42–47.

References

1. Bukhval'd E. M. Poedet li telega vperedi loshadi? [Go the cart before the horse?]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, no. 1(51) (2017): 39–50.
2. Suvorova M. E. Sozdanie i upravlenie osobymi economicheskimi zonami v regionah Rossii [Creation and management of special economic zones in the regions of Russia]. *Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii = The strategy of sustainable development of Russian regions*, no. 13 (2013): 28–35.
3. Filatov Iu. N., Gorchakova E. A. Rol' osobykh ekonomicheskikh zon v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regionov [The role of special economic zones in the socio-economic development of regions]. *Ekonomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy = Economy and management: new challenges and prospects*, no. 3 (2012): 338–340.
4. *The World Bank – Special Economik Zones Progress, Emerging Challenges, and Future Direction*. Available at: https://openknowledge.worldbankorg/bitstreum/handle/10986/2341/638440PUBOExtoOOBox0361527BOPUBLICO.pdf (accessed 06.12.2017).
5. *O territoriah operezhaiyshchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitia v Rossiyskoi Federatsii (s izm. I dop., vstup. v silu s 01.01.2017)* [On territories of advancing socio-economic development in the Russian Federation (as amended and supplemented, enter into force 01.01.2017)]. Federal law of 29.12.2014 No. 473-FZ (ed. 03.07.2016). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 172962/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (accessed 06.12.2017).
6. *Otchet o rezul'tatakh kontrol'nogo meropriiatiia «Proverka deiatel'nosti aktsionernogo obshchestva «Osobye ekonomicheskie zony» i iuridicheskikh lits, sozdannykh dlia upravleniia osobymi ekonomicheskimi zonami v sub»ektakh Rossiiskoi Federatsii, v chasti, kasaiushcheisia effektivnosti ispol'zovaniia sredstv federal'nogo biudzheta, gosudarstvennogo imushchestva i inykh sredstv pri sozdanii i funktsionirovanii osobykh ekonomicheskikh zon v Rossiiskoi Federatsii v 2014–2015 godakh»* [Report on the results of control activities «Check of activity of Special economic zones joint-stock company and the legal entities created for management of special economic zones in territorial subjects of the Russian Federation, in the part concerning efficiency of use of means of the federal budget, the state property and other means during creation and functioning of special economic zones in the Russian Federation in 2014–2015». Available at: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1 dee9b62582497ff9862.pdf (accessed 06.12.2017).

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

7. Prihod'ko S. V., Volovik N. P. *Osobye ekonomicheskie zony* [Special economic zones]. Moscow: IEPP, 2007, 268.

8. Evgrafov D. A. Territorii s osobym rezhimom ekonomicheskoi deyatel'nosti kak instrument regulirovania prostranstvennogo razvitia Rossii [The territory with a special regime of economic activities as an instrument of regulation of spatial development of Russia]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and business administration*, no. 3 (2016): 40.

9. *Za 10 let OEZ tak i ne stali deistvennym instrumentom podderzhki ekonomiki* [For 10 years, the SEZ has not become an effective tool to support the economy]. 04.04.2016. Available at: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369/ (accessed 06.12.2017).

10. Makarov A. N. Kvazirezul'taty i paradoksy «podderzhki» malogo biznesa (o «neoklassicheskikh» issledovatel'skikh traditsiiakh i evristicheskom potentsiale institutsionalizma) [Quasiregularity and paradoxes «support» of small business (the «neo-classical» research traditions and heuristic potential of institutionalism)]. *Ekonomist = The Economist*, no. 11 (2017): 51–71.

11. Kudriashov B. Promyshlennost' regionov [Industry of regions]. *Ekspert Tatarstan = Ekspert Tatarstan*, no. 32–36 (2017): 32–34.

12. *Terent'ev I. Zalezli v dolgi. Reiting regionovRossii po dolgovoi nagruzke* [Got into debt. The rating of Russian regions by debt load.]. 07.12.2016, 09:00. Available at: http://www.forbes.ru/reytingi/334563-zalezli-v-dolgi-reyting-regionov-rossii-po-dolgovoy-nagruzke (accessed 06.12.2017).

13. Grozovskiy B. Vernut' utrachennoe [To regain lost]. *Forbes*, no. 3 (2015): 24–25.

14. Bazanova E., Adamchuk O., Churakova O. Operezhaiut, no ne razvivaiut [Ahead, but do not develop]. *Vedomosti = Vedomosti,* 25.10.2017, 4.

УДК 33:656.025.6:911.6

КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРОВ, ЛИМИТИРУЮЩИХ ТРАНСПОРТНУЮ ДОСТУПНОСТЬ ОТДАЛЕННЫХ И ТРУДНОДОСТУПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Мария А. Мельник[1, @1], Елена С. Волкова[1, @2]

[1] Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, Россия, 634055, г. Томск, Академический пр., 10/3
[@1] melnik-m-a@yandex.ru
[@2] elevolko@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.11.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: транспортная доступность, природные опасности, отдаленные и труднодоступные местности, транспортные риски, Томская область.

Аннотация: Томская область имеет слабо развитую дорожно-транспортную сеть как федерального, регионального, так и местного значения, что не может благоприятно сказываться на развитии ресурсного сектора экономики, который для области играет одну из ключевых ролей. В статье представлен подход к оценке транспортной доступности отдаленных и труднодоступных населенных пунктов Томской области с учетом специфики дорожной инфраструктуры и комплекса опасных природных явлений. Предлагается унифицированный набор природно-климатических факторов, лимитирующих функционирование и развитие дорожно-транспортной системы зоны тайги Западной Сибири. На примере отдаленных и труднодоступных местностей Верхнекетского района Томской области авторы проанализировали критерии, характеризующие уровень функциональной составляющей транспортной доступности. Сделаны выводы о том, что низкая степень транспортной доступности территории Томской области в большей мере зависит от экономических условий и состояния транспортной инфраструктуры: отсутствие дорог круглогодичного пользования, низкая доля дорог с твердым покрытием, длительный период отсутствия сезонных переправ через реки, изношенность мостовых переходов, высокие транспортные тарифы.

Для цитирования: Мельник М. А., Волкова Е. С. Комплексная характеристика факторов, лимитирующих транспортную доступность отдаленных и труднодоступных территорий Томской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 48–53.

Развитие российской транспортной системы имеет первоочередное значение для устойчивого функционирования всех отраслей экономики на федеральном и региональном уровнях [1; 2]. В настоящее время транспортная инфраструктура во многих российских регионах находится в критическом состоянии [3]. Томская область по показателям транспортной доступности находится на одном из последних мест, что объясняется рядом факторов: исторической ситуацией удаленности области от основных российских железнодорожных транспортных путей сообщения, ограниченной связью с соседними регионами, недостаточностью внутренних транспортных артерий, сложными природными условиями таежной зоны.

Высокая концентрация природных запасов углеводородного сырья на северо-западе области и значительный потенциал лесных ресурсов на северо-востоке предполагают большие возможности для эффективного ведения хозяйственной деятельности, однако отсутствие полноценной транспортной инфраструктуры выступает здесь основным сдерживающим фактором для развития добывающих отраслей экономики. Недостаточно развитая дорожная сеть с большой степенью износа, а также комплекс негативных природно-климатических условий, формируют многочисленные транспортные риски как для сферы природопользования, так и для населения. Так, по области из 580 населенных пунктов 139 поселений не имеют постоянного круглогодичного транспортного сообщения даже с районными центрами. Доля населенных пунктов, не обеспеченных регулярным транспортным сообщением, в Томской области в 2010 г. составляла 37,5 % от общего количества [4]. Данные населенные пункты относят к категории отдаленных и труднодоступных местностей с низким уровнем транспортной доступности.

Под термином «транспортная доступность» понимается объективная возможность получения транспортных услуг для населения и нормального функционирования социально-экономических систем в условиях существующей транспортной системы [5]. Транспортная доступность в зависимости от характера объекта может быть оценена по разным критериям, таким как объем перевозок грузов и пассажиров, протяженность транспортных путей, временные или денежные затраты на перевозки и т. д. [6–8]. Для комплексной характеристики транспортной доступности территории таежной зоны Западной Сибири – зоны с крайне неблагоприятными природными условиями, наличием огромной территории и большой ресурсно-сырьевой базой, необходимо детально исследовать две основные составляющие: природно-климатическую и функциональную.

Природные условия в Томской области накладывают существенные ограничения на осуществление перевозок и состояние дорожного полотна, тем самым уменьшая степень доступности многих районов области. В таблице 1 приведены основные природно-климатические явления, оказывающие негативное влияние на доступность территории, а также показаны те последствия, которые они вызывают.

Таблица 1. **Природно-климатические явления, оказывающие негативное влияние на доступность территории Томской области**
Table 1. **Natural-climatic events with a negative impact on the availability of the Tomsk region**

Природные явления, лимитирующие доступность территории	Показатели опасных природно-климатических явлений	Последствия негативного воздействия
Паводки	Максимальная продолжительность стояния высоких вод, дней в году	Затопление участков дорог; размыв и разрушение мостов; разрушение, смыв инженерных конструкций на заболоченных участках дорог.
Ледовые явления	Дней в году с осенними и весенними ледоставами	Сокращение сроков навигации; разрушение инженерных конструкций.
Резкость колебания температур на поверхности почвы в апреле	Амплитуда между max и min t° на почве	Морозобойное пучение дорожного полотна; деградация дорожного полотна.
Сток талых поверхностных вод	Интенсивность поступления талых вод, мм/сутки	Затопление участков дорог; деградация дорожного покрытия.
Морозы	Число дней с температурой ниже –35°	Разрушение дорожного полотна.
Низкий уровень воды в реках	Число дней с низким уровнем воды	Сокращение сроков навигационного периода.
Отсутствие морозов после ледостава	Дней в году без морозов после ледостава	Невозможность строительства ледовых переправ и дорог зимнего действия.
Метели	Дней в году с метелями	Снежные заносы на дорогах.
Ливни	Дней в году с ливнями	Подтопление участков дорог; деградация дорожного полотна.
Колебания температуры около 0 С°	Дней в году с переходами температуры через 0 С°	Разрушение дорожного полотна.
Сильные ветры	Дней в году с ветром более 15 м/с	Деградация дорожного полотна.

Для анализа временной динамики и пространственного распределения представленных показателей были использованы данные за период с 2000 по 2016 гг. по 16 метеостанциям, расположенным на территории Томской области. Комплексный анализ выделенных природных факторов, лимитирующих транспортную доступность, предполагает перевод разнородных величин в баллы от 0 до 3. Далее методом экспертной оценки определяются весовые коэффициенты, которые характеризуют значимость каждого опасного явления. Суммируя произведения баллов и весовых коэффициентов всех показателей, получаем итоговое значение доступности территории. Создание базы геоданных по предлагаемым показателям, их последующая обработка и визуализация проводились с использованием программного обеспечения ArcGIS. С помощью встроенного модуля пространственного анализа было проведено районирование территории по степени проявления природно-климатических явлений, ограничивающих доступность территории и лимитирующих функционирование и развитие транспортной системы.

Можно отметить, что для исследуемой территории наибольший природный фактор риска несут весенние паводки, именно они представляют наибольшую опасность для нормального функционирования дорожно-транспортной системы всех районов области. Паводки ежегодно нарушают доступность многих отдаленных населенных пунктов на длительный период, ведут к масштабному размыву грунтовых дорог, на которые по показателю протяженности приходится более 60 % всех дорог области [9]. Наряду с этим особо уязвимыми являются деревянные конструкции на заболоченных участках дорог (лежневки) и деревянные мосты, число которых превышает одну треть от всех имеющихся мостов [10].

Значительное негативное влияние на состояние дорожного полотна оказывает ливневая деятельность, особенно в условиях преобладания песчаных и легкосуглинистых пород. Помимо этого, дорожное полотно разрушается от резкости колебания сезонных и суточных температур, приводя к образованию трещин, нарушая целостность и монолитность дорожной одежды, разделяя ее на отдельные, не связанные между собой блоки [11]. Еще один неблагоприятный природный фактор, имеющий сезонные особенности проявления, – ураганные ветры. В летний период воздействие ураганных ветров на доступность территории носит стихийный характер и выражается в деформации дорожного полотна (образованию ухабов и выбоин на дорогах), а также в формировании завалов на дорогах. В зимний период проявление сильных ветров перманентно, наиболее уязвимы периферийные проселочные дороги, где снежные заносы и «переметы» временно парализуют их функционирование.

Сильные морозы, которые весьма характерны для зоны тайги, приводят к изменению физико-механических свойств дорожного полотна, возникновению очень высоких растягивающих напряжений в слоях дорожной одежды, а также значительно снижают технологические характеристики автотранспорта. Низкий коэффициент сцепления шин с

дорогой, ограничение видимости и обзорности повышают аварийную опасность.

Проведенный пространственный анализ природной составляющей показал, что наибольшие баллы по выделенным опасным природно-климатическим явлениям характерны для северных районов области, где основной вклад вносят следующие показатели: резкость колебания температур, сильные морозы, высокий снежный покров. Для более южных районов определяющими факторами выступают ливни, которые имеют достаточно высокую периодичность проявления; далее следуют опасности, связанные с интенсивным стоком талых вод. Для районов, расположенных в поймах крупных рек области, лимитирующими факторами являются паводки, отсутствие морозов после ледостава, ледовые явления, ветровая деятельность и сильные метели.

Функциональное состояние дорожно-транспортной сети при анализе степени доступности определяет ее способность осуществлять перевозки с учетом территориальных и сезонных особенностей. На примере отдаленного района Томской области (Верхнекетского района) были проанализированы критерии функционального состояния дорожно-транспортной сети, которые в совокупности характеризуют уровень транспортной доступности (табл. 2). Комплексный показатель здесь также выражается в баллах и рассчитывается аналогично показателю природной компоненты.

Таблица 2. **Показатели функционального состояния дорожно-транспортной сети Верхнекетского района для оценки транспортной доступности**
Table 2. **The indicators of the functional status of road transport network of the Verkhneketsky district for transport accessibility assessment**

Населенный пункт	Расстояние до районного центра, км	Протяженность дорог с разным типом покрытия, км	Продолжительность периодов доступности, месяцы/год	Количество мостов	Зимняя переправа	Тип ландшафта
Катайга	230	Гравийная 50 км, грунтовая 170 км, зимник 10 км	8	17	есть	Лес, болото, пойма
Усть-Озерное	260	Гравийная 50 км, грунтовая 200 км, зимник 10 км	8	20	есть	Лес, болото, пойма
Клюквинка	53	Гравийная 53 км	12	3	нет	Лес
Лисица	100	Гравийная 50 км, груновая 30 км, зимник 20 км	8	7	есть	Лес, болото, пойма
Макзыр	70	Гравийная 50 км, зимник 20 км	8	3	есть	Лес, болото, пойма
Центральный	135	Гравийная 50 км, грунтовая 80 км, зимник 5 км	8	14	есть	Лес, болото, пойма
Дружный	110	Гравийная 50 км, грунтовая 55 км, зимник 5 км	8	9	есть	Лес, болото, пойма
Палочка	30	Гравийная 30 км, грунтовая 3 км	12	1	нет	Лес
Тайное	35	Гравийная 35 км	12	0	нет	Лес
Сайга	59	Гравийная 59 км	12	1	нет	Лес
Степановка	126	Гравийная 50 км, Грунтовая 76 км	12	6	нет	Лес, болото

Отметим, что из комплекса факторов наибольшее значение имеет показатель удаленности населенного пункта от районного центра – чем дальше от районного центра находится населенный пункт, тем больше затрат требуется на строительство, содержание и ремонт дорог, мостов, мостовых переправ. Важными показателями функционального состояния дорожно-транспортной сети являются тип дорожного покрытия и наличие зимних переправ.

Продолжительность периода доступности – еще один из значимых показателей для Томской области, поскольку густота речной сети предопределяет сезонную смену транспортной обеспеченности периферийных поселений. Работа водного транспорта напрямую зависит от гидрологических условий, таких как интенсивность поступления талых вод, продолжительность стояния низкого уровня воды, длительность ледовых явлений. Нарушение доступности территорий в зимний период для автомобильного транспорта обусловлено необходимостью строительства зимних дорог, ледовых переправ и наплавных мостов, длительность функционирования которых определяется погодными условиями. Тип ландшафта местности также играет важную роль при учете транспортной доступности – расположение дорог на заболоченных участках и в поймах рек предопределяют строительство усиливающих деревянных конструкций, лежневок, мостов, которые сильно подвержены опасным природным процессам и требуют значительных капвложений.

На рисунке показаны разные уровни доступности населенных пунктов Верхнекетского района Томской области в зависимости от показателей, представленных в таблице 2.

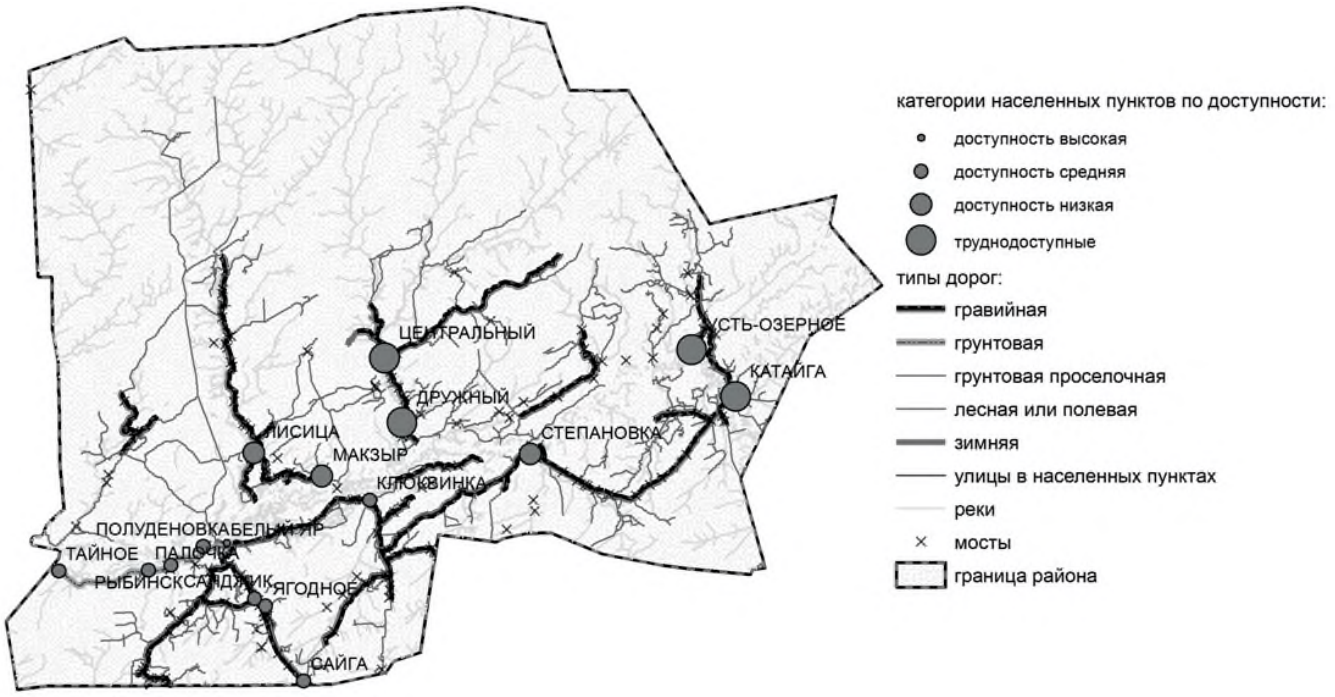

Рис. ***Степень транспортной доступности населенных пунктов Верхнекетского района***
Fig. ***The degree of transport accessibility for settlements of the Verkhneketsky district***

К отдаленным и труднодоступным населенным пунктам Верхнекетского района относятся поселки Катайга, Усть-Озерное, Дружный и Центральный. В первую очередь это обусловлено их удаленностью от районного центра (п. Белый Яр) и отсутствием круглогодичного транспортного сообщения. Поскольку шесть населенных пунктов располагаются на противоположном от районного центра берегу р. Кеть, и здесь отсутствуют стационарные мосты, то эти факторы предопределяют сезонный характер их транспортной обеспеченности и необходимость строительства зимних переправ. Для данных поселков продолжительность периодов отсутствия доступности в среднем составляет 4 месяца в году. На транспортную доступность поселков Катайга и Усть-Озерное в равной степени оказывают большое влияние сразу две составляющие: сложные природные условия (высокая заболоченность, неблагоприятные климатические факторы) и большой набор функциональных транспортных рисков (продолжительный период транспортной «недоступности», паромная переправа, значительное количество деревянных мостов, обязательное строительство зимних дорог и т. п.).

Таким образом, природно-климатические условия и техническое состояние дорожно-транспортной сети необходимо рассматривать в едином контексте. Однако наиболее уязвимыми являются именно те районы области, где отсутствуют дороги круглогодичного пользования, наблюдается незначительная протяженность дорог с твердым покрытием, в течение длительного времени не работают сезонные переправы через реки, изношены мостовые переходы и т. п. Функциональная компонента доступности территории в значительной мере усиливает транспортные риски и приводит к существенным социально-экономическим последствиям. В первую очередь происходит мощный отток населения из отдаленных и труднодоступных местностей, что сказывается на уменьшении степени освоенности территории сибирских регионов.

Литература

1. Шишкина Л. С. Транспортная система России: учебное пособие. М.: Желдориздат, 2001. 213 с.
2. Вахрамеев И. И. Влияние транспортной инфраструктуры на отраслевое развитие экономики региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 8. С. 85–91.
3. Барсуков К. Г., Романченко О. В. Некоторые аспекты существующего состояния транспортной инфраструктуры России // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2015. № 2. С. 44–47.
4. О стратегии социально-экономического развития Томской области до 2020 года. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/951813758 (дата обращения: 31.10.2017).
5. Бугроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. 112 с.
6. Баденко В. Л., Гарманов В. В., Осипов Г. К. Государственный земельный кадастр: учебное пособие / под ред. проф. Н. В. Арефьева. СПб.: СПбГПУ, 2002. 331 с.
7. Заварзин И. В. Методические основы организации пассажирских перевозок на водном транспорте в условиях ограниченной транспортной доступности // Вестник транспорта Поволжья. 2012. № 2. С. 6–10.
8. Иванов М. В. Повышение уровня транспортной доступности как фактор социально-экономического развития территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 172. С. 460–469.
9. Лесной план Томской области. Томск: Департамент развития предпринимательского и реального сектора экономики ТО; ОАО «Лесинвест»; ИМКЭС СО РАН. Томск, 2008. Кн. 1. 238 с.
10. Стратегия развития транспортной системы Томской области в 2008–2025 годах. Томск: Изд-во Администрации Томской области, 2008. 58 с.
11. Справочная энциклопедия дорожника: в 4 т. Т. 2: Ремонт и содержание автомобильных дорог / под ред. А. П. Васильева. М.: Информавтодор, 2004. 507 с.

COMPLEX CHARACTERISTIC OF FACTORS LIMITING TRANSPORT ACCESSIBILITY OF DISTANT AND REMOTE AREAS OF THE TOMSK REGION

Mariya A. Mel'nik[1, @1], Elena S. Volkova[1, @2]

[1] Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS, 10/3 Akademicheskii ave., Tomsk, Russia, 634055
[@1] melnik-m-a@yandex.ru
[@2] elevolko@yandex.ru

Received 27.11.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: transport accessibility, natural hazards, distant and remote areas, transport risks, Tomsk oblast.

Abstract: The Tomsk region has a poorly developed road network of federal, regional and local significance, which has a negative impact on the development of the resource sector that plays a key role in the local economy. The article offers an approach to assessment of transport accessibility of distant and remote settlements of the Tomsk region taking into account the specifics of road infrastructure and complex natural hazards. It gives a unified set of climatic factors limiting the functioning and development of the road transport system of the taiga zone of Western Siberia. The authors have analyzed the criteria characterizing the level of functional component of accessibility, as in the case of distant and remote areas of the Verkhneketsky district of the Tomsk region. It is concluded that the low degree of transport accessibility of the Tomsk region depends largely on the economic conditions and transport infrastructure. It includes the unavailability of year-round use roads, the lowest share of paved roads, a long period without river crossings, destruction of bridges and high transport tariffs.

For citation: Mel'nik M. A., Volkova E. S. Kompleksnaia kharakteristika faktorov, limitiruiushchikh transportnuiu dostupnost' otdalennykh i trudnodostupnykh territorii Tomskoi oblasti [Complex Characteristic of Factors Limiting Transport Accessibility of Distant and Remote Areas of the Tomsk Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 48–53.

References

1. Shishkina L. S. *Transportnaia sistema Rossii* [Russia transport system]. Moscow: Zheldorizdat, 2010, 213.
2. Vahrameev I. I. Vliianie transportnoi infrastruktury na otraslevoe razvitie ekonomiki regiona [Influence of transport infrastructure on the branch development of the region's economy]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikal State University Journal*, no. 8 (2014): 85–91.
3. Barsukov K. G., Romanchenko O. V. Nekotorye aspekty sushchestvuiushchego sostoianiia transportnoi infrastruktury Rossii [Some aspects of the current state of transport infrastructure of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo*

universiteta imeni S. Iu. Vitte. Seriia 1: Ekonomika i upravlenie = Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management, no. 2 (2015): 44–47.

4. *O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Tomskoi oblasti do 2020 goda* [On the strategy of social and economic development of the Tomsk region until 2020]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/951813758 (accessed 31.10.2017).

5. Bugromenko V. N. *Transport v territorial'nyh sistemah* [Transportation in territorial systems]. Moscow: Nauka, 1987, 112.

6. Badenko V. L., Garmanov V. V., Osipov G. K. *Gosudarstvennyi zemel'nyi kadastr* [State Land Cadastre: A Training Manual]. Ed. Aref'eva N. V. Saint-Petersburg: SPbGPU, 2002, 331.

7. Zavarzin I. V. Metodicheskie osnovy organizatsii passazhirskikh perevozok na vodnom transporte v usloviiakh ogranichennoi transportnoi dostupnosti [Methodical bases of the organization of passenger transportations on a water transport in the conditions of the limited transport accessibility]. *Vestnik transporta Povolzh'ia = Bulletin of transport of the Volga region,* no. 2 (2012): 6–10.

8. Ivanov M. V. Povyshenie urovnia transportnoi dostupnosti kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorii [Increase of the transport accessibility level as a factor of social and economic development of territories]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, no. 172 (2013): 460–469.

9. *Lesnoi plan Tomskoi oblasti* [Forest plan of Tomsk region]. Tomsk: Departament razvitiia predprinimatel'skogo i real'nogo sektora ekonomiki TO; OAO «Lesinvest»; IMKES SO RAN, 2008, 238.

10. *Strategiia razvitiia transportnoi sistemy Tomskoi oblasti v 2008–2025 godakh* [The strategy of development of the transport system of the Tomsk region in 2008–2025]. Tomsk: Izd-vo Administratsii Tomskoi oblasti, 2008, 58.

11. *Spravochnaia entsiklopediia dorozhnika. T. 2: Remont i soderzhanie avtomobil'nykh dorog* [Reference Encyclopedia of Road Worker. Vol. 2: Repair and maintenance of highways]. Ed. Vasil'ev A. P. Moscow: Informavtodor, 2004, 507.

УДК 332.143

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА ПРИМЕРЕ МОНОГОРОДА ЮРГА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Григорий О. Тащиян[1, @1], Владимир А. Трифонов[1, @2]

[1] Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета, Россия, 652055, г. Юрга, ул. Ленинградская, 26
[@1] gtashiyan@mail.ru
[@2] v.trifonov@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 22.01.2018.

Ключевые слова: качество жизни, моногород, финансовая грамотность, инвестиции, доход, риск.

Аннотация: Ухудшающаяся экономическая обстановка вследствие экономического кризиса, начавшегося в 2014 г. с введением санкций в отношении к России от ее западных «партнеров», отразилась и на социально-экономических показателях Кемеровской области. Реальные располагаемые доходы граждан до 2016 г. падали как вследствие высокой инфляции, так и из-за снижения номинальных зарплат. В 2017 г. страна стала выходить из кризиса за счет так называемого импортозамещения. Однако ситуация еще далека до предкризисного уровня. Экономическая нестабильность и риск обесценивания накопленных средств толкает жителей Кемеровской области к увеличению доли сберегаемого дохода. Невысокий уровень финансовой грамотности кузбассовцев приводит к тому, что сбережения население предпочитает хранить либо дома, либо на банковском депозите. Такая форма накоплений, хотя и является удобной и практически безрисковой, в реальности даже не сохранит накопленные средства от инфляционного обесценивания и не принесет сколько-нибудь значимого дохода. Целью статьи является изучение вопросов инвестиций личного дохода как фактора улучшения качества жизни жителей Кемеровской области на примере моногорода Юрга.

Для цитирования: Тащиян Г. О., Трифонов В. А. Прикладные исследования для улучшения качества жизни на примере моногорода Юрга Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 54–60.

Вопросы об уровне и качестве жизни населения всегда актуальны для всех жителей нашей страны. Особенно эту проблему можно наблюдать в моногородах, поскольку это населённые пункты, зависящие от одного или нескольких «градообразующих» предприятий в плане трудоустройства и инфраструктуры. И если возникают проблемы у таких предприятий, то эти проблемы отражаются и на жителях города, поскольку большинству из них попросту негде работать. А это резко снижает уровень и качество жизни населения города, что также отражается на регионе в целом.

Существует ряд определений понятия «качество жизни» в современной литературе.

Так, с философской точки зрения «качество жизни» – это социологическая категория, выражающая качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей [1].

В социологии «качество жизни» является важнейшим интегральным показателем социального благосостояния общества и индивида. Измерение качества жизни – необходимый компонент социального мониторинга, оценки состояния и характера развития социальных процессов в любой стране [2].

В экономике «качество жизни» рассматривается как обобщающая социально-экономическая категория, представляющая обобщение понятия «уровень жизни», включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия среды, окружающей человека, морально-психологический климат, душевный комфорт [3].

Также необходимо выделить работы, посвященные проблеме развития моногородов России.

В работе [4] авторы обсуждают вопросы и пути совершенствования моногородов, на территории которых размещены горные и металлургические заводы. В работе [5] рассматриваются теоретические и методологические подходы к экономическому и математическому моделированию развития моногородов, учитывающие особенности распределения трудовых ресурсов и инвестиционных потоков. В работе [6] описываются методы анализа и оценки факторов, влияющие на функционирование моногородов, рассматривается процесс разработки оптимального плана их развития. В работе [7] анализируется развитие моногородов на постсоветском пространстве в странах России, Словакии и Польши с точки зрения особенностей развития корпоративной социальной

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

ответственности. В работе [8] авторы сопоставляют сходства и различия моногородов в России и США. В работе [9] рассматриваются энергоэффективные методы для градообразующих предприятий на рынке электроэнергии. В работах [10–11] анализируются особенности семейной культуры рабочих завода и его корпоративной культуры. Автор этих работ провел социологическое исследование, направленное на изучение семьи современного уральского моногорода. В работе [12] представлены особенности создания территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) как важной составляющей повышения уровня качества жизни населения на примере моногорода Юрга Кемеровской области. ТОСЭР предусматривает участие государства в решении проблем моногорода за счет софинансирования перспективных проектов по выходу из кризиса, разработанные совместными усилиями местных властей и бизнеса.

На данный момент в городе Юрга были созданы три инвестиционных направления:

1. Разведение радужной форели, инициатором которой является ООО «Сибирская инвестиционная группа».

2. Предприятие по переработке бумаги и макулатуры – инициатор проекта ООО «Сибирская альтернатива».

3. Изготовление проходческого и технологического оборудования – инициатор проекта ООО «Юргагидравлика».

Необходимо отметить, что по всей стране стала широко внедряться программа повышения уровня качества жизни граждан страны за счет повышения их финансовой грамотности.

Например, на базе Гимназии города Юрга в виде профильных практик реализована программа по обучению финансовой грамотности школьников старших классов. В результате учащиеся приобретают знания и навыки по составлению своего личного бюджета. Одним из достоинств этой программы стало участие в 2017 г. школьников Гимназии в межрегиональном конкурсе на лучшее интервью с финансистами среди школьных и студенческих команд «Спроси финансиста». Организация и проведение данного конкурса осуществлялось Национальным Агентством Финансовых Исследований (НАФИ) и Институтом развития финансовых рынков (ИРФР). В качестве результата учащиеся предоставили работу по определению инструментов инвестирования личных доходов для повышения уровня и качества жизни жителей города Юрга.

В качестве инвестиционных инструментов были рассмотрены корпоративные облигации российских компаний, российские государственные облигации, акции российских компаний, операции с валютой, операции с недвижимостью, паевые инвестиционные фонды (ПИФы), индивидуальные инвестиционные счета, драгоценные металлы, банковские депозиты.

Для каждого из перечисленных инструментов были определены достоинства и недостатки, а также ориентировочная минимальная сумма, начиная с которой инвестирование имеет реальный экономический смысл и приносит весомый доход (далее – порог вхождения).

Так, например, по облигациям можно выделить следующие положительные стороны:

1. Минимальный риск. Важным преимуществом облигаций по сравнению с другими видами инвестирования является надежность. Купонный доход выплачивается вне зависимости от экономического положения предприятия. В том случае, если предприятие не имеет средств для выплаты процентов по облигациям, оно будет вынуждено расстаться с собственным имуществом для покрытия долгов.

2. Стабильность. Вследствие того, что облигации приносят фиксированный доход, владелец облигаций имеет возможность точно планировать свой бюджет, не занимаясь операциями с ними ежедневно.

3. Получение двух видов дохода: купонного (1 раз в период) и от разницы номинальной стоимости облигации при спекулятивной купле / продаже.

Однако же имеется и своя отрицательная сторона, которая выражается в относительно небольшом доходе. В сравнении с более рисковыми инвестиционными инструментами облигации приносят достаточно небольшой купонный доход – порядка 4–10 % в год.

Важным преимуществом государственных облигаций перед корпоративными является то, что доход по ним не облагается налогом.

Порог вхождения: 80–100 тысяч рублей. Облигации видятся оптимальным инструментом долгосрочного инвестирования, т. к. в краткосрочной перспективе не дают высокой доходности при вложениях в пределах указанной суммы. Большие суммы принесут больший процент, однако в социально-экономических условиях Кемеровской области их рассмотрение малоперспективно.

По акциям можно выделить следующие положительные стороны:

1. Высокая прибыльность. Стоимость акций напрямую зависит от финансового состояния предприятия-эмитента. Резкий рост или падение котировок акций даёт возможность получения сверхприбылей в короткие сроки.

2. Получение двух видов дохода. Зарабатывать на акциях можно не только играя на колебаниях их стоимости, покупая и продавая их, но и получая с них определенную долю от прибыли фирмы – дивиденды.

Отрицательные стороны:

1. Высокий уровень риска. Непрофессиональным участникам рынка трудно точно предсказать предстоящее поведение котировок, что приводит к серьёзным финансовым потерям в случае их изменения в неблагоприятную сторону.

2. Необходимость постоянного личного участия. Операции спекулятивного характера с акциями невозможны без временных затрат на отслеживание динамики котировок и биржевых новостей.

Порог вхождения: 30–60 тысяч рублей. Возможность получения сверхприбылей снижает минимально приемлемую сумму вложения, одновременно серьёзно увеличивая риск её потери.

По валюте можно выделить следующие положительные стороны:

1. Высокая ликвидность. Валюту практически любого государства можно очень быстро обменять на рубли в любом банке или через Интернет, т. е. валюта как способ вложения денег обладает высокой ликвидностью – способностью быть проданной по рыночной цене в любой момент времени.

2. Возможность получения сверхприбылей в ходе экономической нестабильности. Примером может служить ситуация на российском валютном рынке в декабре

2014 года, когда за 2 дня курс рубля по отношению к доллару снизился более чем в 1,5 раза.

Отрицательные стороны:

1. Высокие риски. Для валютного рынка в целом характерна высокая волатильность, что подразумевает быструю смену курса валютных пар. Непрофессиональному инвестору достаточно сложно предсказать будущее движение валютного курса, что в неблагоприятной ситуации может привести к убыткам.

2. Необходимость личного участия. Валюта не является консервативным инвестиционным инструментом. Для получения ощутимой прибыли требуется отслеживать биржевые новости, чутко реагировать на любое изменение конъюнктуры продажей или покупкой валюты.

3. Низкая прибыльность. Прибыль, получаемая в ходе операций с небольшими объёмами валюты, зачастую невелика и может даже не превышать уровня инфляции. Большую абсолютную прибыль можно получить, используя большое кредитное плечо, предоставляемое некоторыми инвестиционными платформами, что, в свою очередь, существенно повышает риски.

Порог вхождения: 20–50 тысяч рублей. Сумма снижается при использовании большого плеча.

По недвижимости можно выделить следующие положительные стороны:

1. Надежность. Недвижимость относится к активам, которые обладают высокой ценовой стабильностью. Помимо того, её стоимость гарантированно не упадёт до нуля.

2. Консервативность. Этот фактор также немаловажен, ведь человек чувствует себя гораздо комфортнее и увереннее, если он имеет конкретное представление о том, как конкретно работает выбранный им инвестиционный инструмент. В представлении большинства россиян недвижимость – актив, обладающий реальной стоимостью и ценностью, в отличие от «виртуальных» акций и облигаций.

Отрицательные стороны:

1. Высокий порог вхождения. Недвижимость – дорогостоящий актив, требующий серьёзных первоначальных вложений.

2. Медленная окупаемость. Учитывая высокую стоимость недвижимости, можно сделать вывод, что первоначальные вложения окупятся только в средне- и долгосрочной перспективе.

3. Низкая ликвидность. Экономическая нестабильность, кризис нередко вызывают существенное падение спроса на недвижимость, в результате чего продать актив или даже сдать его в аренду может оказаться проблематично.

Порог вхождения: 0,9–1,2 млн рублей. В такую сумму в текущей ситуации обойдётся приобретение квартиры в г. Юрга площадью от 30 м$^{2.}$

По паевым инвестиционным фондам можно выделить следующие положительные стороны:

1. Низкий порог вхождения. Начинать инвестировать в ПИФы можно с самых небольших сумм. Так, стоимость одного пая обычно равна 500–3000 рублей. Соответственно, данный способ инвестирования может подойти каждому, и на начальном этапе проблем с финансами возникнуть не должно.

2. Не требует личного участия. При инвестировании в ПИФы всю деятельность по выбору объектов вложения ваших денег ведет управляющая компания, соответственно инвестору не приходится принимать участия в деятельности.

3. Высокая доходность. Средняя доходность наиболее успешных российских ПИФов превышает 50 % годовых за счёт диверсификации активов и осуществления управления ими квалифицированными специалистами.

Отрицательные стороны:

1. Высокие риски. Гарантия того, что выбранный инвестором ПИФ, показывавший блестящие результаты на протяжении нескольких лет, не сработает в текущем периоде в минус, отсутствует.

2. Налоги и комиссия. При продаже доли в паевом инвестиционном фонде инвестор обязан уплатить 13 % налог на доход физических лиц. Помимо того, ежегодно он платит комиссию в размере 1,5–3 % от стоимости пая.

3. Консервативность. Государство осуществляет контроль за деятельностью ПИФов; их деятельность должна строго соответствовать уставу. Таким образом, фонд не сможет избавиться от неприбыльного актива.

Порог вхождения: 500–3000 рублей.

По индивидуальному инвестиционному счету (ИИС) можно выделить следующие положительные стороны:

1. Налоговые льготы. Открытие ИИС предполагает налоговые льготы, выгодно отличающие ИИС от других видов инвестирования. Существует 2 вида налоговых льгот на выбор: 1) при помещении денег на ИИС на 13 % от годовой суммы вложений уменьшается НДФЛ для владельца счета; 2) освобождение от налогов при выводе средств, заработанных на ИИС.

2. Стабильность. ИИС позволяют получать стабильный доход, который можно повысить с помощью налоговых вычетов, не требующий личного участия в управлении средствами.

Отрицательные стороны:

1. Каждое физическое лицо может открыть только один ИИС.

2. Налоговые льготы наступают только через 3 года после открытия счета.

3. Пополнять ИИС можно только в рублях.

Порог вхождения: до 1 млн рублей (Федеральный закон от 18.06.2017 № 123-ФЗ, п. 8 ст. 10.2-1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ).

По драгоценным металлам можно выделить следующие положительные стороны:

1. Стабильность. Так же как и другие материальные активы, драгоценные металлы не могут значительно обесцениться в среднесрочной перспективе.

2. Высокая доходность в долгосрочной перспективе.

3. Высокая ликвидность. Осуществить продажу слитков или монет можно в любом банке после проведения соответствующей экспертизы.

Отрицательные стороны:

1. Налоги. При продаже драгоценного металла в виде слитка необходимо заплатить подоходный налог в размере 13 %, а также НДС в размере 18 %, что может сказаться на размере прибыли.

2. Высокие риски. Цены драгоценных металлов на мировом рынке подвержены не только структурным, но и конъюнктурным колебаниям, которые сложно предсказать.

Порог вхождения: 40–50 тысяч рублей. Подобная сумма вложения способна обеспечить весомый доход уже через 3–5 лет.

Важнейшими показателями, определяющими выбор того или иного финансового инструмента, являются доходность и уровень риска. Под доходностью понимается тот процент, на который увеличится или уменьшится стоимость активов по истечении некоторого периода. Уровень риска исчисляется как стандартное (среднеквадратическое) отклонение ожидаемой доходности и отражает потенциальный разброс значений доходности в течение этого периода.

Для определения обоих показателей была проанализирована статистика доходности трёх наиболее доходных и известных паевых инвестиционных фондов, банковских депозитов в Сибирском ФО, индексов акций российских компаний (MICEXINDEXCF), корпоративных (MICEXCBI) и государственных (RGBITR) облигаций, а также стоимость валютной пары USD–RUB, драгоценных металлов (платины и золота), квадратного метра нового и вторичного жилья в г. Юрга. На основании этих показателей был произведён расчёт общей и среднемесячной доходности актива, а также потенциального уровня риска (табл. 1).

График, наглядно демонстрирующий соотношение уровня риска и доходности рассматриваемых инвестиционных инструментов, представлен на рисунке.

Таблица 1. **Уровень доходности и риска инвестиционных инструментов**
Table 1. **Level of profitability and risk of investment instruments**

	ПИФы			Акции	Корпоративные облигации	Частные облигации
	Райффайзен	Открытие	Сбербанк			
Период	**Январь 2014 – декабрь 2016**				**Июнь 2015 – декабрь 2016**	
Общая доходность (%)	69,83	62,47	53,55	40,12	28,90	22,26
Среднемесячная доходность (%)	2,23	2,04	1,80	1,42	1,35	1,06
Риск (%)	7,73	2,11	5,35	1,92	2,15	1,52
				Валютная пара USD–RUB	Недвижимость	
Золото	Платина	Депозит			В новостройках	Вторичный рынок
Январь 2014 – декабрь 2016		**Июнь 2015 – июль 2016**		**Март 2015 – апрель 2017**		
2,60	−27,64	15,04		71,96	−22,50	−11,50
0,11	−1,34	1,21		2,28	−1,15	−0,55
0,79	6,39	1,33		7,22	1,91	1,90

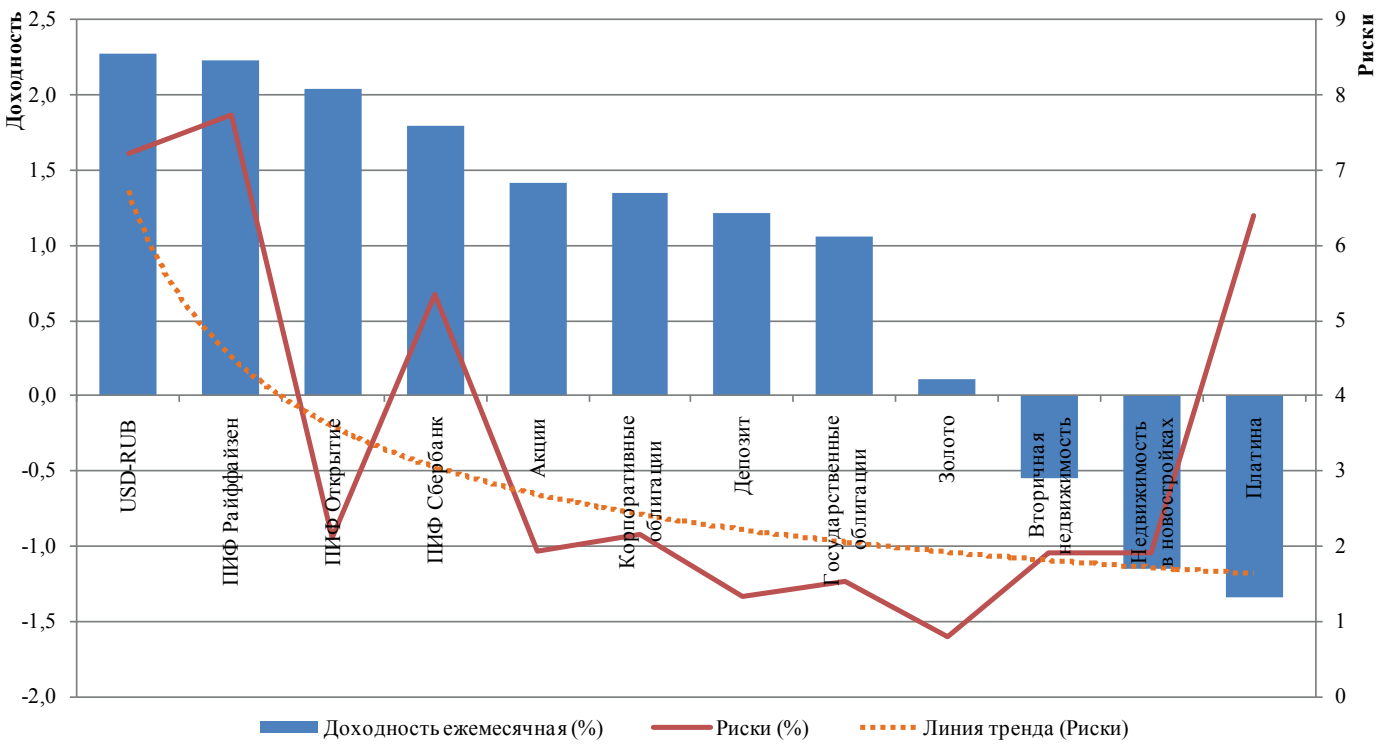

Рис. ***Соотношение доходности и риска инвестиционных инструментов***
Fig. ***Ratio of profitability and risk of investment instruments***

Линия тренда, выполненная пунктиром, показывает общую тенденцию снижения рисков по мере уменьшения доходности актива. Это подтверждает один из важнейших постулатов инвестирования: чем выше доход, тем выше риск, и наоборот.

Крупные игроки финансового рынка, основываясь на собственных исследованиях и прогнозах, регулярно формируют рекомендации для частных инвесторов относительно наиболее и наименее перспективных способах вложения средств. В рамках этой работы было решено рассмотреть некоторые из рекомендаций и обобщить их.

Так, например, директор по стратегическому развитию УК «Альфа-Капитал» Вадим Логинов считает, что наиболее перспективным для новичка на финансовом рынке будет открытие индивидуального инвестиционного счёта и использование стратегии, направленной на преимущественное приобретение облигаций федерального займа. Это позволит получить налоговый вычет от государства, а также доход, превышающий ставку по депозитам на 2–4 %. Схожую стратегию рекомендует аналитик «Conomy» и доверительный управляющий Александр Янсон [13].

Управляющий директор «Сбербанк Управление активами» Василий Илларионов отмечает необходимость консультации с управляющей компанией перед совершением каких-либо самостоятельных действий на финансовом рынке. Он настаивает на том, что инвестиции должны быть долгосрочными, а портфель – диверсифицированным.

Алексей Вязовский, ведущий аналитик ФГ «Калита-Финанс», и эксперт компании по управлению активами RIETUMU ASSET MANAGEMENT Юрий Москалюк рекомендуют инвесторам не забывать о «физическом золоте», которое является идеальным вариантом для сохранения сбережений в двух- трёхлетней перспективе. Экспертами также отмечается высокая ликвидность данного метода.

Целесообразность инвестиций в недвижимость ведущий аналитик рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА») Алена Скурихина и ведущий юрист департамента юридического и налогового консалтинга ГК «АКИГ» Андрей Айвазов оценивают как «крайне низкую», связывая это с текущей конъюнктурой на этом рынке.

Инвестирование в рынок акций эксперты считают доходным, но рискованным, подчеркивая необходимость тщательной оценки каждого конкретного эмитента в портфеле.

Таким образом, к выбору инвестиционного инструмента стоит относиться с большой ответственностью, оценивая совокупность показателей (табл. 2).

Наиболее удачным будет создание диверсифицированного портфеля в рамках индивидуального инвестиционного счёта, состоящего на 60 % из государственных и корпоративных облигаций (доля распределяется поровну), на 30–40 % – из акций крупных компаний сырьевого сектора и инновационных предприятий (кибернетика, нанотехнологии, робототехника). Оставшуюся часть средств целесообразно использовать для приобретения металлического золота.

Таблица 2. **Обобщенная характеристика инвестиционных инструментов**
Table 2. **Generalized characteristics of investment instruments**

Инструмент	Доходность	Риски	Ликвидность
ПИФы	Высокая	Средние	Средняя
Валюта	Высокая	Высокие	Высокая
Акции	Выше среднего	Выше среднего	Выше среднего
Облигации	Средняя	Ниже среднего	Выше среднего
Депозит	Ниже среднего	Низкие	Высокая
Драгоценные металлы	Низкая	Высокие	Высокая
Недвижимость	Низкая	Высокие	Низкая

В рамках данного проекта был проведен сравнительный анализ преимуществ и недостатков девяти инвестиционных инструментов. С использованием данных фондовых бирж и других открытых источников были оценены доходность, ликвидность и уровень риска каждого из них.

На основе собранной информации были сделаны выводы о наиболее перспективных инвестиционных инструментах. Также предложена примерная структура инвестиционного портфеля, обеспечивающего невысокий риск и доходность выше среднего уровня.

В связи с возросшим интересом к финансовой грамотности среди взрослого населения города планируется создать центр по обучению финансовой грамотности на базе Юргинского технологического института Томского политехнического университета (ЮТИ ТПУ). Тем более, семинар на тему «Личное финансовое планирование», проведенный 6 декабря 2017 года среди сотрудников ЮТИ ТПУ, показал, что вопросы по составлению своего личного бюджета и управлению им являются самыми актуальными на сегодняшний день. К тому же было выражено желание получить дополнительную информацию по другим, не менее актуальным темам: кредитование, налоги, страхование, мошенничество на финансовых рынках, защита прав потребителей финансовых услуг и т. д. Каждая тема требует серьезной проработки и в рамках ЮТИ ТПУ имеются все необходимые возможности для проведения такого рода мероприятий.

Таким образом, данные рекомендации позволят существенно повысить финансовую грамотность населения моногорода Юрга, а также уровень и качество жизни его жителей.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. Научно-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 1–4. 2816 с.
2. Леви Л., Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. М.: Экономика, 1979. 144 с.
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
4. Боярко Г. Ю., Матюгина Э. Г., Пожарницкая О. В., Гринкевич Л. С. Горнозаводские моногорода России // Горный журнал. 2017. № 1. С. 4–10.
5. Rogachev A. F. Two-level economic and mathematical model of monotown development on the basis of cognitive maps // Contributions to Economics. 2017. № 9783319454610. P. 339–345.
6. Karmanova T. E., Podsevalova E. N., Mityurnikova L. A., Suslova I. A., Zikirova S. S. Optimal planning of socio-economic development of Russian monotowns for the purpose of creating the economic growth points on their basis // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. Vol. 15. № 8. P. 163–176.
7. Blam I., Vitálišová K., Borseková K., Sokolowicz M. Peculiarities of corporate social responsibility development in the monotowns in post-communist countries // Social Responsibility Journal. 2016. Vol. 12. № 3. P. 463–483.
8. Satybaldina E. V. Monotowns in Russia and in other countries: Similiarities and differences // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. 6. № 2. P. 372–378.
9. Russkov O., Saradgishvili S. The electricity market prices forecast as energy efficient procedure for an industrial monotown enterprise // Procedia Engineering. 2015. Vol. 117. P. 309–316.
10. Satybaldina E. V. Parenting potential of a family of a Ural monotown // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. № Spec. Issue 5. P. 224–227.
11. Satybaldina E. V. Specific character of life of modern urals monotown // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17. № 7. P. 982–985.
12. Trifonov V. A., Loyko O. T., Nesteruk D. N., Zhironkin S. A., Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area // AIP Conference Proceedings: Proc. III Intern. Young Researchers Conf. 2017. Vol. 1800. Article number 050009. P. 1–5.
13. Лаврова И. Кризисный портфель консерватора // РБК. 30.05.2016. № 1. Режим доступа: http://www.rbcplus.ru/news/5747eaf57a8aa94aafad7df8 (дата обращения: 15.12.2017).

APPLIED RESEARCH TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE: CASE STUDY OF THE MONOTOWN OF YURGA (KEMEROVO REGION)*

Grigory O. Tashchiyan[1, @1], Vladimir A. Trifonov[1, @2]

[1] Yurga Technological Institute (branch) of Tomsk Polytechnic University, 26, Leningradskaya St., Yurga, Russia, 652055
[@1] gtashiyan@mail.ru
[@2] v.trifonov@rambler.ru

Received 08.12.2017. Accepted 22.01.2018.

Keywords: quality of life, monotown, financial literacy, investment, income, risk.

Abstract: The deteriorating economic situation caused by the economic crisis that began in 2014 with the imposition of sanctions against Russia from its Western «partners» has also affected the social and economic indicators of the Kemerovo region. Before 2016, real disposable incomes of citizens had been decreasing due to high inflation and a nominal wage cut. In 2017 the country started recovering from the crisis due to the so-called import substitution. However, the situation is still far from the pre-crisis level. Economic instability and the risk of depreciation of accumulated funds are forcing the residents of the Kemerovo region to increase the share of the saved income. The low level of financial literacy of the Kuzbass citizens leads to the fact that the population prefers to keep savings either at home or on a deposit account. This form of savings, although convenient and virtually risk-free, will neither save the accumulated funds from inflationary depreciation nor bring any significant income. The aim of the article is to study the issues of personal income investments as a factor in improving the quality of life of the residents of the Kemerovo Region using the example of the monotown of Yurga.

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

For citation: Tashchiyan G. O., Trifonov V. A. Prikladnye issledovaniia dlia uluchsheniia kachestva zhizni na primere monogoroda Iurga Kemerovskoi oblasti [Applied Research to Improve the Quality of Life: case study of the Monotown of Yurga (Kemerovo Region)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 54–60.

References

1. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New philosophical encyclopedia]. Scientific and Editorial Board: Stepin V. S., Guseinov A. A., Semigin G. Iu., Ogurtsov A. P. 2nd ed. Moscow: Mysl', vol. 1–4 (2010): 2816.
2. Levi L., Anderson L. *Narodonaselenie, okruzhaiushchaia sreda i kachestvo zhizni* [Population, environment and quality of life]. Moscow: Ekonomika, 1979, 144.
3. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 1999, 479.
4. Boyarko G. Yu., Matyugina E. G., Pogharnitskaya O. V., Grinkevich L. S. Gornozavodskie monogoroda Rossii [Mining monotowns in Russia]. *Gornyi Zhurnal = Mining Journal*, no. 1 (2017): 4–10.
5. Rogachev A. F. Two-level economic and mathematical model of monotown development on the basis of cognitive maps. *Contributions to Economic*s, no. 9783319454610 (2017): 339–345.
6. Karmanova T. E., Podsevalova E. N., Mityurnikova L. A., Suslova I. A., Zikirova S. S. Optimal planning of socio-economic development of Russian monotowns for the purpose of creating the economic growth points on their basis. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 15, no. 8 (2017): 163–176.
7. Blam I., Vitálišová K., Borseková K., Sokolowicz M. Peculiarities of corporate social responsibility development in the monotowns in post-communist countries. *Social Responsibility Journal*, 12, no. 3 (2016): 463–483.
8. Satybaldina E. V. Monotowns in Russia and in other countries: Similarities and differences. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 6, no. 2 (2015): 372–378.
9. Russkov O., Saradgishvili S. The electricity market prices forecast as energy efficient procedure for an industrial monotown enterprise. *Procedia Engineering*, vol. 117 (2015): 309–316.
10. Satybaldina E. V. Parenting potential of a family of a Ural monotown. *Life Science Journal*, 11, no. Spec. Issue 5 (2014): 224–227.
11. Satybaldina E. V. Specific character of life of modern urals monotown. *Middle East Journal of Scientific Research*, 17, no. 7 (2013): 982–985.
12. Trifonov V. A. , Loyko O. T. , Nesteruk D. N. , Zhironkin S. A. , Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area. *AIP Conference Proceedings: Proc. III Intern. Young Researchers Conf.*, vol. 1800 (2017): 1–5. Article number 050009.
13. Lavrova I. Krizisnyi portfel' konservatora [Conservative's crisis portfolio]. *RBK = RBC*, no. 1 (30.05.2016). Available at: http://www.rbcplus.ru/news/5747eaf57a8aa94aafad7df8 (accessed 15.12.2017).

УДК 330

РЕГИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ РАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Жусуп Т. Тургунбаев[1, @], Мелисбек Ж. Тургунбаев[2]

[1] Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, 720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547
[2] Международный университет в городе Жалал-Абад, 72100, Кыргызская Республика, г. Джалал-Абад, ул. Дженджока, 30
[@] turgunbaev56@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 23.01.2018.

Ключевые слова: корпоративное управление, агропромышленный комплекс, система управления, сельское хозяйство, эффективность, макроэкономическая политика.

Аннотация: В статье исследованы и обобщены теоретические взгляды на сущность и содержание системы управления агропромышленного комплекса Кыргызской Республики, изучены проблемы, недостатки, опыт в достижении управления в реализации экономических реформ и возможности его использования в условиях республики. Проанализировано состояние социально-экономического развития республики в современных рыночных условиях, выявлены тенденции развития агропромышленного комплекса на основе исследования вопросов взаимодействия органов управления, разработан механизм совершенствования взаимодействия системы управления, практических подходов к экономическому программированию и решению проблем управления в агропромышленном комплексе, в реализации экономической политики.

В совокупности разработанные предложения по организации корпоративного управления агропромышленного комплекса будут способствовать успешному решению задач по повышению экономической эффективности аграрного сектора, конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и в конечном итоге – обеспечения продовольственной безопасности Кыргызской Республики.

С учетом индивидуальных особенностей и параметров предприятий различных институциональных форм хозяйственного окружения, географического положения и многих других макро- и микроэкономических факторов разработана методика рациональной организации корпоративного управления, включая интересы государства и регионального бизнеса.

Для цитирования: Тургунбаев Ж. Т., Тургунбаев М. Ж. Регионально-отраслевой подход к формированию рациональной формы корпоративного управления // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 61–66.

Формирование эффективной системы корпоративного управления предусматривает технико-экономическое обоснование создания организационных форм управления в любой сфере производства. Применительно к агропромышленному производству среди множества подходов, на наш взгляд, следует в первую очередь обратить внимание на два аспекта проблемы, которые играют решающую роль не только в выборе организационных форм и методов управления, но и с точки зрения достижения экономии затрат и повышения конкурентоспособности выпуска продукции [1, с. 98]. Это, прежде всего, региональный и отраслевой подходы к организации производства и сбыта продукции. Дело в том, что, как аграрный сектор, так и промышленная переработка сельскохозяйственного сырья отличаются множеством отраслевой направленности, что требует не только проведение соответствующих классификаций, но и более детальные проработки особенностей как сельскохозяйственной деятельности, так и промышленной переработки сырья.

Так, растениеводство и животноводство в сельском хозяйстве в свою очередь подразделяются на зерновое хозяйство, овощи, фрукты, картофель, масло растительное и другие. Аналогично животноводство – на крупный рогатый скот, овец и коз, лошадей, домашних птиц, яководство и другие. Эти подотрасли в свою очередь подразделяются на ряд разновидностей, которые также отличаются друг от друга существенно как по возделыванию сельскохозяйственных культур, так и по выращиванию сельскохозяйственных животных и домашних птиц.

Что касается классификации промышленной переработки, то и здесь можно выделить множество признаков деления на определенные группы. Так, наибольший удельный вес в переработке животноводческой продукции составляют мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, переработка плодов и ягод, овощей и фруктов, картофеля, растительного масла, мяса птицы и т. д.

В организации агропромышленного производства помимо отраслевой принадлежности, на наш взгляд, необходимо учитывать и такой важный фактор, как технологию получения готовой к потреблению продукции, начиная от выращивания сельскохозяйственного сырья, его переработки до готовой продукции, доведения последней до потребителей [2]. Понятно, что здесь отраслевая принадлежность того или иного продукта с точки зрения организации производства по технологической цепи дополняется такими требованиями, как доведение сельскохозяйственного сырья до переработки и оттуда готовой продукции до потребителей. Это тем более важно, так как

все расходы, связанные с производством и сбытом, оплачивает потребитель, который не только возмещает расходы, но и обеспечивает прибыль всем предыдущим участникам рынка (производителям, посредникам и другим). С точки зрения организации управления именно удовлетворение потребностей потребителей в агропромышленной продукции является главным в деятельности агропромышленной сферы.

Еще одно важное обстоятельство, которое следует учесть в агропромышленном производстве – это территориальное расположение сельскохозяйственного производства [3]. Другими словами, аграрный сектор, который в свою очередь составляет основы размещения аграрного производства, сильно зависит от природно-климатических условий. Это также предусматривает расселение людей по тем или иным территориям, что служит основой ведения экономической деятельности на данной территории. Если для других сфер экономики (промышленность, транспорт, строительство и другие) территориальный фактор не играет основную роль в размещении, то для сельского хозяйства он (территориальный фактор) важен не только для выращивания сельскохозяйственных культур и животных, но и для реализации продукции, выхода на внутренние и внешние рынки, для организации хозяйственных связей с переработкой и другими секторами экономики.

Отсюда для эффективной организации управления в агропромышленном производстве в первую очередь необходимо учесть возможности экономии общественных средств не только на производство и сбыт готовой продукции, но и затраты на перевозку, хранение, торговлю и т. д. Разумеется, что каждый сектор экономики имеет только ему присущие особенности организации производства. Например, организация производства в сельском хозяйстве резко отличается от организации производства в промышленности и организации перевозок хранения [4]. Однако если внимательно рассмотреть, то все эти особенности, отдельные участки производственной сбытовой деятельности в конечном итоге должны служить потребителю продукции. Поэтому если потребитель, например, предъявляет требование к качеству плодоовощной продукции, то это требование по цепочке передается от отраслей пищевой промышленности к отраслям сельского хозяйства, производящего соответствующее сырье. С этой точки зрения для потребителя плодоовощной продукции не имеет значения, где произведена готовая продукция и где выращено сырье, а главное значение имеет, чтобы эта продукция по потребительской стоимости соответствовала предпочтению потребителя.

Эта задача во многом разрешается благодаря организации управления межотраслевыми процессами [5]. К сожалению, в странах СНГ, в частности в Кыргызстане, не уделяется достаточного внимания межотраслевым проблемам, и зачастую в Правительстве принимается решение не в пользу межотраслевых задач. Например, в 2016–2017 гг. переработчики зерна били тревогу по поводу недоиспользования производственных мощностей предприятий из-за большой конкурентоспособности продукции зерна соседнего Казахстана, требуя чуть ли не резко уменьшить ввоз муки из Казахстана.

Безусловно, вышеназванный подход не является рыночным, и это должны понимать производители зерна нашей республики и искать новые пути повышения конкурентоспособности местных хозяйств и предприятий переработки, а не постоянно предъявлять нерыночные методы хозяйствования.

Принимая во внимание регионально-отраслевой подход к формированию организаций корпоративного управления, отметим, что не следует впадать в другую крайность, а именно в административно-территориальную амбицию производства и реализации той или иной продукции. Между тем, такая тенденция имеется в ряде административно-территориальных делений. Например, в Ошской и Джалал-Абадской областях в своих концепциях перспективного развития предусмотрены специализация, концентрация и размещения производств преимущественно только для территории каждой области. Однако следует отметить, что агропромышленные производства во многом носят межрегиональный характер, в особенности промышленная переработка сельскохозяйственного сырья. Здесь главную роль играет не принадлежность того или иного производства к административно-территориальному делению, а удовлетворение потребностей населения в той или иной продукции агропромышленного производства.

Поэтому неслучайно главной задачей на предстоящий период в области социально-экономического развития премьер-министр Кыргызской Республики С. Исаков обозначил обеспечить следующее: экономическое благополучие, социальное развитие и безопасность населения [6].

Формирование эффективной системы управления в агропромышленном производстве предусматривает выбор объекта управления в конкретной подотрасли интегрированной экономики, т. е. сельского хозяйства и переработки. Одним из представительных объектов является мясопродуктовый подкомплекс.

Основным центральным звеном мясопродуктового подкомплекса является животноводство, базирующееся на использовании земли как основного источника кормов. Рост производства высококачественной животноводческой продукции – главное условие расширенного воспроизводства всех отраслей подкомплекса.

Развитие животноводства (выращивание скота и птицы) определяет уровень развития заготовок, переработки, хранения и реализации мясопродукции. Животноводство, кормопроизводство и мясоперерабатывающая промышленность имеют наиболее тесную технологическую и территориальную взаимосвязь, поэтому особое значение имеет сбалансированное развитие этих отраслей и оптимизация их комплексного территориального размещения.

Породный состав животных и целенаправленное выращивание в значительной степени обусловливает экономическую эффективность производства.

Особенность мясного производства в отраслях животноводства состоит и в том, что производственные процессы еще недостаточно механизированы, поэтому выращивание и откорм скота – трудоемкие процессы. Перевод отраслей животноводства на промышленную основу путем развития межхозяйственной кооперации – важнейший фактор повышения производительности труда в региональных межотраслевых образованиях.

В процессе перевооружения животноводства предстоит найти наиболее эффективные решения ряда технических и технологических задач, связанных с достижением высо-

кой технической оснащенности межхозяйственных предприятий и завершением их комплексной механизации путем создания и внедрения в производство наиболее эффективной системы машин.

Однако в условиях Кыргызстана такую межхозяйственную кооперацию на современном этапе нельзя осуществить главным образом из-за раздробленности хозяйств на мелкие фермерские хозяйства с частной формой собственности [7]. Основная трудность кооперации и создание на этой основе материально-технической базы для выращивания и обработки мясопродуктов по высокой технологии и механизированным способом пока остается благим пожеланием, несмотря на то, что поголовья животных у населения достаточно для такого типа организации. Можно выдвинуть ряд причин нежелания фермеров объединиться для создания эффективной формы хозяйствования:

– недоверие фермеров к новой структуре управления путем добровольного объединения из-за отсутствия в республике явных положительных опытов в этой области, а также технико-экономических обоснований ведения бизнеса с указанием интересов каждого участника;

– неотработанность механизма государственного частного партнерства в области производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, поскольку местные органы самоуправления (айыл-окмоту, районные администрации) в своей деятельности ориентированы не на достижение результативности частного и государственного партнерства, а на руководства другими целевыми ориентирами. Для них важно избираться или быть назначенными на соответствующие должности, а не достижение соответствующих экономических результатов. Поэтому они реально не несут ответственности за экономику территории;

– основной экономической деятельностью айыл-окмоту является предоставление в аренду сельскохозяйственных земель согласно законоположению. Однако до настоящего времени не отработан механизм ответственности, позволяющий приумножить доходность территории, поэтому предоставление в аренду сопровождается многочисленными нарушениями законодательных актов, что ведет к коррупционной схеме, а сами законоположения не позволяют контролировать эффективное использование земельных ресурсов;

– отстающим участком является непроработанность реализации продукции в организованном виде на внутреннем и внешнем рынках. Хаотичность, стихийность и случайные операции по сбыту сельскохозяйственной продукции ведет к неуверенности фермеров в эффективном ведении хозяйств и др.

Из перечисленных выше недостатков видно, что все они носят организованный характер, т. е. сельскохозяйственная деятельность страдает в основном не от агротехнических приемов или технологии возделывания сельскохозяйственных культур или от неурядиц форм собственности, а от изъянов организационного характера [8]. Поэтому в первую очередь надо работать над тем, чтобы получить эффективный механизм организации и сбыта сельскохозяйственной продукции.

На примере животноводческой продукции, в частности молочной продукции, можно выделить и следующие моменты, которые оказывают воздействие на результаты хозяйственной деятельности. Эти факторы можно обозначить следующим образом.

– Влияние наследственности. Известно, что при одинаковом кормлении в одном и том же хозяйстве средний надой коров различается. Так, например, в Израиле средний надой коров составляет более 13000 кг, а у нас надой с одной коровы составляет 2234 кг, почти на шесть раза меньше, чем в Израиле. Поэтому в последние годы более активно стали оценивать производителей по качеству потомства и использовать из них только лучших;

– Влияние породы. Животные каждой породы имеют свой предел в продуктивности. Так, например, коровы гольштейнской породы имеют среднюю продуктивность до 8–10 тысяч кг, а коровы джерсейской породы имели средний удой – 3 тыс. кг. Если коров этих пород поместить в одну ферму, надой все равно будет различен;

– Влияние кормов. Практика показывает, что на 60–75 % продуктивность коров зависит от уровня кормления.

Кроме этого, влияние оказывают следующие факторы: возраст коров; условия содержания; продолжительность сухостойного периода; сервис периода; живая масса коров; кратность доения в сутки; очередность вскармливания; влияние удоя от фактора, находящегося в минимуме.

Важнейшим условием развития эффективного животноводства является совершенствование пород скота, освоение ресурсов сберегающих технологий, а это осуществляется только на основе научно-технического прогресса [9, с. 55].

Возрастающие затраты на техническую оснащенность, строительство ферм требуют комплексного решения всех вопросов, в том числе создания прочной кормовой дозы, формирования более соответствующих промышленных технологий породных качеств животных.

Оптимальный удельный вес мясного скотоводства с ростом удоев молочных и мяса позволит регулировать возраст выращивания и сроки реализации молодняка на мясо.

В то же время необоснованное увеличение удельного скота мясных пород и нарушение экономически эффективных сроков реализации молодняка может привести к снижению эффективности ресурсов, используемых на производство говядины.

Важным фактором повышения эффективности производства в мясопродуктовом подкомплексе является повышение качества продукции, что обеспечивает реализацию ее по повышенным ценам и дает возможность получать дополнительный доход. Процесс повышения качества мясной продукции следует рассматривать в органической связи с деятельностью предприятий мясной промышленности.

Высокое качество сырья и наиболее полное его использование при переработке обеспечивает рост производства мяса [10].

При осуществлении глубоких качественных изменений в материально-технической базе животноводства, использованных в ней достижений науки и техники, оптимальных условий кормления и содержания скота и птицы будет возрастать роль селекционно-генетических факторов повышения продуктивности животных. Дальнейшее увеличение производства мяса должно идти в основном за счет повышения продуктивности скота и птицы при сдержанном росте поголовья и более интенсивном использовании маточного поголовья.

Нам представляется, что организация эффективной формы управления должна предусмотреть формирование молочного стада на уровне достигнутых ранее передовых хозяйств с годовым удоем от коровы 5 и более 10 тыс. кг молока с содержанием жира 3,8–4,2 %, белка 3,3–3,4 %. Таких результатов можно достичь с помощью применения современных информационно-коммуникационных технологий. Полноценное кормление служит основой высокой плодовитости и продуктивности взрослых животных и благоприятно влияет на увеличение живого веса молодняка, что в конечном итоге способствует повышению эффективности животноводства.

На основании правильного использования можно достичь увеличения резервов и удешевления производства продуктов животноводства.

Вместе с тем и в условиях многообразия форм собственности и многочисленных фермерских хозяйств есть реальная возможность организации подобно той, что было раньше, но на новой рыночной основе [11]. В пользу такого утверждения можно сказать, что потенциал ведения животноводства (производство кормов, пастбища, материально-техническая база хозяйств и др.) не подвергся резкому изменению, а опыты животноводов, в том числе в области организации молочного стада, передаются из поколения в поколение, что важно для организации хозяйств по-новому и на интенсивной основе.

Правда, за годы суверенитета, как отмечалось выше, произошло раздробление хозяйств, изменился порядок поддержки сельского хозяйства со стороны государства в худшую сторону, а главное, в производственном процессе молока и молочных продуктов, их распределения, обращения и потребления тоже произошла разбалансировка из-за несовпадения спроса и предложения на эти продукты.

Однако ведение рыночных отношений, основанных на балансировке спроса и предложения, не следует принимать как зло, как об этом думают некоторые граждане, особенно старшего поколения. Наоборот, рыночное отношение способно реально приблизить удовлетворение потребностей людей в материальных благах с их платежеспособностью, а также с учетом достигнутого уровня экономики. Это же способствовало тому, что мы избавились от построения мифических, а иногда совершенно нереальных планов типа «строительство коммунизма», «достижение всеобщего благосостояния людей в кратчайшие сроки и др.».

Поэтому организация высокоэффективного хозяйства, в том числе в области молочного производства, вполне возможна, тем более на этот счет есть многочисленные положительные опыты зарубежных стран, в том числе в странах СНГ, например, Белоруссии, Казахстане и др. Отсюда можно выдвинуть основное требование к организации форм хозяйствования. Такая форма должна предусмотреть оптимальный уровень использования ресурсов и стремление к получению максимальных экономических результатов.

При этом организация эффективной формы хозяйствования в виде корпоративного управления включает не только выбор оптимальных уровней размеров хозяйств, используемых ресурсов, установления хозяйственных связей и т. д., но и такие моменты, как обеспечение рациональных технологических связей, начиная от выращивания сельскохозяйственного сырья и его переработки, заканчивая доведением до потребителей готовой продукции. Другими словами, организация должна предусмотреть рациональную форму деятельности по всей технологической цепи производства и потребления продукции.

Кроме этого, эффективная корпоративная организация управления должна предусмотреть рациональные приемы по каждой операции. Например, самым ответственным участком в животноводстве является кормление животных, от которого зависит и конечная результативность. Нередко в кормлении животных используется такая экономико-математическая модель, как формирование рациона питания животных, регулирование кормления во времени в течение суток, месяца и календарного года.

Экономико-математическую задачу можно сформулировать следующим образом: из имеющихся в хозяйстве кормов, а также приобретенных кормов и кормовых добавок составить рацион, который полностью удовлетворял бы биологические потребности животного в питательных веществах и имел минимальную стоимость. При особых постановках задач или решении задач в системе экономико-математических кроме основного критерия оптимальности – минимум себестоимости рациона возможны и другие критерии оптимальности.

Решение этой задачи позволит определить, какие корма и в каком количестве необходимо давать животному, а также количество приобретаемых кормов и подкормок. Оптимальная оценка рациона рассчитывается по отношению к выбранному критерию оптимальности. Решение задач позволяет определить также более эффективные изменения в структуре кормов рациона и степень дефицитности отдельных питательных веществ.

Важное значение имеет также комплексность не только выращивания животноводческой продукции в сельском хозяйстве, но и промышленная переработка мясомолочной продукции, которые составляют на современном этапе актуальную задачу для Кыргызстана. Дело заключается не только в разрыве хозяйственных связей предприятия аграрного сектора и переработки, но и в том, что в нашей республике до сих пор не создана системность по всей цепи производства продукции, ее передвижения на рынке сбыта.

К сожалению, все эти работы осуществляются на стихийной основе, где много случайностей и малоорганизованности. Между тем, рынок требует высшей степени организованности только на принципах свободы производителя, покупателя и ценообразования.

Безусловно, нужно повышать ответственность местных органов самоуправления за результаты хозяйственной деятельности предприятий данной территории, поскольку от взаимодействия местных органов самоуправления и предприятий агропромышленного производства зависит общее благосостояние населения, проживающего на данной территории. Нам представляется, что оценку деятельности местных органов самоуправления следует осуществлять в первую очередь по экономическим показателям данной территории, а также по степени самодостаточности и готовности к самофинансированию. Ведь местным органам самоуправления от имени государства делегировано распоряжение использования огромного количества ресурсов, в частности, нераспределяемой земли, пастбищ, богарных земель, лесных хозяйств и др.

Литература

1. Крум Э. В. Экономика предприятия. Минск: ТетраСистемс, 2010. 192 с.
2. Анохина М. Е. Исследование процессов экономического роста АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 1. С. 41–55.
3. Тургунбаев Ж. Т. Проблемы трудоизбыточного региона // Человек и труд. 2004. № 5. С. 49–50.
4. Алексейчева Е. Ю. Повышение конкурентоспособности региональной экономики // Пищевая промышленность. 2005. № 9. С. 58.
5. Тургунбаев Ж. Т. Проблемы сельского частного сектора // Реформа. 2001. № 1. С. 27.
6. Программное выступление премьер-министра Кыргызской Республики С. Исакова на пленарном заседании Жогорку Кенеша КР от 25 августа 2017 г.
7. Момунов У. Н., Баатыр Уулу А. Повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса Кыргызстана на основе кластерного подхода // Известия вузов Кыргызстана. 2014. № 10. С. 168–171.
8. Коваленко Е. Г. Региональная экономика и управление. СПб: Питер, 2005. 288 с.
9. Осмонова А. А. Экономический анализ для обоснования приоритетов аграрной политики // Социальные и гуманитарные науки. 2011. № 1-2. С. 55.
10. Благов Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб: Высшая школа менеджмента, 2010. 272 с.
11. Лебедев А. Н. Формирование механизма взаимодействия заинтересованных сторон корпорации // Экономические системы. 2017. Т. 10. № 2. С. 24–28.

REGIONAL BRANCH APPROACH TO THE FORMATION OF A RATIONAL FORM OF CORPORATE GOVERNANCE

Zhusup T. Turgunbaev[1, @], Melisbek Zh. Turgunbaev[2]

[1] Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, 547, Frunze St., Bishkek, Kyrgyzstan, 720033
[2] Jalal-Abad International University, 30, Jenijoka St., Jalal-Abad, Kyrgyzstan, 72100
[@] turgunbaev56@mail.ru

Received 30.11.2017. Accepted 23.01.2018.

Keywords: Corporate governance, agro-industrial complex, management system, agriculture, efficiency, macroeconomic policy.

Abstract: The paper studies and summarizes some theoretical views on the essence and content of the management system of the agro-industrial complex in the Kyrgyz Republic: the problems, shortcomings, experience in the implementation of economic reforms and the possibility of its use in local conditions. The study features the state of socio-economic development of the republic in the current market conditions. The research on the interaction of management bodies allows the authors to reveal some tendencies of development of the agro industrial complex. The paper introduces a mechanism for improving the interaction of the management system, practical approaches to economic programming and solving management problems in agro-industrial complex and economic policy.

The proposals developed for the organization of corporate management of the agro-industrial complex will contribute to the successful solution of various tasks: to increase the economic efficiency of the agricultural sector, to raise the competitiveness of agricultural products and, ultimately, to provide the food security of the Kyrgyz Republic.

The paper features a methodology for the rational organization of corporate governance. The methodology takes into account the individual characteristics and parameters of enterprises of various institutional forms of economic environment, geographical location and many other macro and microeconomic factors, as well as the interests of the state and regional business.

For citation: Turgunbaev Zh. T., Turgunbaev M. Zh. Regional'no-otraslevoi podkhod k formirovaniiu ratsional'noi formy korporativnogo upravleniia [Regional Branch Approach to the Formation of a Rational Form of Corporate Governance]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 61–66.

References

1. Krum E. V. *Ekonomika predpriiatiia* [Enterprise economy]. Minsk: TetraSistems, 2010, 192.
2. Anokhina M. E. Issledovanie protsessov ekonomicheskogo rosta APK [Investigation of the economic growth of the agroindustrial complex]. *Ekonomika sel'skogo khoziaistva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*, no. 1 (2017): 41–55.
3. Turgunbaev Zh. T. Problemy trudoizbytochnogo regiona [Problems of the labor-surplus region]. *Chelovek i trud = Human and Labor*, no. 5 (2004): 49–50.

4. Alekseicheva E. Iu. Povyshenie konkurentosposobnosti regional'noi ekonomiki [Increase of competitiveness of regional economy]. *Pishchevaia promyshlennost' = Food industry*, no. 9 (2005): 58.

5. Turgunbaev Zh. T. Problemy sel'skogo chastnogo sektora [Problems of the rural private sector]. *Reforma = Reform*, no. 1 (2001): 27.

6. Programmnoe vystuplenie prem'er-ministra Kyrgyzskoi Respubliki S. Isakova na plenarnom zasedanii Zhogorku Kenesha KR ot 25 avgusta 2017 g. [Program speech of the Prime Minister of the Kyrgyz Republic S. Isakov at the plenary session of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic of August 25, 2017].

7. Momunov U. N., Baatyr Uulu A. Povyshenie konkurentosposobnosti agropromyshlennogo kompleksa Kyrgyzstana na osnove klasternogo podkhoda [Increasing the competitiveness of the agro-industrial complex of Kyrgyzstan on the basis of a cluster approach]. *Izvestiia vuzov Kyrgyzstana = Izvestiya of higher educational institutions of Kyrgyzstan*, no. 10 (2014): 168–171.

8. Kovalenko E. G. *Regional'naia ekonomika i upravlenie* [Regional economy and management]. Saint-Petersburg: Piter, 2005, 288.

9. Osmonova A. A. Ekonomicheskii analiz dlia obosnovaniia prioritetov agrarnoi politiki [Economic analysis for substantiating the priorities of agrarian policy]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki = Social and Human Sciences*, no. 1-2 (2011): 55.

10. Blagov Iu. E. *Korporativnaia sotsial'naia otvetstvennost': evoliutsiia kontseptsii* [Corporate social responsibility: the evolution of the concept]. Saint-Petersburg: Vysshaia shkola menedzhmenta, 2010, 272.

11. Lebedev A. N. Formirovanie mekhanizma vzaimodeistviia zainteresovannykh storon korporatsii [Formation of the mechanism of interaction of the corporation's stakeholders]. *Ekonomicheskie sistemy = Economic systems*, 10, no. 2 (2017): 24–28.

УДК 330

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Жусуп Т. Тургунбаев[1, @], Мелисбек Ж. Тургунбаев[2]

[1] Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, 720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547
[2] Международный университет в городе Жалал-Абад, 72100, Кыргызская Республика, г. Джалал-Абад, ул. Дженинджока, 30
[@] turgunbaev56@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2017. Принята к печати 23.01.2018.

Ключевые слова: инвестиция, инвестиционный климат, агропромышленный комплекс, инвестиционный ресурс, инновационные процессы, крестьянские и фермерские хозяйства.

Аннотация: Необходимость изучения инвестиционных проблем обусловливается тем, что инвестиции являются одним из основных средств интеграции молодой суверенной национальной экономики в процессе глобализации хозяйства. Инвестиционная политика реципиента капитала, помимо общетеоретических положений и особенностей реформации экономики конкретной страны, должна содержать механизмы, стимулирующие привлечение иностранных инвестиций в целях повышения эффективности национальной экономики.

Экономические преобразования в Кыргызстане протекают в условиях дефицита инвестиций. Незначительная часть долгосрочных кредитных вложений, малые объемы бюджетных вливаний, отсутствие внутреннего рынка инвестиций – все это свидетельствует о явно низкой инвестиционной активности экономики страны.

Цель настоящего исследования заключается в проведении системного обобщения условий инвестирования в новых формах управления в условиях общей глобализации сельского хозяйства. Уточнены основы формирования инновационного развития АПК, выявлены направления устойчивого развития АПК, предложены пути формирования инновационной модели развития аграрного сектора, разработаны некоторые пути оптимизации инвестиционного развития растениеводческой культуры и животноводства Кыргызской Республики. В статье намечены основные пути повышения эффективности их использования, проведена качественная оценка инвестиционного климата национальной экономики.

Для цитирования: Тургунбаев Ж. Т., Тургунбаев М. Ж. Роль инвестиции в формировании новых форм управления в условиях глобализации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 67–72

В формировании эффективной организационной формы управления агропромышленным производством важную роль играют инвестиционные ресурсы, которые на современном этапе выступают как один из факторов социально-экономического развития территорий, а также отдельных компаний и производственных единиц. Объективность этой ситуации заключается в том, что компании в ходе осуществления своей деятельности расходуют большое количество денежных средств для приобретения материалов, выплаты заработной платы и для других целей в виде оборотных средств [1, с. 78]. Текущие расходы в стоимостном выражении полностью входят в стоимость готовой продукции, но их возмещение происходит только по мере реализации продукции на рынке. Поэтому время расходования оборотных средств и возмещения их не совпадают, и возникает объективная необходимость инвестиционных ресурсов для нормального протекания производственного процесса с расчетом на то, что произведенная продукция будет реализована на рынке, тем самым будет полностью возмещена стоимость оборотных средств на приобретение материалов, выплаты заработной платы рабочим.

Инвестиционные ресурсы необходимы не только для вышеуказанных целей, но и главным образом для обеспечения перспективного развития компании и производственной структуры в целом [2, с. 37–38]. При этом под развитием следует понимать широкий круг задач, требующих своего разрешения. Среди перспективных задач и проблем текущей деятельности важное место принадлежит вопросам управления и формирования эффективной организационной формы управления. Специфика такой постановки вопроса сводится к тому, что для осуществления текущей деятельности и формирования будущей организационной формы нужны прежде всего оптимальная структура управления, выработка правильных управленческих решений и их выполнения. Особую актуальность в формировании форм управления приобретает распознавание будущих тенденций управленческих функций, а также оценка их для осуществления эффективной производственной деятельности. Однако следует заметить, что все это, т. е. форма управления, направлено не для создания самой структуры управления, а главным образом для достижения результативности всей производственной системы, ради которой создается управленческая структура.

Отсюда под эффективной формой управления производственной системой следует считать такую структуру управления, которая в наибольшей степени соответствует целям и задачам производственных систем в целом.

Таким образом, инвестиции, направляемые на развитие производственной системы, касаются и управленческих проблем.

Применительно к агропромышленному производству, в особенности в его организации по регионально-отраслевому принципу, следует учитывать условия привлечения инвестиций и критерии, по которым оценивается использование инвестиционных ресурсов.

Необходимо отметить, что каждый регион и отрасль обладает определенным инвестиционным потенциалом, к которому можно отнести намечаемые объемы выпуска продукции АПК, а также весь комплекс производственной и социальной инфраструктуры, связанной с АПК [3, с. 154].

Следует различать экономический и инвестиционный потенциалы. Последний включает такое понятие, как возможность привлечения инвестиций для различных целей. Инвестиционный потенциал характеризуется инвестиционным климатом, инвестиционной привлекательностью, возможностью активизировать инвестиционную деятельность.

В зависимости от места образования и объема различают территориальный, отраслевой, местный, производственный, социальный и другие виды инвестиционного потенциала. Каждый вид характеризуется присущими ему параметрами и свойствами. Поэтому каждый вид инвестиционного потенциала состоит из конкретных измерителей в пространстве и во времени.

Что касается экономического потенциала, то он характеризуется совокупностью ресурсных возможностей, необходимых для ведения хозяйства в той или иной отрасли или в регионе.

На наш взгляд, инвестиционный потенциал следует сопоставлять с экономическим потенциалом для того, чтобы оценить результаты экономической деятельности, которые оцениваются на рынке такими соотношениями, как спрос и предложение, прибыль и затраты, конкурентоспособность и другие, следует результаты инвестиционной деятельности также рассматривать с позиции рыночного механизма.

Вышесказанное означает, что и в привлечении инвестиций широко используются такие понятия, как конкурсный отбор проектов для инвестирования, возвратность инвестиции, экономические выгоды, получаемые инвесторами, и др.

Для агропромышленного производства Кыргызстана на перспективный период предстоят две важные задачи, связанные с инвестициями. Во-первых, значительное повышение инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата, в особенности в аграрном секторе экономики. Здесь ситуация такая, что чрезвычайно мала доля внешних инвестиций. Внешний инвестор по сути не желает вкладывать свои средства в сельское хозяйство. Исторически сложилось так, что инвестиции в сельское хозяйство не дают быстрой отдачи из-за длительного цикла инвестиционного процесса, например, вложения в повышение плодородия почвы дают эффект через несколько лет [4, с. 28]. То же самое наблюдается с инвестициями в ирригацию или улучшением стада животных. Инвесторы, как правило, не хотели бы ждать относительно длительный период отдачи инвестиций.

Поэтому инвестиции в аграрный сектор и частично в переработку идут в основном за счет внутренних источников, например, в виде прямого бюджетного финансирования, предоставления льгот при кредитовании предприятий переработки и сельского хозяйства (например, для сельского хозяйства процентная ставка кредитов составляет 10 %, а для перерабатывающих предприятий – 6 %).

Кроме того, регионы по сути не занимаются повышением инвестиционного климата и инвестиционной привлекательностью территорий. Это создает некоторую неуверенность руководителей регионов в развитии административно-территориальных делений, которые предпочитают прибегать к иным способам управления территориями. Например, районным акимам и представителям Правительства в областях гораздо выгоднее получить дотации, чем приложить колоссальные усилия для повышения эффективности производства территорий и создания эффективных форм управления.

Поскольку принципы корпоративного управления в агропромышленном производстве еще не получили достаточного развития, на наш взгляд, имеет значение отработки форм управления на базе проведения эксперимента. При этом не следует опасаться постановки эксперимента, так как виной неудач бывает не сам эксперимент, а переработанность в условиях эксперимента, а также отсутствие кадров и средств для осуществления эксперимента. Чем глубже и шире будут проведены эксперименты, тем лучше будут отработаны формы управления.

Как правило, привлечение и активизация инвестиций сопровождаются инновационной деятельностью, в том числе в сфере управления [5, с. 247]. Это понятно, поскольку инновации, по сути являясь новшеством, базируются на использовании передовых опытов использования достижений научно-технического прогресса.

Инвестиционная деятельность одновременно преследует обеспечение результативности с наименьшими общественными необходимыми затратами. Это вовсе не означает, что таковой является любая инвестиционная деятельность. На практике это не так, так как достаточно примеров, когда те или иные инвестиции не только не достигают своей цели, но и не наносит значительный ущерб экономике регионов или отраслей. Например, в начальном периоде суверенитета инвестиции, направленные на проведение аграрной и земельной реформы или на преобразование предприятий переработки по программе «PESAC», скорее дали отрицательный результат.

Одной из важнейших стратегий инвестиционно-инновационного развития аграрной отрасли является поиск стратегически значимых инноваций, обоснование размеров и форм государственной поддержки инновационных программ развития отрасли за счет доказанной высокой эффективности подобных проектов, обоснованных мер государственного воздействия на сельское хозяйство. С целью модернизации всех малорентабельных хозяйств Кыргызстана необходимо оптимально разработать инновационно-инвестиционную систему. При переходе от точечной модернизации к массовой необходимо создать особые механизмы инвестирования и инновационного развития с учетом того, что у большинства сельхозорганизаций материально-техническая база крайне отсталая, отсутствуют инфраструктура переработки и сбыта продукции и квалифицированные кадры. При этом активный импульс развития должны получить все формы инвестирования.

Несколько иной характер имеют риски в пищевой промышленности. Они связаны с тем, что продукция пищевой промышленности потребляется населением в виде продуктов питания. Само по себе потребление продуктов питания – это совершенно особая сфера в жизнедеятельности людей. Данная сфера хотя и зависит от уровня развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, но тем не менее имеет самостоятельное значение. Дело в том, что природа питания скорее зависит от потребности людей в продуктах питания и платежеспособности населения приобрести их. При этом величина рисков в основном связана с изменениями предпочтений питания и уровня платежеспособности населения.

Велико влияние на процесс питания и традиций, предпочтений, привычек потребления продуктов питания в зависимости от половозрастной структуры населения, его места жительства, характера занятости, тяжести труда, времени года и т. д. В этом же ряду находится влияние процессов глобализации, состояния экологии, структуры питания и т. д. [6, с. 410].

Для Кыргызстана, так же как и для республик Центральной Азии, весьма важное значение имеет культура потребления. Риск в этом случае связан с неопределенностью и непредсказуемостью уровня потребления продуктов питания, например, в последние 10–20 лет в структуре семейных бюджетов расходы на питание в Кыргызстане составляет около 60 % семейного бюджета. Эта величина содержит в себе большой риск, так как на развитие самого человека, в том числе на образование, рост культурного уровня и обеспечение здорового образа жизни, остается мало средств, что само по себе вызывает риск в жизнедеятельности людей. Одной из существенных причин неблагополучной структуры питания с точки зрения охраны здоровья, в частности относительно уменьшения смертности детей, является нездоровое питание матерей во время беременности и несбалансированный состав питательных веществ в организме матерей и детей. Много расходов в семейном бюджете кыргызских семей образуют так называемые непроизводительные расходы. Например, кыргызская семья традиционно тратит много средств на проведение различных торжеств, тойев, похоронных процессов, несмотря ни на какие трудности и нехватку средств. Сплошь и рядом можно встретить примеры, когда такие торжества проводят за счет получения потребительских кредитов, что в значительной степени увеличивает риски в жизнедеятельности людей.

Кроме того, существует много проблем в самом инвестиционном процессе в агропромышленном производстве. Так, существующие инвестиционные отношения не в полной мере соответствуют требованиям рыночной экономики, а именно:

– недостаточно отработаны механизмы инвестирования;

– государственная поддержка сельского хозяйства не обеспечивает эффективность функционирования аграрного производства;

– не обеспечивается возврат вложенных инвестиций ввиду убыточности деятельности сельскохозяйственных предприятий.

В таком положении необходимо комплексно подходить к решению проблем формирования инвестиционных ресурсов, а также совершенствованию инвестиционного процесса как совокупности норм и правил инвестирования агропромышленных предприятий. В этом случае инвестирование сельского хозяйства в современных условиях должно иметь несколько этапов, таких как программирование, предоставление, использование и возврат инвестиционных средств в будущем.

В последние годы условия кредитования предприятий сельского хозяйства и переработки значительно улучшились, что создает соответствующие мотивации для развития предпринимательской деятельности [7, с. 125–127]. Однако мы считаем, что не следует останавливаться на достигнутом – необходимо довести процентные ставки кредитования предприятий переработки и сельского хозяйства с 6–10 % в настоящее время до 4 %, как это делается в некоторых зарубежных странах.

Кроме того, развитие предпринимательской деятельности в агропромышленном производстве требует особых подходов, в том числе поддержки со стороны государства, так как условия инвестирования здесь менее привлекательны, чем горнодобывающей отрасли [8].

Известно, что время расходования инвестиции и получения доходов не совпадает. Поэтому в практике для приведения в так называемый сопоставимый вид используется метод дисконтирования. При этом срок окупаемости рассматриваемого проекта определяется как отношение начальных капитальных затрат на среднегодовой чистый денежный поток.

Если приведенная стоимость инвестиций превышает начальные капитальные вложения, то инвестиции будут выгодны.

Разработчик инвестиционного проекта при его оценке пользуется методом расчета чистого приведенного дохода. Расчет чистого приведенного дохода осуществляется формулой:

$$NPV = \sum_{k=1}^{n} \left[R_k / (1+r)^k \right] - IC$$

где R_k – годовые денежные поступления в течение k лет, $k=1,2,\ldots,n$; IC – стартовые инвестиции; r – ставка дисконтирования.

Если $NPV>0$, то проект следует принять; если $NPV<0$, то проект следует отвергнуть; если $NPV=0$, то проект не прибыльный и не убыточный. После подсчета NPV инвестор решает, следует ли выдать инвестиции или нет.

Разумеется, между инвестором и получателем инвестиций для достижения приемлемых для обеих сторон соглашений процедурно проделывается ряд стандартных операций, среди которых – конкурсный отбор проектов, расчет эффективности инвестиций и т. д. Только после них решается вопрос о выделении инвестиции.

Следует подчеркнуть важность инвестиционных процессов с инновационной деятельностью. Каждая подотрасль экономики в этом отношении имеет свои особенности. Важно, чтобы инновационная деятельность способствовала росту результативности функционирования агропромышленной сферы в целом и каждой подотрасли, входящей в нее [9, с. 18].

Необходимо также отметить, что внедрение новых технологий тесно связано не столько с проведениями научных исследований, сколько с умением пользоваться

информационной технологией. Иначе говоря, в Кыргызской Республике ситуация такова, что многочисленные крестьянские и фермерские хозяйства не могут провести научно-исследовательские работы, если даже они объединяются в кооперативы или агрофирмы. Поэтому, скорее всего, новые технологии могут быть внедрены в сотрудничестве с научно-исследовательскими организациями, а также в порядке внедрения опыта передовых хозяйств как внутри Кыргызстана, так и зарубежных стран. Для этого нужна надежная информационная база, из которой крестьянские и фермерские хозяйства могли бы получать необходимую информацию.

В Кыргызской Республике в настоящее время принят курс перехода на цифровую экономику и управление ее на базе использования электронных передаточных устройств вплоть до создания электронного правительства. Разрабатываются и частично внедряются элементы автоматизации управленческих процессов. Так, в настоящее время во всех айыл-окмоту создана служба по выдаче паспортов, свидетельств о рождении, документов о регистрации в брачный союз и других документов с помощью современных аппаратов (т. е. компьютеры, сканеры, передаточные и печатающие устройства и др.). Для этого все отделения связи (почта), которые находились в подчинении министерства транспорта и связи, переданы в государственную регистрационную службу (ГРС). Это освободит граждан Кыргызской Республики от рутинных и иногда бесполезных работ по сбору документов, справок и т. д., к тому же все это, т. е. выдача паспортов и других документов, производилось только в районных центрах.

Можно представить, какую экономию времени получат граждане от введения такого новшества. Например, житель села Папан Кара-Сууйского района Ошской области для получения какой-то справки ездил в районный центр Кара-Суу с протяженностью 50–60 км, теряя весь день. Такое новшество в организации выдачи документов гражданам со стороны государственных служб является первым шагом на пути новой стратегии деятельности Правительства, состоящего из 40 шагов новой стратегии развития страны. В начале 2017 г. была успешно реализована программа по переходу цифровой телепередачи во всех регионах Республики, что также следует считать важным событием в информационной технологии.

Нам представляется, что в управлении агропромышленным производством во всех районах и айыл-окмоту нужно создать службу оказания помощи государства сельскому хозяйству с использованием новых информационных технологий [10, с. 19]. Примерный перечень работы этой службы выглядит следующим образом:

– крестьяне и фермеры получают информацию о наличии площадей земли сельскохозяйственного назначения, в том числе по дворам, арендованным землям, размеру нераспределяемого фонда;

– информация о прогнозных ценах на те или иные сельскохозяйственные культуры, продукции животноводства, приобретаемые крестьянами и фермерами товарно-материальных ценностей и др.;

– условие партнерства государства и крестьянско-фермерских хозяйств по закупкам сельскохозяйственной продукции;

– изменения законодательных и нормативных положений касательно аграрного производства и др.

Подобные меры способствовали бы решению многих наболевших проблем жителей села, обосновали мотивацию трудовой деятельности строить, стратегию будущей деятельности.

Стратегия будущей деятельности в сфере агропромышленного производства во многом связана с определением эффективности инвестиционных проектов, включая социальные последствия в результате реализации таких проектов [11].

Правда, в первые 10–15 лет суверенитета Кыргызской Республики организовывались многочисленные семинары, обучение за счет привлечения иностранных инвестиций, были поездки руководителей крестьянско-фермерских хозяйств в зарубежные страны. Однако все это организовывалось за счет государства и за счет грантов иностранных государств, при этом истинной заинтересованностью крестьян в организации эффективных форм управления не было, так как реальных шансов получить прямые инвестиции не было. Свидетельством тому является то, что в агропромышленной сфере за годы суверенитета не было создано ни одной эффективно функционирующей агрофирмы с высокими экономическими показателями, соответствующими международному уровню. Поэтому считаем нужным реально перейти к детальным проработкам конкурентоспособных проектов и вопросам привлечения реальных инвестиций, нам думается, что в административно-территориальных делениях (области, районы, айыл-окмоту) должны заботиться о создании конкурентоспособных проектов и реализовывать их в установленном порядке. К сожалению, часто бывает так, что фермеры жалуются, что составленные ими проекты не проходят экспертизы, а государственные органы управления проявляют безразличие в этом вопросе.

На наш взгляд, государственно-частное партнерство как раз заключается в том, чтобы помочь друг другу и настойчиво продвигать в жизнь прогрессивные проекты. Для этого очень важно, чтобы крестьяне и фермеры сами вникали в технологию инвестиционных процессов, с одной стороны, а с другой – местные органы самоуправления перешли от бюрократических и начальствующих амбиций, унаследованных еще с советских времен, к сути реальных инвестиционных процессов ради благополучия жителей данной территории и административного деления в целом.

Дальнейшее улучшение деятельности аграрного сектора связано с комплексом мер, включающих как совершенствование рыночного механизма, так и улучшение производственно-торговой деятельности [12]. В частности, необходимо создание и развитие вторичного рынка земли, формирование новых эффективно работающих структур товаропроизводителей. К числу основных путей улучшения деятельности в аграрном секторе относятся: повышение плодородия почв, вовлечение в оборот неиспользованных ресурсов, использование новых технологий земледелия и инновационных методов организации производства. Кыргызская Республика нуждается в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, обучении и переобучении работников села высокопроизводительному труду, проведении маркетинговых мероприятий.

По нашему мнению, значительная доля инвестиций должна быть направлена на развитие промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Данная сфера

производства на сегодня остается отсталой. Для обеспечения соответствующей интеграции сельского хозяйства и переработки, а также с целью эффективного функционирования перерабатывающей промышленности, следует:

– активно привлекать к отрасли инвестиции;

– воздействовать на оживление финансового положения предприятий;

– ввести в производство интегральную систему в производство с законченным технологическим циклом (от закупки сельскохозяйственного сырья до выпуска готовой продукции);

– оказывать разностороннюю поддержку товаропроизводителям страны;

– устранять разногласия между производителями сельскохозяйственной продукции и ее переработчиками.

В качестве эффективных мер агропромышленной интеграции следует считать также открытие в сельских местностях мини-цехов по переработке сельхозпродукции, которые способствуют рациональному использованию произведенного урожая.

Инвестиционная деятельность, в частности, процесс привлечения инвестиций и их использование в регионах, тесно связана с проводимой инвестиционной политикой в стране в целом. Это понятно, поскольку регион является частью территории республики.

Литература

1. Тепман Л. Н. Корпоративное управление: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 243 с.
2. Тургунбаев Ж. Т. Проблемы территориального развития в рыночных условиях // Сборник научных трудов ЮНАН КР. 2001. № 2.
3. Табышева Ж. Р. Перспективы использования инвестиционных ресурсов Кыргызстана // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2010. № 4. С. 153–154.
4. Долгов С. И., Савинов Ю. А. Новые направления развития глобализации мировой экономики // Российский внешне экономический вестник. 2015. № 8. С. 9–27.
5. Цветков В. А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.
6. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
7. Тавасиев А. М. Банковское дело. Управление и технологии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 671 с.
8. Сущенцова С. С. Производственная кооперация крестьянских (фермерских) хозяйств: современные реалии, организационно – экономические механизмы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 12. С. 36–39.
9. Тургунбаев Ж. Т. Некоторые проблемы использования экономического потенциала // Вестник ОшГУ. 2001. № 4.
10. Тургунбаев Ж. Т. Резервы использования природных ресурсов в условиях рынка // Молодежь в условиях рынка: материалы международной конференции. Ош, 2000.
11. Исаков Н. Ж. Основные направления инвестиционных портфелей и его использование // Наука и новые технологии. 2009. № 9. С. 59–62.
12. Старченко В. М. Методология и методика разработки моделей эффективно функционирующих сельскохозяйственных производственных кооперативов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2016. № 2. С. 29–30.

THE ROLE OF INVESTMENT IN THE FORMATION OF NEW FORMS OF GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Zhusup T. Turgunbaev[1, @], Melisbek Zh. Turgunbaev[2]

[1] Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, 547, Frunze St., Bishkek, Kyrgyzstan, 720033
[2] Jalal-Abad International University, 30, Jenijoka St., Jalal-Abad, Kyrgyzstan, 72100
[@] turgunbaev56@mail.ru

Received 30.11.2017. Accepted 23.01.2018.

Keywords: investment, investment climate, agro-industrial complex, investment resource, innovative processes, peasant and farm economies.

Abstract: The need to study investment problems rises from the fact that investment is one of the main means of integrating the young sovereign national economy in the process of economic globalization. The investment policy of the recipient of capital, in addition to general theoretical and specific features of the economic reform in a particular country, should contain mechanisms that stimulate the attraction of foreign investment in order to improve the efficiency of the national economy.

Economic transformations in Kyrgyzstan proceed in the conditions of investment deficit. An insignificant part of long-term credit investments, small amounts of budget injections, lack of an internal investment market – all these factors indicate a low investment activity of the country's economy.

The aim of this study is to systematically generalize the conditions for investing in new forms

of governance in the context of a general globalization of agriculture. The paper clarifies the foundations of innovative development of the agro industrial complex, identifies the directions for the sustainable development of the agro industrial complex, introduces some ways of forming an innovative model for the development of the agricultural sector, and develops some ways of optimizing the investment development of crop and livestock production in the Kyrgyz Republic. The article outlines the main ways to improve the efficiency of their use and includes a qualitative assessment of the investment climate of the national economy

For citation: Turgunbaev Zh. T., Turgunbaev M. Zh. Rol' investitsii v formirovanii novykh form upravleniia v usloviiakh globalizatsii [The Role of Investment in the Formation of New Forms of Governance in the Context of Globalization]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 67–72.

References

1. Tepman L. N. Korporativnoe upravlenie [Corporate governance]. Moscow: UNITY-DANA, 2012, 243.
2. Turgunbaev Zh. T. Problemy territorial'nogo razvitiia v rynochnykh usloviiakh [Problems of territorial development in market conditions]. *Sbornik nauchnykh trudov IuNAN KR = Collection of scientific works of UNAN KR*, no. 2 (2001).
3. Tabisheva Zh. R. Perspektivy ispol'zovaniia investitsionnykh resursov Kyrgyzstana [Perspectives of the use of investment resources of Kyrgyzstan]. *Izvestiia VUZov Kyrgyzstana = Izvestiya of higher educational institutions of Kyrgyzstan*, no. 4 (2010): 153–154.
4. Dolgov S. I., Savinov Yu. A. Novye napravleniia razvitiia globalizatsii mirovoi ekonomiki [New directions of development of globalization of the world economy]. *Rossiiskii vneshne ekonomicheskii vestnik = Russian external economic bulletin*, no. 8 (2015): 9–27.
5. Tsvetkov V. A. *Korporativnyi biznes: teoriia i praktika* [Corporate business: theory and practice]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 504.
6. Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by globalism]. Moscow: Eksmo-Press, 2002, 416.
7. Tavasiev A. M. *Bankovskoe delo. Upravlenie i tekhnologii* [Banking. Management and technology]. 3rd ed. Moscow: UNITY-DANA, 2015, 671.
8. Suschentsova S. S. Proizvodstvennaia kooperatsiia krest'ianskikh (fermerskikh) khoziaistv: sovremennye realii, organizatsionno – ekonomicheskie mekhanizmy [Production cooperation of peasant (farmer) economies: modern realities, organizational and economic mechanisms]. *Ekonomika sel'skokhoziaistvennykh i pererabatyvaiushchikh predpriiatii = Economics of agricultural and processing enterprises*, no. 12 (2016): 36–39.
9. Turgunbaev Zh. T. Nekotorye problemy ispol'zovaniia ekonomicheskogo potentsiala [Some problems of using economic potential]. *Vestnik OshGU = Bulletin of the Osh State University*, no. 4 (2001).
10. Turgunbaev Zh. T. Rezervy ispol'zovaniia prirodnykh resursov v usloviiakh rynka [Reserves of the use of natural resources in the market conditions]. *Molodezh' v usloviiakh rynka: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Young people in the market: Proc. Intern. Conf.]. Osh, 2000.
11. Isakov N. Zh. Isakov N. Zh. Osnovnye napravleniia investitsionnykh portfelei i ego ispol'zovanie [The main directions of investment portfolios and its use]. *Nauka i novye tekhnologii = Science and new technologies*, no. 9 (2009): 59–62.
12. Starchenko V. M. Metodologiia i metodika razrabotki modelei effektivno funktsioniruiushchikh sel'skokhoziaistvennykh proizvodstvennykh kooperativov [Methodology and methodology for developing models of efficiently functioning agricultural production cooperatives]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khoziaistve = Economics, labor, management in agriculture*, no. 2 (2016): 29–30.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 26.01.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 07.02.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 9. Уч.-изд. л. – 7.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.